Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал
Издается с 2001 года
(до 1 января 2012 года – "Вестник Поморского университета")

Выходит 6 раз в год

Вестник

**СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

Ж. Биндер (Франция),
К.Г. Боголицын, В.А. Болотов, П.В. Боярский,
Л. Брайэм (США), И. Брок (Норвегия),
Л.А. Вербицкая, В.И. Голдин, А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин, О.Л. Кузнецов,
Л. Лаюнен (Финляндия),
В.И. Павленко, В.А. Садовничий,
С.И. Сороко, И.Е. Фролов,
А.Н. Чилингаров,
Х.-Д. Энгельманн (Германия)

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, А.А. Дрегало,
П. Дьюкс (Великобритания),
Д. Кемпер (Германия), А.Г. Лошаков,
В.А. Марьянчик, А.А. Медова,
Н.И. Николаев, Й.П. Нильсен (Норвегия),
А.В. Петров, Р.Г. Пихоя, Ю.В. Попков,
А.М. Прилуцкий, А.В. Репневский,
В.В. Рогинский, Т.А. Сидорова,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Теребихин,
Е.В. Угрюмова (отв. секретарь),
Э.Я. Фесенко, П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
А.В. Чудинов, А.Е. Шапаров,
Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”

№ 1 / 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Красавцев Л.Б. Проблемы разгрузки судов с грузами военной помощи в Архангельском морском торговом порту в 1941–1945 годах..... 5

Селезнёв Ю.В. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси..... 18

Ярков А.П., Перцев Н.В. Исламский импорт на Великом меховом пути..... 25

ФИЛОСОФИЯ

Внутских А.Ю., Динабург С.Р. Трансдисциплинарные аспекты философской практики..... 33

Григоренко Е.В. Грамматические модели в философии как средства для описания и познания действительности..... 42

Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Значение системы координат мира на основе предельных динамических равновесий для развития современного образования..... 52

Меньчиков Г.П. Сущность человека: классический, неклассический и неоклассический дискурс..... 61

Опенков М.Ю., Варакин В.С. Искусственный интеллект как экономическая категория..... 73

Смирнов Г.С., Никифоров А.С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения)..... 84

Тетенков Н.Б. Понятие субъективности в «Монадологии» Г.В. Лейбница..... 93

ФИЛОЛОГИЯ

Лимеров П.Ф. Мифопоэтика Севера в литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия»..... 101

Лызлов А.И. Концепт «корова» во фразеологизмах английского языка..... 111

Мухин М.Ю., Огородникова Е.А. Разграничение глагольной синонимии и тропонимии при построении электронного тезауруса..... 119

СОДЕРЖАНИЕ

Семина А.А. «Распад» в творчестве Георгия Иванова и Сергея Чудакова: генетика фрагментарности..... 128

Струкова Т.В. Литературные стихотворные загадки на страницах периодических изданий конца XVIII века..... 138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голдин В.И. Национальный вопрос и национальные политики в Гражданской войне в России..... 148

Тимашева О.В. Мозаика коллективной думы..... 152

НЕКРОЛОГ

Памяти товарища..... 158

К сведению авторов..... 161

Редактор
Е.А. Лочехина

Ведущий редактор
И.В. Кузнецова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, 17
Тел.: +7(8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Подписано в печать 28.02.2018.
Бумага писчая. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 17,22. Уч.-изд. л. 13,69.
Тираж 1000 экз. Заказ № 5754.
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, Архангельск, ул. Урицкого, 56

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2018

Founder: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal
Published since 2001
(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University)

Issued 6 times a year

VESTNIK

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77–47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Board:

G. Binder (France),
K.G. Bogolitsyn, V.A. Bolotov,
P.V. Boyarsky, L. Brigham (USA),
I. Broch (Norway), L.A. Verbitskaya,
V.I. Goldin, A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin, O.L. Kuznetsov,
L. Lajunen (Finland), V.I. Pavlenko,
V.A. Sadovnichy, S.I. Soroko,
I.E. Frolov, A.N. Chilingarov,
H.-D. Engelmann (Germany)

Editorial Panel:

L.V. Baeva, A.A. Dregalo,
P. Dukes (UK), D. Kemper (Germany),
A.G. Loshakov, V.A. Maryanchik, A.A. Medova,
N.I. Nikolaev, J.P. Nielsen (Norway),
A.V. Petrov, R.G. Pikhoya,
Yu.V. Popkov, A.M. Prilutsky,
A.V. Repnevsky, V.V. Roginsky,
T.A. Sidorova,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
E.V. Ugryumova (Executive Secretary),
E.Ya. Fesenko, P.V. Fedorov,
M. Frame (UK), L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway), A.V. Chudinov,
A.E. Shaparov, L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

No. 1 / 2018

CONTENTS

HISTORY

Krasavtsev L.B. Challenges Related to Unloading the Ships with Military Aid Cargo in the Arkhangelsk Commercial Seaport in 1941–1945..... 5

Seleznev Yu.V. The Establishment of Sovereignty of the Mongol Khagan and the Golden Horde's Khan on the Territory of Rus'..... 18

Yarkov A.P., Pertsev N.V. Islamic Imports on the Fur Route..... 25

PHILOSOPHY

Vnutskikh A.Yu., Dinaburg S.R. Transdisciplinary Aspects of Philosophical Practice..... 33

Grigorenko E.V. Grammatical Models in Philosophy as a Means of Describing and Understanding Reality..... 42

Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. The Importance of the World Co-ordinate System Based on Dynamic Equilibria for Modern Education 52

Men'chikov G.P. Human Essence: Classical, Non-Classical and Neo-Classical Discourse..... 61

Openkov M.Yu., Varakin V.S. Artificial Intelligence as an Economic Category..... 73

Smirnov G.S., Nikiforov A.S. Planetary Cephalization: The Organic and Electronic Global Mind (Ways of Language Convergence)..... 84

Tetenkov N.B. The Concept of Subjectivity in *The Monadology* by Gottfried Leibniz..... 93

PHILOLOGY

Limerov P.F. Mythopoetics of the North in the Literary Epic *Bjarmaland* by Kallistrat Zhakov..... 101

Lyzlov A.I. The Concept *Cow* in English Phraseological Units..... 111

Mukhin M.Yu., Ogorodnikova E.A. Distinction Between Verb Synonymy and Troponymy in the Construction of Electronic Thesauri 119

Semina A.A. "Decay" in Georgy Ivanov's and Sergey Chudakov's Works: The Genetics of Fragmentariness..... 128

CONTENTS

Strukova T.V. Literary Riddles in Verse on the Pages of Periodicals of the Late 18th Century..... 138

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Goldin V.I. The National Question and National Policies During the Civil War in Russia..... 148

Timasheva O.V. A Mosaic of Collective Thought..... 152

OBITUARY

In Memory of a Friend..... 158

Information for Authors..... 161

Editor
E.A. Lochekhina

Managing Editor
I.V. Kuznetsova

Translator
S.V. Biryukova

Document Manager
E.V. Orel

Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Editorial office address:
17 nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Signed in print 28.02.2018.
Writing paper. Format 84x108 $^{1}/_{16}$.
Conv. printer's sh. 17.22.
Acad. publ. sh. 13.69.
Circulation 1000 copies. Order no. 5754.
NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
56 Uritskogo St., Arkhangelsk, 163060

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2018

УДК 94(470)«1941/1945»+623.828-94 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.5

***КРАСАВЦЕВ Лев Борисович**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 230 научных публикаций, в т. ч. двух монографий и 5 учебных пособий*[*]

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРУЗКИ СУДОВ С ГРУЗАМИ ВОЕННОЙ ПОМОЩИ В АРХАНГЕЛЬСКОМ МОРСКОМ ТОРГОВОМ ПОРТУ В 1941–1945 годах

В данной статье рассматриваются проблемы, возникшие при разгрузке судов с грузами военной помощи, приходивших в Архангельский морской торговый порт в 1941–1945 годах. Для решения указанных проблем руководство страны (Государственный комитет обороны) принимает чрезвычайные меры. Буквально со всей страны собираются краны, другая техника и направляется рабочая сила, в частности из Ленинграда и с Черноморья прибывают специалисты-портовики и грузчики. Руководителем работ назначается уполномоченный Государственного комитета обороны И.Д. Папанин. Уже с 1941 года начинаются экстренные работы по модернизации и реконструкции порта, дополнительно выделяются ледоколы, принимаются меры по улучшению питания занятых на грузовых работах, увеличивается дноуглубительный флот. Проведенные работы, а также энергичная деятельность И.Д. Папанина позволяли своевременно и в срок разгружать приходящие в составе конвоев суда с грузами военной помощи. Стоит отметить, что задержек в отправке конвоев за все годы войны не было, хотя порт в это время не только принимал и отправлял грузы внешней торговли, но и обеспечивал каботажные, арктические и воинские перевозки. За успешную работу по разгрузке и отправке импортных военных материалов и продовольствия была награждена большая группа архангельских портовиков. То, что в годы Великой Отечественной войны совершили работники Архангельского порта, так же как и портовики Мурманска и Молотовска, равносильно трудовому подвигу. И он тем более значим, что работа проходила в сложнейших условиях: суровый климат Севера; модернизация и связанные с ней строительные работы, проводимые во время погрузки-разгрузки; отсутствие опыта приема импортных грузов, особенно вооружения и тяжеловесов; постоянная смена рабочего состава; жесткие условия работы по законам военного времени; тяжелейшие бытовые условия в годы войны.

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Архангельский морской торговый порт, И.Д. Папанин, северные конвои, военная помощь, импортный груз.*

---

[*]*Адрес:* 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 58; *e-mail:* l.krasavcev@narfu.ru

Для цитирования: Красавцев Л.Б. Проблемы разгрузки судов с грузами военной помощи в Архангельском морском торговом порту в 1941–1945 годах // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 5–17. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.5

Исключительно важную роль в разгрузке импортных грузов военной помощи от союзников по антифашистской коалиции, особенно в первый год Великой Отечественной войны, сыграл Архангельский морской торговый порт (АМТП). Расположенный недалеко от Белого моря и, следовательно, имеющий доступ к открытому океану Архангельский порт был наиболее удобен для приема судов с грузами военной помощи из Великобритании, а затем – из США. Поэтому 75 лет назад именно в Архангельск пришел самый первый конвой «Дервиш» из Великобритании.

Разгрузка первых судов конвоя выявила целый ряд проблем, в первую очередь недостаточные возможности АМТП [1, с. 143]. К данным проблемам следует также отнести: отсутствие опыта по приемке и разгрузке импортных грузов, особенно вооружения и тяжеловесов; большой недостаток техники (кранов); недостаток рабочей силы и ее частая сменяемость; недостаточные глубины в порту, не позволяющие принимать большие суда; нехватка ледоколов для обеспечения плавания в зимних условиях; тяжелые бытовые условия работающих на разгрузке, включая недоедание, отсюда – частые случаи хищения продовольственных грузов; определенная привычка довоенного руководства порта к бесхозяйственности.

До войны – на протяжении более 20 лет – АМТП использовался только как порт лесоэкспортного направления. Импорт иностранной техники для индустриализации страны шел через Ленинградский порт и порты Черного моря. Поэтому АМТП не был готов принимать импортные грузы.

Как отмечалось в аналитической записке о работе аппарата уполномоченного Наркомвнешторга (НКВТ) СССР по обработке импортного вооружения в АМТП, причалы порта находились в очень плохом состоянии – требовали капитально-восстановительного ремонта, не были рассчитаны на разгрузку тяжеловесных импортных грузов; отмечалась слабая оснащенность кранами: для перегрузки импортных грузов можно было использовать только 7 кранов[1].

Опыт разгрузки первых крупнотоннажных иностранных судов показал, что порт нуждается в срочной реконструкции и расширении. Для этого требовались свободные причальные линии большей протяженности, перегрузочные механизмы, большие складские площади, крытые склады, глубоководные причалы и т. д. Поэтому срочно проводятся мероприятия по увеличению пропускной способности порта. 7 сентября 1941 года (еще шла разгрузка первого каравана) принимается Постановление Государственного комитета обороны (ГКО) «О реконструкции Архангельского порта для приема союзных конвоев», а в его развитие были приняты Постановление Совета народных комисаров (СНК) СССР № 97802 от 7 сентября 1941 года, приказ Народного комиссариата Военно-Морского Флота (НКМФ) СССР № 51 от 10 сентября и Постановление Архангельского обкома ВКП(б) от 27 сентября 1941 года[2].

Для руководства всеми работами по разгрузке приходящих караванов судов, их координации и отправке грузов на фронт был назначен уполномоченный ГКО по морским перевозкам на Севере начальник Главного управления Северного морского пути (ГУСМП) И.Д. Папанин, имевший опыт организации перевозок на Севере в зиму 1939/1940 года во время Советско-финской войны. В своих воспоминаниях И.Д. Папанин писал: «15 октября 1941 г. <…> вызвали в ГКО <…> И.В.Сталин изложил ситуацию так: “Архангельский порт имеет сейчас и будет иметь в ближайшем будущем особо

---

[1]Архангельский порт в годы войны: Аналитическая записка о работе аппарата Уполномоченного Инженерного Управления НКВТ СССР по обработке импортного вооружения, прибывшего в порт Архангельск за период Великой Отечественной войны // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы / сост. М.Н. Супрун. М.: Андреев. флаг, 2000. Вып. 3. С. 273, 276.

[2]ГААО (Гос. арх. Арханг. обл.). Отд. ДСПИ (Отд. док. соц.-полит. истории). Ф. 2196. Оп. 1. Д. 911. Л. 12; Д. 1217. Л. 1.

важное значение. Это на Западе самый близкий к линии фронта свободный морской порт <…> Мы заключили соглашение с Рузвельтом и Черчиллем. Через Атлантику идут в Архангельск корабли с грузом. Надо организовать их прием, быструю разгрузку и немедленную отправку грузов на фронт. Это очень важно”»[3]. Присутствующий при этом А.И. Микоян добавлял: «Нынешнее руководство, к сожалению, не справляется со срочной разгрузкой судов. Первый караван – 6 кораблей союзников – разгружался очень долго»[4].

Однако последнее не соответствует действительности. Суда первого каравана начали разгружать 1 сентября, первое судно закончили разгружать 3 сентября, а последнее – 11 сентября; погрузка пилолеса началась 3–9 сентября, закончилась 8–15 сентября[5]. Из Архангельска караван вышел только 28 сентября, но не по тем причинам, что указаны выше. В конце октября 1941 года в Архангельск был направлен и нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов [1, с. 143]. Затем из Ленинграда прибыла группа специалистов-портовиков во главе с начальником Ленинградского порта Я.Л. Бейлинсоном, который сразу был назначен начальником АМТП. По словам И.Д. Папанина, он «умело прививал своим подчиненным ленинградскую культуру работы»[6]. Особенно хорошо показал себя в работе назначенный начальником самого большого грузового района Бакарица ленинградец К.А. Конин.

Пока составлялся проект реконструкции порта, принимались срочные меры по увеличению его пропускной способности. СНК СССР распорядился направить в Архангельск краны и другую технику из Мурманска, Мариуполя, Печоры, Владивостока, Кирова и Ленинграда. В сентябре-октябре 1941 года в Архангельск на разгрузку первых трех караванов были направлены 30 автомашин Архангельского военного округа и 25 автомашин Строительства № 300. В это же время было написано письмо на имя заместителя председателя СНК СССР А.И. Микояна с просьбой выделить для порта дополнительно 1 тыс. грузчиков, краны, горючее, 4 тыс. комплектов спецодежды, рукавицы, создать в порту самостоятельный политотдел. Письмо подписали И.Д. Папанин и первый секретарь Архангельского обкома ВКП(б) Г.П. Огородников[7].

Крупные работы по реконструкции на Бакарице были проведены еще до конца 1941 года: прежде всего вернули все причалы, арендованные сторонними организациями, проложили дополнительные железнодорожные пути, закрыли шпалы сплошным настилом, расширили автопарк и парк кранов, в т. ч. взяли у завода «Красная Кузница» 150-тонный плавкран[8].

Для выполнения модернизационых работ предстояло забить 8450 свай, израсходовать 27 780 м^3 круглого леса и 5298 м^3 пилолеса. Для строительства руководство области выделило 20 тыс. шпал, 312 т рельс, 1 тыс. топоров, 500 лопат, 2,5 тыс. электроламп, 100 т сена, 75 т овса, 1,5 тыс. комплектов теплой одежды и постельного белья, 15 тыс. пар брезентовых и 3 тыс. пар теплых рукавиц, 3 т махорки для поощрения лучших бригад строителей и грузчиков. Распоряжением ГКО Архангельскому порту передавались находившиеся в Архангельске материалы (рельсы, цемент, железо, гвозди, стекло, сено, бензин), ранее предназначавшиеся для строительств НКВД: № 300, «Воркутастрой», «Норильскстрой»[9]. Рабочие, занятые в строительстве на Бакарице, были приравнены

---

[3]*Папанин И.Д.* Лед и пламень. М.: Политиздат, 1977. С. 238.

[4]Там же.

[5]ГААО. Ф. 340. Оп. 14. Д. 57. Л. 143, 144.

[6]*Папанин И.Д.* Указ. соч. С. 260.

[7]ГААО. Отд. ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 963. Л. 26.

[8]Архангельский порт в годы войны... С. 274.

[9]ГААО. Отд. ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1217. Л. 2, 8, 9, 10, 15, 231.

в отношении норм питания к рабочим, занятым на погрузо-разгрузочных работах загрансудов. Для мобилизации портовиков организован политотдел порта, который по совместительству возглавил секретарь Архангельского обкома ВКП(б) по водному транспорту А.С. Буданов.

В г. Молотовске (ныне – Северодвинск), расположенном ближе к морю и позволяющем принимать танкеры, создали нефтебазу для приема авиабензина и бункеровки мазутом кораблей союзников и ВМФ СССР. На заводе № 402 срочно изготовили металлические нефтебаки. Два старых грузовых судна переоборудовали в береговые танкеры, а корпуса трех других зарыли в грунт и превратили в хранилища мазута. Построили временный нефтяной пирс [2, с. 208, 209]. В начале 1942 года Молотовский порт был передан АМТП на правах грузового района.

К приему судов срочно подготовили район Экономия: установили новые краны и в рекордно короткий срок проложили железную дорогу протяженностью 39 км от Экономии к переправе через Северную Двину по льду на Исакогорку. Вопрос о строительстве этой дороги местное руководство поднимало еще в августе 1941 года[10]. На строительстве дороги, которое велось по облегченным техническим нормам, работали 1 тыс. плотников и 1 тыс. возчиков с подводами. «Севтехфлот» срочно отрефулировал песок для отсыпки земляного полотна [3, с. 46].

12 марта 1942 года было принято новое Постановление ГКО «О мероприятиях по расширению импортно-экспортных операций в Архангельском торговом порту». По этому Постановлению началась широкая реконструкция грузовых районов АМТП: Бакарицы, Экономии и Молотовска, где разгружались прибывшие суда с импортным грузом. Все строительные работы в Архангельске вела архангельская строительная контора «Цуморстрой», а в Молотовске – Строительство № 203 и Ягринлаг НКВД.

На Бакарице заново построили причалы общей длиной 1700 п. м., вновь проложили две колеи железнодорожного пути вдоль всего причала. Все тыловые склады и площадки оборудовали железнодорожными и автомобильными подъездными путями. Глубины у причалов увеличили с 18 до 23 футов (с 5,47 до 7,0 м). В Молотовске также увеличили длину причальной линии, проложили новый трубопровод для приема бензина, увеличили глубины у причалов. В 1942 году в АМТП стали поступать импортные краны. Из Великобритании пришли два судна-крана с тяжеловесными грузовыми стрелами. Эти суда работали попеременно: зимой – в Мурманске, летом – в Архангельске[11].

В августе 1942 года в АМТП была создана монтажная контора по сборке импортных кранов: ее работа началась с монтажа 9 кранов. Появились в порту и импортные автомашины. На ноябрь 1942 года в порту было 144 автомашины, из них 38 грузовиков «форд» из США и 2 «остина» из Англии[12]. В 1942 и 1943 годах, в перерыве между приходом конвоев и в связи с сокращением каботажных перевозок, в основном были завершены реконструкция порта и расширение его районов. Был реконструирован Мосеев остров – главная портовая угольная база. Бакарица стала основным районом порта, оборудованным лучше других и связанным непосредственно с железной дорогой. Теперь Бакарица не только принимала основной объем импорта, но и отправляла экспортные грузы в Арктику. В 1943 году монтажная контора заканчивала монтаж 13 импортных кранов, но в том же году была отправлена для восстановления освобожденных от оккупации южных портов[13].

В мае 1944 года причалы Бакарицы подверглись разрушению во время бурного ледохода,

[10]Архангельская область в годы Великой Отечественной войны: сб. док. Архангельск, 1975. С. 25, 26.

[11]Архангельский порт в годы войны... С. 274.

[12]ГААО. Отд. ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 121. Л. 27.

[13]Там же. Ф. 1302. Оп. 1. Д. 55. Л. 2, 49, 74.

проходившего на высокой воде. В связи с этим были приняты Постановление СНК СССР «О восстановлении причалов порта Бакарица, поврежденных в результате ледохода» и Постановление бюро обкома «О ликвидации последствий ледохода и приведении в порядок портового района Бакарица». Экстренная помощь, оказанная А.И. Микояном, позволила быстро привести район в порядок.

К 1944 году оснащение порта погрузо-разгрузочной техникой существенно выросло. За 1941–1944 годы в порту установили 15 портальных, 13 железнодорожных, 7 гусеничных кранов и другую технику, что позволило поднять механизированную переработку грузов до 47,6 %. Благодаря этому в 1944 году более чем в два раза выросли темпы разгрузки судов, резко возрос грузооборот порта [4, с. 57].

Таким образом, проблема реконструкции и расширения, обеспечения техникой АМТП к осени 1943 года была в основном решена, что позволило за осень 1943 – май 1945 года обработать судов больше чем в 1,5 раза в сравнении с 1941-м – весной 1943 года.

Еще одна важная проблема – обеспечение порта рабочей силой – осложнилась в связи с мобилизацией мужчин – работников порта – в армию. Только в июне-июле 1941 года в армию ушло 70 % кадровых портовиков, а на смену пришли 2950 новичков (подростков и женщин), малоквалифицированных или вовсе не подготовленных [3, с. 14, 27]. В ноябре 1941 года в порту работало всего 243 грузчика. Для решения вопроса нехватки рабочей силы в порт направили три батальона красноармейцев (2353 чел.) и рабочий батальон (760 чел.). Работали в три смены по 2250 чел.[14]

Для работы в порту Наркомат обороны направлял так называемые рабочие батальоны из мужчин 40–50 лет, негодных к строевой службе. Большой приток неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силы неизбежно привел к резкому снижению производительности труда и трудовой дисциплины. Так, с начала войны до 1 августа 1941 года за прогулы и хищения грузов к судебной ответственности были привлечены 45 чел.[15] Власти, со своей стороны, применяли суровые меры. 18–19 ноября 1941 года военный трибунал Северного бассейна в открытом судебном заседании на Бакарице приговорил к расстрелу старшего кладовщика за пьянство, уход с работы, задержку в отправлении судна на 14 ч, а также обвинил его в хищении банки импортного табака и пары вязаных рукавиц[16].

Из-за сезонности в работе и перерывов в приходе конвоев в летний период рабочую силу часто перебрасывали, что также вызывало определенные трудности. В связи с сильным замерзанием АМТП в зиму 1941/1942 года конвои стали направлять в незамерзающий, но прифронтовой Мурманск. Мурманский порт пришлось срочно восстанавливать, для чего рабочая сила была переброшена туда из Архангельска.

Весной 1942 года АМТП испытывал острый недостаток в грузчиках. На 1 апреля в порту оставалось всего 45 кадровых грузчиков, а предстояла летняя навигация. НКМФ направил в Архангельск 226 грузчиков из Ленинграда и портов Черного моря, 1273 специалиста подготовил Учебный комбинат порта [3, с. 111]. В связи с прекращением прихода конвоев в Мурманск из-за частых бомбежек весной 1942 года с наступлением полярного дня часть грузчиков была возвращена в Архангельск. В июле 1942 года из Мурманска прибыло 277 бывших заключенных и столько же из Нарьян-Мара. Сразу же были отмечены нарушения: при разгрузке панамского судна «Трубадуэ» в Молотовске заключенные вскрыли бочку с метанолом и принесли ее в барак. В результате отравились 22 чел., 9 из них умерли. Аналогичный случай произошел на Бакарице, где умерли от отравления 11 чел.[17]

---

[14]ГААО. Отд. ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 963. Л. 26.

[15]Там же. Ф. 875. Оп. 1. Д. 12. Л. 38.

[16]Там же. Д. 134. Л. 160.

[17]Там же. Ф. 1302. Оп. 1. Д. 16. Л. 85, 144.

В начале 1943 года импортные перевозки в основном переключаются на Мурманск, поэтому из Архангельска в Мурманск были направлены 2050 рабочих, в т. ч. 1825 грузчиков. В связи с прекращением движения конвоев (до ноября 1943 года) из Архангельска были отправлены 1860 рабочих во Владивосток, 200 грузчиков – в Печорский порт, 12 опытных грузчиков – в Баку и 327 рабочих – на завод «Красная Кузница» и в Молотовск [3, с. 149].

В ноябре 1943 года возобновился регулярный приход конвоев в Архангельск, и продолжалось оно до апреля 1944 года. Снова остро встал вопрос о нехватке рабочей силы. Согласно постановлению ГКО, в АМТП прибыли воинские части в количестве 2 тыс. чел.; 323 чел. – переданы от «речников» в связи с окончанием речной навигации. Архангельск дополнительно направил 200 бойцов истребительного батальона, 70 счетно-бухгалтерских работников; АМТП создал 12 бригад грузчиков из служащих управления. Неоднократно на воскресники выезжали рабочие и служащие Архангельска [3, с. 149, 150].

Летом 1944 года снова возникли трудности с рабочей силой. Из-за прекращения движения конвоев летом рабочие военные батальоны были отозваны, АМТП передал «Цуморстрою» 1020 рабочих, в южные и балтийские порты отправили более 1 тыс. чел. В августе движение конвоев возобновилось и порту снова потребовалась рабочая сила: 1508 специалистов подготовил Учебный комбинат порта; также были выделены три рабочих батальона численностью 3 тыс. чел. Таким образом, порту раз за разом приходилось отправлять подготовленные кадры портовых рабочих и обучать новых [3, с. 192].

С проблемой нехватки рабочей силы тесно связана проблема хищения поступавших импортных продовольственных грузов. В начале войны, 26 июня 1941 года, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», согласно которому дела о хищениях в местностях, объявленных на военном положении, передавались суду военного трибунала. Появление массовых нарушений такого рода объясняется следующими причинами.

Во-первых, неудачи в войне привели к потере в 1941 и 1942 годах больших территорий Украины, Черноземья и Северного Кавказа, составлявших житницу страны и являвшихся поставщиками основного объема продовольствия. Все это обострило продовольственное положение, вызвало угрозу голода и заставило руководство пойти на значительные закупки продовольствия у союзников. По данным профессора М.Н. Супруна, продовольствие составило свыше 25 % от общего объема поставок [5, с. 257].

Представление об этих поставках складывается на основе перечня грузов, доставленных американским пароходом «Вубридж Феррис», пришедшим в январе 1944 года. Помимо вооружения и оборудования он доставил: молочный порошок, масло сливочное – 6252 ящика; мука пшеничная – 10 тыс. мешков; тушенка – 15 530 ящиков; фасоль – 48 ящиков; яичный порошок – 6060 ящиков; консервированный бекон – 8955 ящиков; консервы свиные – 1999 ящиков; ветчина рубленая – 2 тыс. ящиков; соевая мука – 800 ящиков[18]. За годы войны пришли сотни таких судов. В условиях военного времени – при неоднократных перегрузках неквалифицированной рабочей силой – эти ящики часто ломались, не сразу отгружались в вагоны и какое-то время хранились прямо на причалах. Выставить везде охрану, особенно в трюмах иностранных судов, не получалось, и все это открывало возможность хищения продуктов.

Вторая причина, пожалуй, самая главная, – резкое ухудшение жизни и питания, постоянное недоедание, полуголодное состояние работавших на погрузке-разгрузке. Очень плохо обстояло дело с питанием портовиков, смертность среди них, особенно грузчиков, достигла высокого уровня. По данным медсанчасти АМТП, в 1942 году умерли 260 портовиков, из них 189 – от общих заболеваний и упадка сил, 24 – от цинги. Только в начале 1943 года правительство

[18]ГААО. Ф. 340. Оп. 14. Д. 46. Л. 20.

приняло меры по улучшению питания портовиков.

Еще в конце 1941 года для грузчиков, занятых на обработке иностранных судов, были установлены повышенные нормы питания, но в первый год войны они обеспечивались далеко не полностью из-за сокращения поставок продовольствия на Север. Тяжелый 12-часовой физический труд на открытом воздухе зимой требовал большего объема продовольствия. И только после ходатайства И.Д. Папанина в начале 1943 года разрешили использовать часть импортных продуктов для дополнительного питания портовиков ведущих профессий. К лету 1943 года было покончено с дистрофией и цингой [2, с. 215, 219].

О тяжелом положении портовых рабочих свидетельствует политдонесение первого помощника капитана парохода «Сакко», разгрузка которого происходила в июле 1942 года на Бакарице. Рядом под погрузкой стоял американский пароход «Минотор» – его грузила краснознаменная бригада грузчиков. Но грузчики бригады были плохо одеты, оборванные, голодные. В обеденный перерыв, после обеда американцев, они собирали объедки, которые американцы специально оставляли, чтобы посмеяться[19].

Третья причина – отсутствие постоянного рабочего контингента портовых рабочих, его частая сменяемость в зависимости от оперативной обстановки на бассейне. Основную рабочую силу представляли рабочие колонны и батальоны, которые состояли из мужчин в возрасте 40–50 лет, негодных к строевой службе и не имевших никакого опыта портовой работы: бóльшая их часть не видела моря и морских судов. Условия жизни и работы этих людей были исключительно тяжелы: жизнь в неблагоустроенных бараках; ходьба строем в порт за несколько километров туда и обратно; 12-часовой рабочий день в две смены во время обработки караванов. Кроме того, оперативная обстановка часто требовала переброски грузчиков и специалистов в порты других бассейнов.

О количестве хищений говорят следующие данные. За период обработки 12 судов каравана JW-51 в Молотовске (декабрь 1942 года – январь 1943-го) зарегистрировано 94 случая хищений. В АМТП с декабря 1943 года по ноябрь 1944-го, по подсчетам автора, – 3223 хищения. Причем в декабре 1943 года, когда к работе приступил новый контингент рабочих, количество хищений составило 1343 случая; далее идет снижение: в январе 1944 года – 892, в июне – 129. С возобновлением импортных перевозок в августе 1944 года количество хищений снова возрастает: в сентябре – 63, в ноябре – 128, и это опять совпадает с прибытием в порт новых необученных рабочих батальонов. В процентном отношении к общему числу работающих количество хищений колеблется от 1,3 до 11,2 %[20].

Конечно, руководство принимало меры по предотвращению хищений. 10 июля 1942 года НКМФ издал приказ «Об ответственности работников морского транспорта за сохранность перевозимых грузов в военное время», в котором приводилась ссылка на решение ГКО о применении за хищение высшей меры – расстрела с конфискацией имущества. 16 июля 1942 года принят совместный приказ НКВД и НКМФ «Об организации милиции морских бассейнов и портов». 9 апреля 1943 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении военного положения на морском и речном транспорте».

Решения на местах принимали партийные органы. 15 января 1943 года бюро Архангельского обкома отметило, что «хозяйственное руководство портом и политотдел к охране грузов и борьбе с хищениями достаточно мер не принимает». 28 декабря 1943 года бюро приняло решение «О хищениях и порче импортных грузов», в котором потребовало усилить пропускной режим в порту и запретить во время обработки караванов допуск заключенных на территорию порта[21].

---

[19]ГААО. Отд. ДСПИ. Ф. 865. Оп. 1. Д. 1444. Л. 15.

[20]Подсчитано по: ГААО. Отд. ДСПИ. Ф. 875. Оп. 1. Д. 147. Л. 5, 7, 10, 16, 21.

[21]ГААО. Отд. ДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1617. Л. 4.

Что касается ответственности за хищения, то следует отметить, что не все случаи хищений приравнивались к нарушениям и не по всем случаям дела передавались в суд. Так, в АМТП за 1943 год отмечено 602 случая нарушения дисциплины, отдано под суд 124 чел., а хищений только в декабре совершено 1343. То же и в 1944 году: нарушений дисциплины – 1064 случая, отдано под суд 366 чел., а хищений – в два раза больше[22]. Следовательно, не за все хищения продуктов провинившихся привлекали к уголовной ответственности – ограничивались административной. Так, в АМТП за первую половину января 1944 года задержано за хищения 742 чел., а в военный трибунал передано 27 дел на 37 чел.[23] Видимо, руководители и в то суровое время понимали, что при поголовном применении репрессивных мер можно остаться без работников и разгружать суда будет некому.

Следующая проблема, требовавшая решения, – достижение необходимых глубин у причалов для постановки крупнотоннажных иностранных судов. В 1941 году прием судов на Бакарицу и Экономию ограничивался глубиной морского бара в устье Северной Двины в 23-24 фута (7,0-7,3 м). Молотовск, расположенный на берегу Белого моря, допускал прием судов с осадкой до 28 футов (8,4 м)[24]. Дноуглубительные работы в Архангельске проводила организация «Севтехфлот» (с 1943 года – «Архморпуть»), имевшая в распоряжении земснаряды небольшой производительностью и малой глубиной черпания и в основном дореволюционной постройки. Мощные земснаряды «Амур» и «Двина» производительностью 750 м^3/ч и большей глубиной черпания, построенные в Нидерландах в 1938 и 1939 годах, принадлежали Строительству № 203 в Молотовске [6, с. 354].

В августе 1941 года в связи с предстоящим приходом союзных конвоев в Архангельск последовало распоряжение НКМФ об углублении канала на Березовом баре. В навигацию 1941 года глубины на Березовом баре и главном судовом ходу составляли 7,2 м. Осенью 1941 года в Архангельск стали прибывать иностранные суда с осадкой более 24 футов (7,2 м), и гарантированные глубины оказались недостаточными. Для ускорения увеличения глубин на бар были поставлены возвращенный из Мурманска земснаряд «Вайгач» и арендованный у Строительства № 203 земснаряд «Амур», но из-за сильных морозов дноуглубительные работы в Архангельске были прекращены 7 ноября. Между тем стоит отметить, что уже в 1941 году глубины у причалов Бакарицы увеличили с 18 до 23 футов (5,47 и 7,0 м соответственно).

В марте 1942 года нарком ВМФ П. Ширшов приказом «О мероприятиях по расширению импортно-экспортных операций в Архпорту» обязал «Севтехфлот» обеспечить в Архангельске глубины в 26 футов от плавмаяка до Экономии и в 24 фута от Экономии до Бакарицы. Завод «Красная Кузница», согласно этому приказу, должен был обеспечить ремонт судов дноуглубительного флота в плановые сроки. Однако занятый военными заказами завод на 151 сутки задержал выход из ремонта трех земснарядов, что, в свою очередь, задержало выполнение дноработ, и они были перенесены на 1943 год. К тому же в августе 1942 года СНК СССР распорядился возобновить дноработы в Мурманске [6, с. 356].

Решением капитана АМТП на декабрь–апрель (т. е. на зимнюю навигацию 1942/1943 года) осадка по каналу Березовый бар была объявлена в 22 фута на приливах и в 23 фута на полной воде. 21 апреля 1943 года ГКО распорядился провести дноуглубительные работы в АМТП, чтобы обеспечить подход крупнотоннажных судов и линейных ледоколов к основным причалам – Экономии и Бакарице. Для этого «Архморпути» от Строительства № 203 передавались земснаряды «Амур» и «Двина», три землесоса

[22]ГААО. Отд. ДСПИ. Ф. 875. Оп. 1. Д. 149. Л. 47.

[23]Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1734. Л. 26.

[24]Архангельский порт в годы войны... С. 273.

и паровые шаланды, также построенные в Нидерландах в 1939 году. Таким образом, уже в июне 1943 года к работам на Березовом баре приступили сразу 4 земснаряда [6, с. 356].

В навигацию 1944 года, имея большие производственные мощности, «Архморпуть» приступил к широкому спектру работ по углублению Березового бара. Главный судовой ход был сдан досрочно 18 сентября 1944 года. После дноработ глубина на Березовом баре составила 7,8 м против 7,2 м в 1941 году.

Однако производственные мощности архангельских дноуглубителей еще не позволяли обеспечить беспрепятственный проход иностранным крупнотоннажным судам к причалам Бакарицы, поэтому такие суда разгружались или в Мурманске, или в Молотовске, где глубины у причалов были больше. А с начала 1944 года крупнотоннажные суда стали частично разгружаться в Молотовске, уменьшая свою осадку, а потом проходили на Бакарицу, где окончательно разгружались. Таким образом, в 1944–1945 годах в Молотовске и на Бакарице было разгружено 67 судов [7, с. 74].

И еще одна важная проблема – обеспечение прохода судов в зимнее время, для решения которой нужно было иметь достаточное количество линейных ледоколов. Перед войной ледокольный флот Северного бассейна входил в Мурманское государственное морское арктическое пароходство. Линейные ледоколы «Ленин» и «Сталин» находились в Мурманске, а «Ермак» и «Молотов» – на Балтике. Из-за близости Мурманска к фронту в сентябре 1941 года весь ледокольный и транспортный флот был передан вновь организованному Архангельскому морскому арктическому пароходству.

Опыт зимних навигаций в Белом море в годы Первой мировой войны показал, что при помощи ледоколов навигация может быть регулярной. Поэтому в октябре 1941 года для руководства зимними перевозками было создано Управление Беломорскими ледовыми операциями. В его распоряжение передали все ледоколы, ледокольные пароходы и портовые буксиры, также Управление получило авиационный отряд.

Однако ледовые условия зимы 1941/1942 года оказались очень тяжелыми. Уже 22 октября у о. Мудьюг появился лед. 4 ноября из Арктики пришел «Ленин» и сразу включился в проводку судов к причалам АМТП. 22 и 28 ноября «Ленин» вместе с портовыми ледоколами провел к причалам Бакарицы суда конвоев PQ-3 и PQ-4, но с 29 ноября температура резко понизилась до –30. В Белом море началось образование тяжелого льда, поэтому проводка судов конвоя PQ-5 заняла уже четверо суток (с 12 по 16 декабря).

14 декабря с ремонта после арктической навигации был снят ледокол «Сталин», который благополучно провел в Молотовск суда конвоя PQ-6. В это же время были выведены из Архангельска и Молотовска суда обратных конвоев QP-3 и QP-4. Из-за очень тяжелых ледовых условий суда последнего конвоя выводились почти 20 суток и вышли на чистую воду только 5 января 1942 года. По этой причине при выходе на чистую воду ледоколы оказались без угля.

15 января ледокол «Сталин» при приеме угля с парохода «Правда» подвергся бомбардировке и получил значительные повреждения, после чего был уведен в Молотовск на ремонт. Самый мощный ледокол был выведен из эксплуатации, и до весны навигация в Архангельске прекратилась. Прием конвоев был переведен в незамерзающий Мурманск.

Занятые первоочередной проводкой судов с импортом и экспортом 2 ледокола не могли обеспечить все ледовые проводки, особенно каботажных судов, и последние застревали во льдах. Так, 6 декабря во льду застряли 5 пароходов и 4 тральщика, 12 декабря – 3 судна, в Бугрино остановились ледокольные пароходы «Ф. Литке» и «Дежнев» и 2 транспорта[25]. В Архангельске и Молотовске из-за недостатка ледоколов остались зимовать уже нагруженные экспортным грузом 6 советских и 5 английских судов

[25]Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном театре с 1.07.42–31.12.42 гг. СПб., 2000. Вып. 1. С. 86, 88.

[3, с. 48]. Всего за первую военную зиму ледоколы провели в Архангельск 27 судов и вывели 23 судна из состава конвоев, а также каботажные суда и военные корабли, провели более ста операций внутри порта по перестановке судов[26].

Все это потребовало увеличения ледокольных сил на Севере. По предложению И.Д. Папанина на Север в 1942 году были направлены ледоколы «Каганович», «Микоян» с Дальнего Востока и «Монткальм» из США. В мае 1942 года в конвое PQ-15 прибыли из США отремонтированный там «Красин» и американский «Монткальм». Летом через Северный морской путь пришли в Архангельск ледоколы «Микоян» и «Каганович», а «Сталин» ушел на ремонт в США. В зимней навигации 1942/1943 года участвовало 5 ледоколов, которые провели через льды Белого моря в Молотовск 3 конвоя (19 судов) и вывели обратно 5 конвоев (20 судов). Этим переходам по-прежнему пытались помешать немецкие самолеты. Так был поврежден «Ленин» и подвергся нападению «Каганович» [8, с. 46, 49].

Летом 1943 года из-за сложной ледовой обстановки на Дальнем Востоке Северным морским путем ушли ледоколы «Красин», «Каганович» и «Микоян». Ледовую проводку в Белом море зимой 1943/1944 года обеспечивали «Ленин», «Сталин» и «Ф. Литке», проведя 10 конвоев (77 судов) и выведя 9 конвоев (68 судов) [подсчитано по: 9, с. 55–62]. Летом 1944 года Северным морским путем ушли в США «Ф. Литке» и «Монткальм», а оттуда пришел построенный в 1943 году дизель-электрический ледокол «Северный ветер». Проводку караванов в Белом море осуществляли ледоколы «Ленин», «Северный ветер» и позднее – «Сталин». Зимой 1944/1945 года они провели в Архангельск и Молотовск 7 караванов (52 судна) и вывели в Баренцево море 5 караванов (47 судов) [подсчитано по: 9, с. 67–75].

В годы войны ледокольный флот способствовал проходу союзных и отечественных караванов судов во льдах Белого моря и Арктики, а Северный морской путь дал возможность маневрировать ледокольными силами между Северным и Дальневосточным бассейнами. Это позволило решить проблему прохождения судов с военными грузами в Архангельск в зимнее время, т. е. сделать навигацию в порту круглогодичной.

И еще одна проблема, которую пришлось решать И.Д. Папанину, – привычка прежнего руководства АМТП к бесхозяйственности. По этому поводу Папанин писал в своих воспоминаниях: «…картина, которую мы там (в Архпорту) застали, была намного хуже, чем я предполагал. Она привела меня в глубокое уныние. Вся территория порта была завалена лесом, металлом, различными грузами, тарой, на причалах негде было повернуться»[27]. Для того чтобы очистить Бакарицу от хлама, пришлось на несколько дней закрыть институты и техникумы Архангельска и отправить студентов на уборку порта: «Через три дня причалы Бакарицы и площади перед ними были полностью освобождены от лесных материалов и ненужного хлама и можно было приступать к строительным работам»[28].

Ситуация повторилась в январе 1944 года. К этому времени переведенный из Ленинграда Я.Л. Бейлинсон, который навел порядок в АМТП, был направлен начальником порта в Мурманск. И.Д. Папанин со своим штабом тоже отправлен в Мурманск, а 1943 год он провел на Дальнем Востоке. По воспоминаниям Папанина, в январе 1944 года А.И. Микоян срочно направил его в Архангельск, где дела с разгрузкой обстояли плохо: «Когда туда пришли первые караваны, то в порту стали сгружать грузы где придется. В результате начались задержки и с разгрузкой, и с отправкой грузов из порта. В порту скопилось много

[26] *Папанин И.Д.* Указ. соч. С. 259.

[27] Там же. С. 243.

[28] Там же. С. 249.

машин, станков, оборудования, материалов, продовольствия <...> На Бакарице была картина, очень похожая на ту, что увидели мы в октябре 1941 года: причалы завалены грузом, а пути засыпаны снегом»[29].

Снова пришлось поднимать рабочих предприятий, студентов и учащихся, бойцов Архангельского гарнизона, которые за три дня привели основной район порта в рабочее состояние. Начальник порта, бывший начальником до приезда Бейлинсона, Г.И. Дикой «смущенно согласился, – своими силами мы так быстро не справились. Не надо было бы, Георгий Иванович, до этого доводить», – заметил ему Папанин[30]. Об организационной неразберихе упоминается в докладных записках самого Г.И. Дикого [10, с. 251] и постановлениях бюро обкома ВКП(б) об обработке караванов иностранных судов в 1943 и 1944 годах [11, с. 270, 285, 287].

В итоге благодаря энергичной деятельности уполномоченного ГКО И.Д. Папанина, большой поддержке со стороны члена ГКО заместителя председателя СНК СССР А.И. Микояна, а главное – самоотверженной работе архангельских портовиков и всего населения города эти проблемы были в основном решены к лету 1943 года. Это позволило АМТП с осени 1943 года и до конца войны разгрузить больше судов, чем за сентябрь 1941 года – март 1943-го.

Всего за годы войны в АМТП разгружено 323 судна из 30 конвоев, в их числе – 284 сухогруза, доставивших 1 672 551 т, в т. ч. 296 088 т вооружения. 147 судов разгружено на Бакарице, 53 из них разгружались после частичной выгрузки в Молотовске. 39 судов разгружено на Экономии, 9 из них – частично. 39 танкеров доставили в Молотовск 355 086 т бензина и спирта. В Молотовске разгружено 137 судов, в т. ч. 62 – частично [7, с. 74].

В 1941 году разгружено 48 судов из 7 конвоев, доставивших 152 753 т, в т. ч. 24 777 т вооружения: на Бакарице разгружено 36 судов, на Экономии – 2, в Молотовске – 10, в т. ч. 3 танкера. В 1942 году было разгружено 52 судна из 4 конвоев, которые доставили 308 185 т груза, в т. ч. 75 795 т вооружения: на Бакарице разгружено 26 судов, на Экономии – 5, в Молотовске – 21, из них 3 танкера; 3 судна были частично разгружены в Молотовске и на Экономии. В 1943 году было разгружено 41 судно из 5 конвоев, доставивших 253 351 т, в т. ч. 50 749 т вооружения: на Бакарице разгружено 2 судна, на Экономии – 17, в Молотовске – 22, из них 6 танкеров. В 1944 году разгружено 121 судно из 9 конвоев, которые доставили 843 103 т, из них 99 695 т воружения: на Бакарице разгружено 56 судов, на Экономии – 11, в Молотовске – 54; 30 судов частично разгружено в Молотовске и на Бакарице. В 1945 году разгружено 61 судно из 5 конвоев, доставивших 470 145 т, из них 45 071 т вооружения: на Бакарице разгружено 27 судов, на Экономии – 4, в Молотовске – 30; 23 судна частично разгружены в Молотовске и на Бакарице[31].

То, что совершили архангельские и молотовские портовики, а также и мурманские, равносильно трудовому подвигу, тем более что их работа проходила в сложных условиях: работы велись на открытом воздухе в суровых условиях Крайнего Севера; параллельно разгрузке-погрузке производились строительные работы по модернизации и расширению порта; состав портовых рабочих постоянно менялся; условия работы соответствовали жестким законам военного времени; бытовые условия были очень тяжелыми. И все это портовики с честью преодолели. Свидетельством заслуг архангельских портовиков явились награждение орденами и медалями 190 работников порта[32], а также передача на вечное хранение Красного знамени НКМФ и вручение ордена Отечественной войны в 1985 году.

---

[29]*Папанин И.Д.* Указ. соч. С. 320, 321.

[30]Там же. С. 321.

[31]Архангельский порт в годы войны... С. 320–327.

[32]Моряк Севера. 1944. 11 мая.

Список литературы

1. *Булатов В.Н.* Адмирал Кузнецов: Архангельский Север в жизни и судьбе флотоводца. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2004. 268 с.

2. *Шмигельский Л.Г.* Молотовск и война в Арктике // Война в Арктике (1939–1945 гг.) / сост. и науч. ред. М.Н. Супрун. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2001. С. 204–257.

3. *Эдлинский С.Ф.* Северный транспортный флот в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. М.: Мор. транспорт, 1963. 252 с.

4. *Кучепатов Ю.Н.* Архангельский морской порт. Архангельск: Арханг. кн. изд-во, 1959. 82 с.

5. *Супрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М.: Андреев. флаг, 1997. 363 с.

6. *Красавцев Л.Б.* Севтехфлот – Архморпуть в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. // Война в Арктике (1939–1945 гг.) / сост. и науч. ред. М.Н. Супрун. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2001. С. 352–360.

7. *Красавцев Л.Б.* Подвиг архангельских портовиков в годы Великой Отечественной войны // Защитники Отечества: материалы XI обл. обществ.-науч. чтений по воен.-ист. тематике. Архангельск: Правда Севера, 2002. С. 59–76.

8. *Булатов В.Н.* Роль ледокольного флота в доставке грузов по ленд-лизу // Конвои. Исследования, воспоминания, библиография, документы. Архангельск: Изд-во Арханг. центра Рус. геогр. общ-ва РАН, 1995. С. 42–51.

9. *Щедролосев В.В.* Боевое взаимодействие кораблей в северных конвоях, 1941–1945 гг. // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Архангельск: Правда Севера, 2000. Вып. 4. С. 25–77.

10. *Радишевская В.А.* Война в Арктике в документах архангельских архивов // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Архангельск: Правда Севера, 2000. Вып. 4. С. 249–255.

11. *Титова Т.В.* «Особая папка» бывшего партийного архива о войне в Арктике // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Архангельск: Правда Севера, 2000. Вып. 4. С. 256–290.

References

1. Bulatov V.N. *Admiral Kuznetsov: Arkhangel'skiy Sever v zhizni i sud'be flotovodtsa* [Admiral Kuznetsov: The Arkhangelsk North in the Life and Destiny of the Naval Commander]. Arkhangelsk, 2004. 268 p.

2. Shmigel'skiy L.G. Molotovsk i voyna v Arktike [Molotovsk and the War in the Arctic]. Suprun M.N. (ed.). *Voyna v Arktike (1939–1945 gg.)* [The War in the Arctic (1939–1945)]. Arkhangelsk, 2001, pp. 204–257.

3. Edlinskiy S.F. *Severnyy transportnyy flot v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg.* [Northern Transport Fleet in the Great Patriotic War of the Soviet Union, 1941–1945]. Moscow, 1963. 252 p.

4. Kuchepatov Yu.N. *Arkhangel'skiy morskoy port* [Arkhangelsk Seaport]. Arkhangelsk, 1959. 82 p.

5. Suprun M.N. *Lend-liz i severnye konvoi, 1941–1945 gg.* [Lend-Lease and the Arctic Convoys, 1941–1945]. Moscow, 1997. 363 p.

6. Krasavtsev L.B. Sevtekhflot – Arkhmorput' v Velikoy Otechestvennoy voyne, 1941–1945 gg. [Northern Technical Fleet: Arkhangelsk Sea Route During the Great Patriotic War, 1941–1945]. Suprun M.N. (ed.). *Voyna v Arktike (1939–1945 gg.)* [The War in the Arctic (1939–1945)]. Arkhangelsk, 2001, pp. 352–360.

7. Krasavtsev L.B. Podvig arkhangel'skikh portovikov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Feat of the Arkhangelsk Port Workers During the Great Patriotic War]. *Zashchitniki Otechestva* [Defenders of the Fatherland]. Arkhangelsk, 2002, pp. 59–76.

8. Bulatov V.N. Rol' ledokol'nogo flota v dostavke gruzov po lend-lizu [The Role of the Icebreaking Fleet in the Lend-Lease Cargo Delivery]. *Konvoi. Issledovaniya, vospominaniya, bibliografiya, dokumenty* [The Convoys. Studies, Memoirs, Bibliography, Documents]. Arkhangelsk, 1995, pp. 42–51.

9. Shchedrolosev V.V. Boevoe vzaimodeystvie korabley v severnykh konvoyakh, 1941–1945 gg. [Combat Cooperation Between the Ships in the Northern Convoys, 1941–1945]. *Severnye konvoi: Issledovaniya, vospominaniya, dokumenty* [Northern Convoys. Studies, Memoirs, Documents]. Arkhangelsk, 2000. Iss. 4, pp. 25–77.

10. Radishevskaya V.A. Voyna v Arktike v dokumentakh arkhangel'skikh arkhivov [The War in the Arctic in the Documents of Arkhangelsk Archives]. *Severnye konvoi: Issledovaniya, vospominaniya, dokumenty* [Northern Convoys: Studies, Memoirs, Documents]. Arkhangelsk, 2000. Iss. 4, pp. 249–255.

11. Titova T.V. "Osobaya papka" byvshego partiynogo arkhiva o voyne v Arktike [The "Special File" of the Former Party Archive on the War in the Arctic]. *Severnye konvoi: Issledovaniya, vospominaniya, dokumenty* [Northern Convoys. Studies, Memoirs, Documents]. Arkhangelsk, 2000. Iss. 4, pp. 256–290.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.5

Lev B. Krasavtsev
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 58, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: l.krasavcev@narfu.ru

CHALLENGES RELATED TO UNLOADING THE SHIPS WITH MILITARY AID CARGO IN THE ARKHANGELSK COMMERCIAL SEAPORT IN 1941–1945

This article dwells on the challenges faced by the personnel unloading the ships with military aid cargo that were arriving in the Arkhangelsk Commercial Seaport in 1941–1945. To solve these problems, the country's leadership (State Defence Committee) took extraordinary measures. From all over the country cranes and other equipment as well as workforce were sent; in particular, dockers and stevedores came from Leningrad and the Black Sea regions. Authorized representative of the State Defence Committee I.D. Papanin was appointed chief of this work. As early as in 1941, urgent modernization and reconstruction of the port were launched, additional icebreakers and dredgers were allocated, and measures were taken to improve the diet of those involved in cargo operations. As a result of the work carried out and I.D. Papanin's strenuous efforts, the ships with military aid cargo that came with convoys were unloaded promptly and in time. It should be noted that during the entire war there were no delays in sending off the convoys, even though at that time in addition to receiving and shipping foreign commercial cargo the port provided cabotage, Arctic and military transport. For their successful work on loading and unloading imported military supplies and food, a large group of Arkhangelsk dockers were awarded medals and orders. The work that was carried out by dockers of the Arkhangelsk, Murmansk and Molotovsk ports during the Great Patriotic War equals a feat of labour. And it is all the more significant as they had to work under extremely difficult conditions: severe northern climate; modernization and related construction work during loading and unloading; lack of experience in receiving imported goods, especially arms and heavy cargo; constant personnel turnover; harsh working conditions according to wartime laws; and dreadful living conditions during the war.

Keywords: *Great Patriotic War, Arkhangelsk Commercial Seaport, I.D. Papanin, Arctic convoys, military aid, imported cargo.*

Поступила: 23.01.2016
Received: 23 January 2016

For citation: Krasavtsev L.B. Challenges Related to Unloading the Ships with Military Aid Cargo in the Arkhangelsk Commercial Seaport in 1941–1945. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 5–17. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.5

УДК 94(47+57) DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.18

***СЕЛЕЗНЁВ Юрий Васильевич**, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета. Автор 191 научной публикации, в т. ч. 10 монографий и 11 учебных пособий[*]*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА МОНГОЛЬСКОГО КАГАНА И ОРДЫНСКОГО ХАНА НА ТЕРРИТОРИИ РУСИ

Завоевания монголов в XIII веке поставили вопрос о распространении юрисдикции и суверенитета верховного правителя над подчиненными территориями. В число подвергшихся нашествию земель в 1230–1240-е годы попали и русские княжества. В ходе завоевательных походов монголо-татарские полчища во главе с Батыем покорили те княжества, которые находились в состоянии раздробленности. Захват крупнейших городов и столицы – Киева, а также гибель лидеров крупнейших княжеств значительно ослабили Русь. По возвращении из похода на Польшу и Венгрию Батый вызвал в свою ставку русских князей покоренных княжеств, что означало необходимость оформления зависимых отношений. В статье рассматриваются особенности возникновения суверенитета и прав на юрисдикцию в Монгольской империи и Джучиевом Улусе (Орде), а также восприятие этих прав соседними и завоеванными народами. Изучение свидетельств, представленных в источниках, позволяет сделать заключение о главных факторах легитимации власти общемонгольского кагана или регионального хана: это сакральный мандат Тенгри (неба) и одобрение данного мандата элитой монгольского государства. Причем указанные факторы определяются на онтологическом и аксиологическом уровнях осмысления мира кочевниками того времени. Выявление сходных и однотипных оценок и характеристик источников возникновения юрисдикции в эпоху становления Монгольской империи позволяет сформулировать основы монгольской военно-политической доктрины, которая подразумевала главным образом наличие либо подданных, либо противников. В связи с этим вполне закономерно, что соседи империи должны были либо признать власть кагана/хана, либо отстаивать свою независимость с оружием в руках.

***Ключевые слова:** Монгольская империя, Джучиев Улус, Батый, Бурундай, монголо-татарское иго, монгольский каган.*

Целью предложенного исследования является определение источников юрисдикции и суверенитета монгольского верховного правителя в эпоху Средневековья. В рамках изучения проблемы объектом оказываются свидетельства современников о власти монгольских правителей.

[*]*Адрес:* 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1; *e-mail:* orda1359@mail.ru

Для цитирования: Селезнёв Ю.В. Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 18–24. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.18

Центральное место в работе занимает рассмотрение того, как в русской письменной традиции отражается проблема признания ордынского владычества над русскими землями в середине XIII столетия.

Выявление различных характеристик источника власти и правовых аспектов юрисдикции и суверенитета монгольских верховных правителей имеет важное теоретическое значение, поскольку представители разных культурных традиций выступали носителями разных политических доктрин и их оценочные характеристики носили разностороннее обоснование. Однако определение сходных аспектов позволяет проследить закономерности в становлении Монгольской империи и потере суверенитета странами, подвергшимися монгольской экспансии. Подобный сравнительный анализ еще не проводился. И хотя попытку выявления признаков монгольского суверенитета над Русью предпринимал И.И. Назипов, решение проблемы остается незавершенным.

Между тем особенности многих событий русско-ордынских отношений оказываются необъяснимыми без учета разных аспектов юрисдикции и суверенитета ордынского государства. Это обуславливает актуальность работы и ее дальнейшее практическое применение.

Что касается новизны исследования, стоит подчеркнуть впервые осуществленный сравнительный анализ свидетельств различного происхождения: не только европейского (включая византийские и сербские известия) и русского, но и собственно монгольского, китайского, арабского, персидского, армянского и грузинского. Широкий источниковый контекст позволяет выявить тонкости политического взаимоотношения Руси и Орды.

Русские земли в XIII веке столкнулись с новым, неизвестным противником. Если ранее кочевники, нападавшие на русские княжества, не ставили вопрос о суверенитете Руси (*под которым мы понимаем не только независимость государства во внешних, но и главным образом верховенство во внутренних делах* – этот принцип исключительной компетенции государства на собственной территории является отправной точкой при разрешении большинства правовых вопросов, касающихся международных отношений [1, с. 12]), то монгольские верховные правители потребовали признания их власти над поверженными княжествами. Это, в свою очередь, означало появление юрисдикции ордынского государства на территории княжеств, которая выражается в осуществлении совокупности полномочий верховного правителя, а также должностных лиц, ограниченных пределами компетенции того или иного органа власти (при этом если полная и исключительная власть государства – суверенитет – ограничена пределами его территории, юрисдикция государства распространяется и за его пределы [1, с. 12–13]).

Признаки и проявление ордынского суверенитета в отношении северо-восточных княжеств Руси рассматривал И.И. Назипов [2, с. 26–29; 3, с. 67–70; 4, с. 38–40]. Однако результаты данного описания нельзя признать удовлетворительными, поскольку они требуют детальной доработки [подробнее см.: 5, с. 88–117].

Несмотря на то, что признаки зависимости Руси от Орды неоднократно рассматривались в научной литературе, возникновение суверенитета и юрисдикции и различные формы их проявления требуют развернутого комментария.

Во-первых, необходимо отметить, что в онтологическом и аксиологическом смыслах юрисдикция ордынского хана определялась двумя факторами: 1) сакральным мандатом Тенгри (неба) и 2) одобрением данного мандата элитой монгольского государства.

На первый источник юрисдикции прямо указывает Сюй Тин, который, посетив ставку каана Угедея в 1230 году, подчеркивал: «Они [черные татары] в обычных разговорах всегда говорят: ***полагаюсь на силу и мощь бессмертного неба и на покровительство счастья императора!.. Нет ни одного дела, которое бы не относили к [влиянию] Неба – [так делают все] от владетеля татар, до его подданных,***

и никак иначе»[1]. Подобную формулировку мы находим, к примеру, на пайдзе хана Абдуллаха или эдикте Хубилая: «***Вечного Неба силою***, ханского повеления кто не послушает…»[2] [6, с. 71].

Второй источник суверенитета хана в первую очередь отражен в «Сокровенном сказании», где указано: «…в год Барса (1206) **составился сейм, и собрались у истоков Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное знамя и нарекли** – Чингис-ханом»[3].

Однако оба источника имеют прямое отношение к собственно монгольским племенам. Появление юрисдикции над другими землями в источниках объясняется несколько иначе. В материалах францисканской миссии отмечается, что в картине мира монголов, в т. ч. политической, воплощалось представление об общемировом свойстве «небесного мандата». В записках Плано Карпини, в частности, указано, что Чингис-хан обнародовал постановление, согласно которому монголы «**должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения**…»[4]. Спутник Карпини, брат Бенедикт, тот же постулат записал несколько иначе: «…когда Чингис стал именоваться каном <…> он в это время распределил три войска [идти воевать] в три части света, **чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле**»[5].

По свидетельству анонимного грузинского «Хронографа», в соответствии с распоряжением основателя империи в результате военного вторжения возникает суверенитет ордынских владетелей над завоеванными землями: «Первородному сыну [Чингисхан] вручил половину армии и отправил в Великую Кивчакию до [страны] Мрака, в овсетию, Хазарию, Русь, до боргаров и сербов, ко всем туземцам Северного Кавказа…», и «потому как у Бато были преимущества перед всеми, владел он Овсетией и Великой Кивчакией, Хазаретией и Русью до [земель мрака] и моря Дарубандского»[6]. Грузия, собственно, попала в зависимость от монгольского императора в результате завоевания: «…[татары] забрали Тавреж и прилегающие к нему земли <…> нещадно разорялась вся эта страна». «При виде такого зла амирспасалар Аваг, сын Иванэ, отправил посланника в Бардав <…> с просьбой о мире и говорил [о желании] прийти к ним, свидеться и служить и платить харадж и отдать им свои земли и просил твердую клятву»[7].

Именно факт военного завоевания воспринимается разными авторами как главная причина возникновения юрисдикции монгольского хана. К примеру, неизвестный армянский автор «Летописи» Себастаци пишет: «Они [татары] **захватили все страны и властвовали над всеми этими странами**»[8]. Венгерский католический миссионер Иоганка подчеркивает: «Ведь татары **военной мощью подчинили себе разные племена** <…> чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных

---

[1]Золотая Орда в источниках: (материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 46–47.

[2]Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries): Introduction, Transcription and Bibliography. Taipei: Institute of Linguistics, Academia Sinica, 2006. P. 280.

[3]*Козин С.А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. С. 158.

[4]Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 44.

[5]Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. С. 104.

[6]*Цулая Г.В.* Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказ. этногр. сб. М.: Наука, 1980. Вып. 7. С. 196, 197.

[7]Там же. С. 196–197.

[8]Армянские источники о монголах: Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / пер. с древнеармян., предисл. и прим. А.Г. Галстяна. М., 1962. С. 27.

походах они [подданные] делали для своих господ то, что обязаны по изданному закону»[9].

Византийские авторы Никифор Григора и Георгий Пахимер отмечают: «Однако же там они положили успокоиться, **разделив между собой области**, города, жилища и другого **разного рода приобретения**…»[10], и «подчинил его (болгарский народ. – *Ю. С.*) Ногай <…> он вместе с ними и при их содействии **завоевывал области** <…> **все, что приобретал, усвоял себе и им**…»[11]. В другом труде Георгий Пахимер указывает: «Ногай одержал победу благодаря своему уму и большому количеству северных татар, которыми он вновь командовал и которые шли в бой, чтобы **получить власть, отныне они стали полноправными хозяевами северных земель Евксинского** (Понта)»[12].

Военная угроза привела к признанию власти Ногая сербским королем Милутином: «…тъжде бо и семоу безаконьному и **нечестомоу цароу татаромь, глаголемомоу Ногею, въшъдъ въ нь и напусти его на сего христолюбиваго и на въсе отъчествие его**; и начать готовити яко въдвигнеть се съ силами поганыихъ, и идетъ на сего благочьстиваго **хоте въсхитити достояние его** <…> и съ нечестивыи въздвигъ се **съ силами татарьскими иде** на сего праведьнаго. И яко слыша превысокыи краль Оурошь шъствие ихъ, **въ тъ часъ посла слы свое противоу емоу** съ доброразумъными глаголы мольбъными оувештати его, яко да възвратитъ се от таковаго шьствия, паче противоу **таковеи силе велицей повиноуе се**…»[13] [7, с. 9–31].

Именно так, по факту завоевания, юрисдикция ордынских ханов распространяется и на русские княжества. В первую очередь летописцы отмечают «пленение» княжеств[14]. Перечень независимых русских князей автор Ипатьевской летописи обрывает именно на нашествии монголо-татар: «Се же соуть имена княземъ Киевским княжившим в Киевѣ **до избитья Батыева** <…> под Даниловым намѣстником под Дмитромъ взяша Батыи Киевъ»[15]. В житии Михаила Черниговского последовательность признания ордынской власти выглядит следующим образом. Сначала Русь подверглась завоеванию: «В лѣто 6746 **бысть нахожение поганых татаръ на землю христьянскую** гнѣвомь Божиимъ за умножение грѣхъ ради…». Затем вводится налоговая повинность: «**Тѣх же нѣ по колицѣхъ времянѣхъ осадиша въ градѣх, изочтоша я в число и начаша на них дань имати татарове**...» И только после этого ордынские властители потребовали от русских князей признания их власти: «Начаша ихъ звати татарове нужею, глаголаще: “**Не подобаеть жити на земли канови и Батыевѣ, не поклонившеся има**”»[16].

В Новгородской IV летописи под 1258 годом отмечено, что «бысть число на всю землю

---

[9]*Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Ист. арх. М.; Л., 1940. Т. III. С. 90–91.

[10]*Григора Н.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. 124–1341. Рязань: Александрия, 2004. С. 53.

[11]*Пахимер Г.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг. Т. 1. Царствование Михаила Палеолога (1255–1282). Рязань: Александрия, 2004. С. 148.

[12]*Pachymérès G.* Relations Historiques. III. Livres VII–IV. Paris: Institut Français D’études Byzantines, 1999. P. 288–290.

[13]Žitije kralja Milutina (1282–1321) od arhiepiskopa Danila II // Životi kraljeva i arhiepiskopa srpskih. London: VARIORUM REPRINTS, 1972. P. 120.

[14]ПСРЛ (Полн. собр. рус. летописей). Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 460, 464.

[15]ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 1, 2.

[16]Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 5. С. 156.

Рускую царства Батыева въ 21 лѣто»[17]. Во-первых, автор упоминает о правомочности ордынского хана проводить перепись на территории русской земли, а во-вторых, указывает на срок возникновения такого права: 21 год назад, т. е. 1237–1238 годы, – время завоевания Северо-Восточной Руси Батыем. Показательно, что именно с этого времени автор или составитель летописи начинает отсчитывать возникновение «Батыева царства», с которым принято соотносить период ордынского ига [о термине см.: 8, с. 34–51; 9, с. 107а – 110; 10, с. 99–100].

Необходимо также отметить, что персидский историк начала XIV века Рашид-ад-Дин приводит формулу верховной власти монголов, вкладывая ее в уста ильхана Абаги: «…древний бог отдал страны мира Чингиз-хану и его потомкам, а непокорных вождей привел в ярмо повиновения нам. Каждого, кто воспротивится избраннику счастья, того постигнет несчастье»[18].

Таким образом, завоевание территории Руси и переход ее под юрисдикцию верховных правителей-завоевателей (монгольского кагана и ордынского хана) в памятниках русской письменной традиции поставлены в прямую зависимость.

Анализ свидетельств источников приводит к однозначному заключению: монгольская политическая доктрина подразумевала исключительно наличие либо подданных, либо противников. Именно поэтому соседи империи – далекие и особенно близкие – должны были либо признать власть кагана/хана, либо отстаивать свою независимость с оружием в руках.

Список литературы

1. *Каюмова А.Р.* Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения // Конституц. и муницип. право. 2008. № 9. С. 12–15.

2. *Назипов И.И.* Внутренний суверенитет над землями Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. как признак ордынско-русского государственного единства // Глобал. науч. потенциал. 2015. № 2(47). С. 26–29.

3. *Назипов И.И.* Внешний суверенитет над землями Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. как признак ордынско-русского государственного единства // Перспект. науки. 2015. № 2(65). С. 67–70.

4. *Назипов И.И.* Формальный суверенитет Орды над землями Северо-Восточной Руси XIII–XV вв. как признак ордынско-русского государственного единства // Глобал. науч. потенциал. 2012. № 8(17). С. 38–40.

5. *Селезнев Ю.В.* Северо-Восточная Русь и Орда и «особенности пространственного расширения предмета исследования» (аналитический очерк) // ROSSICA ANTIQUA. 2015. № 2(12). С. 88–117.

6. *Банзаров Д.* Собрание сочинений. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 240 с.

7. *Узелац А.* «Кан» Ногај, краљ Милутин и српско-татарски сукоби крајем XIII века // Војноисторијски гласник. 2009. № 1. С. 9–31.

8. *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII–XVII вв. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. 143 с.

9. *Селезнев Ю.В.* Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) // Рос. история. 2012. № 4. С. 107–110.

10. *Рудаков В.Н.* «Иго» монголо-татар: что стоит за историографическим термином? // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2011. № 3(45). С. 99–100.

---

[17]ПСРЛ. Т. IV, ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 232; Т. XLII. Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. С. 118.

[18]*Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 3. С. 89.

References

1. Kayumova A.R. Suverenitet i yurisdiktsiya gosudarstva: problemy sootnosheniya [Sovereignty and State Jurisdiction: Correlation Problems]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2008, no. 9, pp. 12–15.

2. Nazipov I.I. Vnutrenniy suverenitet nad zemlyami Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XV vv. kak priznak ordynsko-russkogo gosudarstvennogo edinstva [Internal Sovereignty over North-Eastern Russian Lands in the 13th – 15th Centuries as an Attribute of the Horde–Russian State Unity]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*, 2015, no. 2, pp. 26–29.

3. Nazipov I.I. Vneshniy suverenitet nad zemlyami Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XV vv. kak priznak ordynsko-russkogo gosudarstvennogo edinstva [External Sovereignty over North-Eastern Russian Lands in the 13th – 15th Centuries as an Attribute of the Horde–Russian State Unity]. *Perspektivy nauki*, 2015, no. 2, pp. 67–70.

4. Nazipov I.I. Formal'nyy suverenitet Ordy nad zemlyami Severo-Vostochnoy Rusi XIII–XV vv. kak priznak ordynsko-russkogo gosudarstvennogo edinstva [Horde Formal Sovereignty over North-Eastern Russian Lands in the 13th – 15th Centuries as an Attribute of the Horde–Russian State Unity]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*, 2012, no. 8, pp. 38–40.

5. Seleznev Yu.V. Severo-Vostochnaya Rus' i Orda i "osobennosti prostranstvennogo rasshireniya predmeta issledovaniya" (analiticheskiy ocherk) [North-Eastern Rus' and the Horde and the "Peculiarities of Spatial Expansion of the Subject of Research" (Analytical Essay)]. *ROSSICA ANTIQUA*, 2015, no. 2, pp. 88–117.

6. Banzarov D. *Sobranie sochineniy* [Selected Works]. Ulan-Ude, 1997. 240 p.

7. Uzelac A. "Khan" Nogai, King Milutin and Serbian-Tatar Conflicts at the End of the Thirteenth Century. *Military History Review*, 2009, no. 1, pp. 9–31.

8. Amel'kin A.O., Seleznev Yu.V. *Nashestvie Batyya i ustanovlenie ordynskogo iga v obshchestvennom soznanii Rusi XIII–XVII vv.* [The Invasion of Batu Khan and the Establishment of the Horde's Yoke in Russian Public Consciousness in the 13th Through 17th Centuries]. Voronezh, 2004. 143 p.

9. Seleznev Yu.V. Proiskhozhdenie ponyatiya "mongolo-tatarskoe igo" (terminologicheskaya zametka) [The Origin of the Concept of the "Mongol-Tatar Yoke" (Terminological Note)]. *Rossiyskaya istoriya*, 2012, no. 4, pp. 107–110.

10. Rudakov V.N. "Igo" mongolo-tatar: chto stoit za istoriograficheskim terminom? [The Mongol-Tatar "Yoke": What's Behind This Historiographic Term?]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2011, no. 3, pp. 99–100.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.18

Yuriy V. Seleznev
Voronezh State University;
Universitetskaya pl. 1, Voronezh, 394018, Russian Federation;
e-mail: orda1359@mail.ru

THE ESTABLISHMENT OF SOVEREIGNTY OF THE MONGOL KHAGAN AND THE GOLDEN HORDE'S KHAN ON THE TERRITORY OF RUS'

Mongol conquests in the 13th century raised the question of jurisdiction and sovereignty of the supreme ruler over the tributary areas. Among the victims of these invasions in the 1230s – 1240s were Russian principalities. In the course of the raids led by Batu Khan, the Mongol hordes conquered those Russian principalities that at that time were fragmented. The capture of the largest cities and the

For citation: Seleznev Yu.V. The Establishment of Sovereignty of the Mongol Khagan and the Golden Horde's Khan on the Territory of Rus'. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo univerrsiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 18–24. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.18

capital, Kiev, as well as the death of the leaders of major principalities significantly weakened Rus'. Upon returning from his invasion into Poland and Hungary, Batu Khan summoned the Russian princes of the conquered principalities to his headquarters, intending to set the terms of their subjection. This paper dwells on the establishment of sovereignty and jurisdiction rights in the Mongol Empire and the Ulus of Jochi (the Golden Horde), as well as on the perception of these rights by the neighbouring and conquered peoples. The available sources indicate that the main factors legitimizing the rule of the Mongol Khagan and regional Khan are the following: a sacred mandate of Tengri (sky) and the approval of this mandate by the elite of the Mongolian state. Moreover, these factors were determined at the ontological and axiological levels of the nomadic worldview of that time. In the course of his research, the author identified similar opinions about and characteristics of the sources of jurisdiction during the establishment of the Mongol Empire. According to the analysis, the Mongol military and political doctrine rested upon the assumption that, as a rule, there existed either subjects or enemies. Thus, it is quite natural that the Empire's neighbours had either to recognize the authority of the Khagan/Khan or rise in arms against the invaders.

Keywords: *Mongol Empire, Ulus of Jochi, Batu Khan, Burundai, Mongol-Tatar Yoke, Mongol Khagan.*

Поступила: 01.05.2017
Received: 1 May 2017

УДК 904

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.25

ЯРКОВ Александр Павлович*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма Тюменского государственного университета. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий*[*]

ПЕРЦЕВ Никита Викторович*, аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. Автор 11 научных публикаций*[**]

ИСЛАМСКИЙ ИМПОРТ НА ВЕЛИКОМ МЕХОВОМ ПУТИ

В данной статье на основе анализа письменных источников и археологических находок, работ исследователей прослежено появление на севере Западной Сибири предметов импорта утилитарного и эстетического характера, происходящих из Центральной Азии и Волжской Булгарии. Авторы приводят максимально возможную на сегодняшний день подборку статусных изделий, в т. ч. торевтики, обнаруженных на рассматриваемой территории и имеющих географическую привязку к определенным памятникам. В работе предпринята попытка проследить пути проникновения восточных изделий в Северо-Западную Сибирь. Результаты картирования предметов показывают активизацию торговых контактов. В то же время явно наблюдается тенденция маркирования кладами, включающими данные изделия, основных путей перехода через Урал, о чем ранее уже писали исследовавшие данную проблематику. В статье проводится идея о характере торговых контактов насельников Северо-Западной Сибири с Центральной Азией и Волжской Булгарией как признаке диалога культур. Отдельное внимание уделено последующему использованию импортных изделий угорским и самодийским населением. Если принять во внимание концентрацию арабских и булгарских вещей, наличие предметов, известных только на территории Нижнего Приобья, а также хронологические рамки распространения товаров из Средней Азии и Волжской Булгарии, то можно говорить об открытии мусульманскими купцами далеких северо-восточных рынков. Прекращение же товарообмена со Средней Азией авторы предлагают объяснять появлением Улуса Джучи, полностью поставившего под контроль торговый Волго-Камский путь, а затем – запретом российской власти в начале XVII века.

Ключевые слова: *Средневековье, Северо-Западная Сибирь, Центральная Азия, Волжская Булгария, Великий меховой путь, исламский импорт, торевтика.*

С проектированием Северного широтного хода, который пройдет по центральной части Ямало-Ненецкого автономного округа и войдет в состав транспортной инфраструктуры центральной части Арктической зоны Российской Федерации, возрос интерес к предшествующему

[*]*Адрес:* 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; *e-mail:* ayakov@rambler.ru

[**]*Адрес:* 640020, г. Курган, ул. Советская, д. 64, стр. 4; *e-mail:* pertsev1991@list.ru

Для цитирования: Ярков А.П., Перцев Н.В. Исламский импорт на Великом меховом пути // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 25–32. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.25

историческому опыту торговых отношений. Тем более что новая магистраль объединит два издавна сложившихся транспортных района: западный (европейский) и восточный (североазиатский).

О пути, по которому шел активный товарообмен жителей Крайнего Севера Азии с Волжской Булгарией, Русью и европейскими странами, говорили путешественники[1] и ученые [1, 2], но, признаем, «при жизни» он не именовался Меховым. Цель нашего исследования – среди множества артефактов выявить «исламскую составляющую» как фактор начавшегося в Средневековье диалога культур. Исходя из этого, мы определили задачи, в частности анализ письменных источников и археологических находок, изучение научных работ по данной теме.

Меховой путь – это не точно фиксируемая на местности дорога, но дорога, являвшаяся логическим продолжением Волжско-Камского торгового пути, по которому происходил, как правило, натуральный (безденежный) товарообмен. Этим, вероятно, можно объяснить эрмитажную коллекцию золотоордынских предметов (в т. ч. с исламской символикой и арабскими надписями), найденных на территории северных районов ряда субъектов Уральского и Сибирского федеральных округов. Косвенно свидетельствуют об этом и материалы картографии.

Между тем соболя и другие меха обозначены в качестве предметов вывоза в торговле с племенами «йура» в трудах арабских и персидских авторов уже в IX–XI веках. Так, заинтересованный в приобретении пушнины Ал-Гарнати (посетивший Булгар в 1150 году) не только сообщил, что в конце этой дороги «за страной Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура», но и отметил важную для мусульман (при соблюдении намаза) особенность: «Летом день у них бывает очень длинным. Так, что говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной…» Там же Ал-Гарнати писал: «…мечи [,] которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль. Затем булгары везут их в Вису <…> затем жители Вису везут их в Йуру, и ее жители покупают их за соболиные шкуры <…> А каждому человеку, живущему там, нужен каждый год такой меч, чтобы бросить его в море Мраков. И тогда они бросят мечи, то Аллах выводит им из моря рыбу вроде огромной горы»[2].

Упоминание Аллаха и ислама – отражение мировоззренческих представлений мусульман, а не утилитарного отношения жителей Севера к продуктам исламской цивилизации. Купцы проходили по региону («бухарский след» лингвисты обнаружили в лексике эвенков, долган, ненцев и др. [3, с. 125–127]), но местных жителей заинтересовали не их воззрения, а материальные результаты развитой на тот момент исламской цивилизации.

Многочисленные изделия, ввозимые на северную территорию Западной Сибири в эпоху Средневековья, не раз становились объектом пристального изучения. Среди них довольно крупную группу предметов составляет торевтика (искусство производства рельефных художественных изделий из металла) – экспортируемая из Центральной Азии и Волжской Булгарии продукция, которая включает серебряные и бронзовые чаши, бутыли, подносы и накладки (нередко оформленные куфическими надписями), височные кольца, перстни, серебряные бляхи, двустворчатые браслеты и щитки для защиты рук лучника [4, с. 145–146]. Помимо этого, предположительно, могли ввозиться оружие,

---

[1] *Исхаков Д.М.* Идел-Урал буе һәм Себер татарларынын этник тарихларындагы уртаклыклар (Болгар, Алтын Урда һәм Татар ханлыклары чорлары) // Мирас. 1998. № 3. Б. 78–79; Сокровища Приобья: кат. выст. / ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. СПб., 1996.

[2] Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. III. Восточные источники / сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 140–142.

благовония, бусы; в материалах Сайгатенского III могильника, в частности, обнаружен обрывок шерстяного ковра [5, с. 95–97].

Не вызывает возражений мнение, что находки восточных драгоценностей являются главным свидетельством активных торговых контактов коренного населения Западной Сибири с мусульманскими государствами [6, с. 13]. При этом крайне интересен факт, что наибольшее количество кладов арабского серебра, обнаруженных на Урале, хронологически восходит к периоду IX–X веков – времени, когда по завершении арабских завоеваний купцы-мусульмане открывают для себя богатейшие просторы Европейского Севера [7, с. 147–148], где можно было продать и предметы доисламского времени. В частности, нередки на Севере блюда и монеты из Центральной Азии с изображением людей, что не поощрялось исламом (хотя в Коране такого осуждения нет).

Карта расположения кладов арабского серебра, составленная В.П. Даркевичем [7, с. 154], отчетливо показывает, что наибольшее количество комплексов, обнаруженных в Западной Сибири (в т. ч. в северной ее части), относится именно к периоду X–XIII веков.

Есть и более поздние артефакты, часть которых оказалась в виде прикладов на священных местах и хальмерах (наземных могильниках) самодийцев и угров. Так, на одном из хальмеров обнаружено черненое с позолочением блюдо XIII века, содержащее надпись на арабском языке: «Благодать божия и господство да будет над эмиром праведным, венцом народов и светилой царства, Харезмшахом Абу Ибрахимом, преемником повелителя правоверных, да продлит Аллах жизнь его и возвысит власть его!» Из описания следует, что на блюде «пробиты два отверстия для привешивания», т. е. оно использовалось не для того, для чего предназначалось.

К сожалению, абсолютное большинство арабских изделий с территории Северного Приобья происходит из случайно обнаруженных кладов и, как правило, исследователи могут лишь примерно локализовать их изначальное месторасположение. Часть же из них вообще не имеет географической привязки, как, например, серебряный кувшинчик из эрмитажной коллекции, произведенный в Северо-Восточном Иране в середине XII – XIII веке и обнаруженный где-то в Приобье [7, с. 47–48]. Однако комплексы, которые возможно подвергнуть картированию, позволяют делать очень важные выводы. Археолог Н.В. Федорова справедливо замечает, что клады восточных изделий маркируют пути проникновения купцов через Урал – в первую очередь по течению рек Сыня и Северная Сосьва – и совпадают с территориями так называемых угорских княжеств [8, с. 77–78].

Небольшое количество кладов иранских вещей обнаружено в комплексах археологических памятников. Один из них территориально приписан к городищу Лорвож, в материалах которого среди булгарских вещей была обнаружена накладка на крышку шкатулки с характерной куфической надписью, содержащей классическую формулу: «Счастье и благословение, и удовольствие, и благополучие, и здравие, и щедрость, и благоденствие <…> владельцу всего» [9, с. 184–188]. В литературе, правда, существуют сомнения в принадлежности клада к этому памятнику [6, с. 13]. Важно отметить, что именно из данного локального района (и в первую очередь из состава упомянутого клада) – Шурышкарского сора – происходит целая серия запястных щитков из Волжской Булгарии [6, с. 13; 9, с. 188–195]. По мнению исследователей, эти изделия XII–XIV веков уникальны и обнаружены только на территории Западной Сибири [4, с. 148–149], что говорит об их целенаправленном производстве для реализации в данном регионе.

Другим археологическим микрорайоном Северного Приобья, давшим богатейшие коллекции изделий булгарских ювелиров, является Барсова Гора [10, с. 183–184]. Здесь при исследовании городища Барсов Городок в 1977 году обнаружен серебряный поднос, произведенный на территории Малой Азии или Сирии и оформленный куфическими надписями [10, с. 190–193]. Возможно, он принадлежал двору хорезмшаха Исмаила б. Алтунташа, правившего в 1035–1041 годах, о чем говорит надпись

на арабском: «Благословение и власть эмиру, господину, царю справедливейшему, венцу религиозной общины и светочу народа хорезмшаху Абу Ибрахиму, другу повелителя правоверных, да простит его Аллах…» Поднос аналогичной формы приобретен до 1896 года у сынских хантов Березовского округа Тобольской губернии [10, с. 192; 11, табл. LXXXII, № 150]. Есть среди обнаруженных предметов на городище Барсов Городок и бутыль с надписью «Принадлежит старцу Абул Фадлу Сахату бен Али, да продлит Аллах существование его».

Как и чаша с крышкой (X–XI века), эти артефакты не являются знаком присутствия в Средневековье в Приобье общин приверженцев ислама, но подтверждают торговые контакты – очевидно, через посредников. Подтверждает это и уникальный, найденный на п-ве Ямале металлический складень: его створки заполнены арабизированным орнаментом, который свидетельствует о попытках воспроизвести письменность мастерами, ее не знающими.

Две иранские чаши VIII–XI веков обнаружены в составе инвентаря могильника Хэтосё I на юге Ямала[3], а изделия булгарских сребродельцев известны по материалам Шеркальского городища [8, с. 196], Надымского городка [12, с. 140], поминального комплекса могильника XIII века Зеленый Яр [13, с. 141]. Внушительная коллекция золотоордынской посуды происходит из комплекса Сайгатино [14, с. 67].

Вероятно, именно с периодом становления Улуса Джучи связана частичная переориентация торговли в Волго-Камском бассейне. Государство, могущество которого во многом базировалось на международной торговле, очень быстро подчинило себе торговые контакты в части северных регионов. В этом контексте нам кажется закономерным полное прекращение поставок арабского серебра именно в XIII веке.

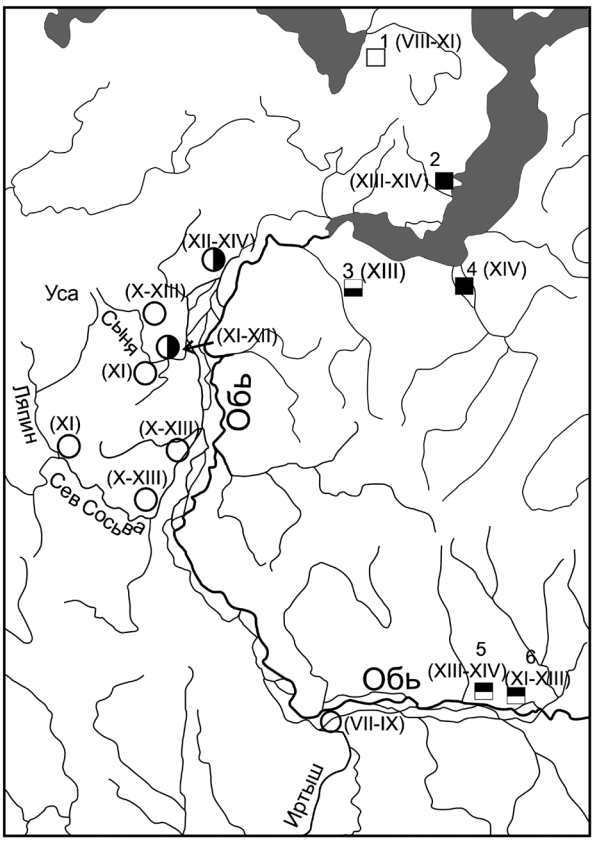
При этом следует учитывать, что влияние могущественного государства сказалось и на прочих торговых направлениях, связывающих Западную Сибирь с миром средневековых государств. Напомним, что с конца XII века и вплоть до начала Великой Замятни в Орде в русских летописях не зафиксированы военные походы новгородцев в Югру, что, конечно, не означает прекращения торговых операций новгородских купцов в Западно-Сибирском регионе. Напротив, именно с этого периода в слоях археологических памятников Нижнего Приобья увеличивается доля предметов русского производства [15, с. 198–199; 16, с. 38–41], что в первую очередь говорит о стабилизации торговых путей в период существования Улуса Джучи. Это во многом способствовало дальнейшему продвижению русских купцов. С другой стороны, именно изделия золотоордынских торевтов и оружейников становятся превалирующими привозными предметами, встречаемыми в культурных слоях западносибирских памятников.

Картирование рассмотренных выше материалов из состава как археологических памятников, так и кладов (см. *рисунок*) позволяет судить об активизации торговых магистралей из Восточной Европы в Северо-Западную Сибирь в эпоху Средневековья. Напомним, что, по мнению ряда исследователей, «купеческие» клады, подобные описанным, маркируют траектории движения купцов. В этом отношении крайне показателен пример с течением р. Северная Сосьва, являвшейся важнейшим этапом передвижения с Урала в Нижнее Приобье, отмеченным не только археологическими материалами, но и письменными источниками.

Начиная с XII–XIV веков наблюдается массовый приток медных котлов, одним из основных центров производства которых являлись города Волжской Булгарии или связанные с ними ремесленные центры Верхнего Прикамья [17, с. 100–101]. Эти изделия быстро вытеснили керамическую посуду и стали распространенным материалом поселенческих памятников [18, с. 98–99].

---

[3] *Брусницина А.Г.* Отчет об археологических исследованиях в г. Салехарде и Ямальском районе ЯНАО летом 2000 г. Салехард, 2001 // Науч. арх. Музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского. Ф. I. Д. 106. Л. 18.



○ - в составе кладов; □ - в составе археологических памятников
▭ - Средняя Азия
■ - Волжская Булгария
Цифрами даны памятники:
1 - могильник Хэтосё; 2 - Городище Бухта Находка; 3 - могильник Зеленый Яр; 4 - Надымское городище; 5 - могильник Сайгатинский; 6 - комплекс Барсова Гора.
В скобках даны датировки предметов/комплексов, в составе которых обнаружены предметы импорта.

Изделия арабского и булгарского импорта на территории Северо-Западной Сибири

На наш взгляд, концентрация арабских изделий в Северо-Западной Сибири (уступающая разве что самому Волго-Камскому региону) объяснима особым отношением аборигенного населения Приобья к привозной торевтике. Многие художественные предметы, обнаруженные в последние десятилетия, происходят из ритуальных прикладов, в то же время в таких регионах, как, например, Восточная Европа (куда они, несомненно, ввозились не в меньших объемах), серебряные предметы могли перерабатываться или шли на дальнейший экспорт. Кроме того, ряд кладов имеет исключительно личностный характер [19, с. 8–9], следовательно, вещи из его состава играли роль родовой реликвии, а не средства накопления. Заметим, что ритуальное отношение к этим изделиям сохранялось в среде коренного населения Нижнего Приобья вплоть до XIX–XX веков.

Очередная переориентация в торговле по Меховому пути могла произойти лишь с началом активного освоения Приуралья и Западной Сибири Московским государством, однако на первых порах Московия вряд ли могла существенно ограничивать транзит пушнины в Среднюю Азию.

Лишь в XVII веке замерла «старая дорога», но мелкий товарообмен продолжился, разнообразившись уже и обменом товара на деньги: на одном из хальмеров обнаружена медная монета в два курулуша, отчеканенная в период правления Мухаммеда (Мехмеда) IV (1623–1640). Таким образом, начавшийся в Средневековье через обмен товаров и идей диалог культур продолжился, несмотря на замерший Великий меховой путь и смену политического подчинения насельников северных территорий.

Список литературы

1. *Бахтиев Р.Ф.* Волжские булгары как проводники ислама среди народов Поволжья, Приуралья и Западной Сибири // В.В. Радлов и духовная культура тюркских народов: сб. тр. Междунар. интернет-конф. Казань, 2012. С. 30–32.

2. *Руденко К.А.* Язычество и ислам в Среднем Поволжье в XI–XIV вв. (анализ археологических данных) // Религия в истории народов России и Центральной Азии: материалы Всерос. с междунар. участием конф., посвящ. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ. Барнаул, 2011. С. 117–122.

3. *Аникин А.Е., Хелимский Е.А.* Самодийско-тунгусо-маньжурские лексические связи. М.: Яз. славян. культуры, 2007. 256 с.

4. *Бауло А.В.* Средневековые изделия из серебра на севере Западной Сибири: новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1(29). С. 145–150.

5. *Федорова Н.В.* Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4(12). С. 91–101.

6. *Федорова Н.В.* Сокровища Приобья в истории Западно-Сибирского средневековья (вступительная статья) // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья: кат. выст. Салехард; СПб., 2003. С. 9–18.

7. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 200 с.

8. *Федорова Н.В.* Северный широтный ход в XI–XV вв.: постановка проблемы // Урал. ист. вестн. 2015. № 2(47). С. 73–82.

9. *Сыркина И.А.* Клад с городища Лорвож (XII в.) // Совет. археология. 1983. № 4. С. 182–198.

10. *Федорова Н.В.* Два серебряных сосуда из района г. Сургута // Совет. археология. 1982. № 1. С. 183–194.

11. *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи. СПб., 1909. 160 с.

12. *Кардаш О.В.* Обдорские городки конца XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Надымский городок князей Большой Карачеи: моногр. Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. 360 с.

13. *Алексашенко Н.А., Брусницына А.Г., Литвиненко М.Н., Косинцев П.А., Перевалова Е.В., Ражев Д.И., Федорова Н.В.* Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье: моногр. / под ред. Н.В. Федоровой. Екатеринбург; Салехард: Уро РАН, 2005. 368 с.

14. *Зыков А.П., Кошкаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.* Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 160 с.

15. *Семенова В.И.* Атрибуция предметов русского декоративно-прикладного искусства из обско-угорских могильников эпохи средневековья // Вестн. КемГУКИ. 2012. Вып. 20. С. 198–202.

16. *Кардаш О.В.* Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Екатеринбург: Изд-во АМБ; Нефтеюганск: Ин-т археологии Севера, 2011. 60 с.

17. *Руденко К.А.* Металлические котлы VIII–XIII вв. Волго-Вятского региона и Русского Севера: загадка происхождения // Европейский Север в культурно-историческом процессе (к 625-летию города Кирова): материалы Междунар. конф. Киров, 1999. С. 98–101.

18. *Зыков А.П.* Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2012. 232 с.

19. *Федорова Н.В.* Византийское сокровище угорских князей // Родина. Тропою стран полуночных: спец. вып. к Междунар. Сев. археол. конгр. М., 2002. С. 7–9.

References

1. Bakhtiev R.F. Volzhskie bulgary kak provodniki islama sredi narodov Povolzh'ya, Priural'ya i Zapadnoy Sibiri [Volga Bulgars as Propagators of Islam Among the Peoples of the Volga River Area, the Urals Region and Western Siberia]. *V.V. Radlov i dukhovnaya kul'tura tyurkskikh narodov* [V.V. Radlov and the Spiritual Culture of the Turkic Peoples]. Kazan, 2012, pp. 30–32.

2. Rudenko K.A. Yazychestvo i islam v Srednem Povolzh'e v XI–XIV vv. (analiz arkheologicheskikh dannykh) [Paganism and Islam in the Middle Volga River Area in the 11th – 14th Centuries (Analysis of Archaeological Data)]. *Religiya v istorii narodov Rossii i Tsentral'noy Azii* [Religion in the History of the Peoples of Russia and Central Asia]. Barnaul, 2011, pp. 117–122.

3. Anikin A.E., Khelimskiy E.A. *Samodiysko-tunguso-man'zhurskie leksicheskie svyazi* [Samoyedic-Tungus-Manchurian Lexical Links]. Moscow, 2007. 256 p.

4. Baulo A.V. Srednevekovye izdeliya iz serebra na severe Zapadnoy Sibiri: novye nakhodki [Mediaeval Silverware in the North of Western Siberia: New Finds]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2007, no. 1, pp. 145–150.

5. Fedorova N.V. Zapadnaya Sibir' i mir srednevekovykh tsivilizatsiy: istoriya vzaimodeystviya na torgovykh putyakh [Western Siberia and the World of Mediaeval Civilizations: The History of Interactions on Trade Routes]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2002, no. 4, pp. 91–101.

6. Fedorova N.V. Sokrovishcha Priob'ya v istorii Zapadno-Sibirskogo srednevekov'ya (vstupitel'naya stat'ya) [The Treasures of the Ob River Area in the History of Mediaeval Western Siberia (Introductory Article)]. *Sokrovishcha Priob'ya. Zapadnaya Sibir' na torgovykh putyakh srednevekov'ya* [The Treasures of the Ob River Area. Western Siberia on the Mediaeval Trade Routes]. Salekhard, 2003, pp. 9–18.

7. Darkevich V.P. *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vostochnoy torevtiki na territorii evropeyskoy chasti SSSR i Zaural'ya* [Artistic Metalworking of the East in the 8th – 13th Centuries. Works of Eastern Toreutics in the European Part of the Soviet Union and the Trans-Uralia]. Moscow, 1976. 200 p.

8 Fedorova N.V. Severnyy shirotnyy khod v XI–XV vv.: postanovka problemy [Northern Latitudinal Road in the 11th – 15th Centuries: Problem Formulation]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2015, no. 2, pp. 73–82.

9. Syrkina I.A. Klad s gorodishcha Lorvozh (XII v.) [The Treasure from the Settlement of Lorvozh (12th Century)]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1983, no. 4, pp. 182–198.

10. Fedorova N.V. Dva serebryanykh sosuda iz rayona g. Surguta [Two Silver Vessels from the Surgut Area]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1982, no. 1, pp. 183–194.

11. Smirnov Ya.I. *Vostochnoe serebro. Atlas drevney serebryanoy i zolotoy posudy vostochnogo proiskhozhdeniya, naydennoy preimushchestvenno v predelakh Rossiyskoy Imperii* [Eastern Silver. Atlas of Ancient Silver and Gold Dishes of Oriental Origin, Found Mainly on the Territory of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1909. 160 p.

12. Kardash O.V. *Obdorskie gorodki kontsa XVI – pervoy treti XVIII vv. Istoriya i material'naya kul'tura. Nadymskiy gorodok knyazey Bol'shoy Karachei* [Obdorsk Towns of the Late 16th – First Third of the 18th Centuries. History and Material Culture. The Nadym Town of the Princes of Great Karachay]. Yekaterinburg, 2013. 360 p.

13. Aleksashenko N.A., Brusnitsyna A.G., Litvinenko M.N., Kosintsev P.A., Perevalova E.V., Razhev D.I., Fedorova N.V. *Zelenyy Yar: arkheologicheskiy kompleks epokhi srednevekov'ya v Severnom Priob'e* [Zelyony Yar: A Mediaeval Archaeological Complex in the Northern Ob River Area]. Yekaterinburg, 2005. 368 p.

14. Zykov A.P., Koshkarov S.F., Terekhova L.M., Fedorova N.V. *Ugorskoe nasledie. Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Ural'skogo universiteta* [The Ugric Heritage. Antiquities of Western Siberia from the Collections of the Ural University]. Yekaterinburg, 1994. 160 p.

15. Semenova V.I. Atributsiya predmetov russkogo dekorativno-prikladnogo iskusstva iz obsko-ugorskikh mogil'nikov epokhi srednevekov'ya [Attribution of Objects of Russian Ornamental-Applicative Art from Ob-Ugric Burial Grounds of the Middle Ages]. *Vestnik KemGUKI*, 2012, no. 20, pp. 198–202.

16. Kardash O.V. *Gorodok sikhirtya v Bukhte Nakhodka (pervye rezul'taty issledovaniya)* [The Town of Sihirta in the Nakhodka Bay (First Results of the Study)]. Yekaterinburg, 2011. 60 p.

17. Rudenko K.A. Metallicheskie kotly VIII–XIII vv. Volgo-Vyatskogo regiona i Russkogo Severa: zagadka proiskhozhdeniya [Metal Pots of the 8th – 13th Centuries in the Volga-Vyatka Region and in the Russian North: The Mystery of Origin]. *Evropeyskiy Sever v kul'turno-istoricheskom protsesse (k 625-letiyu goroda Kirova)* [The European North in the Cultural and Historical Process (to the 625th Anniversary of the City of Kirov)]. Kirov, 1999, pp. 98–101.

18. Zykov A.P. *Barsova gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Srednevekov'e i novoe vremya* [Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Ob River Area Around Surgut. The Middle Ages and the Modern Era]. Yekaterinburg, 2012. 232 p.

19. Fedorova N.V. Vizantiyskoe sokrovishche ugorskikh knyazey [The Byzantine Treasure of the Ugric Princes]. *Rodina. Tropoyu stran polunochnykh* [Motherland. Following the Path of the Midnight Sun Countries]. Moscow, 2002, pp. 7–9.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.25

Aleksandr P. Yarkov
Tyumen State University;
ul. Volodarskogo 6, Tyumen, 625000, Russian Federation;
e-mail: ayakov@rambler.ru

Nikita V. Pertsev
Kurgan State University;
ul. Sovetskaya 64, str. 4, Kurgan, 640020, Russian Federation;
e-mail: pertsev1991@list.ru

ISLAMIC IMPORTS ON THE FUR ROUTE

Based on the analysis of written sources and archaeological finds, as well as works of various researchers, this article traces the appearance in North-Western Siberia of imported utilitarian and aesthetic objects originating in Central Asia and Volga Bulgaria. The authors present the most complete (as of today) selection of status objects, including toreutics, found on the territory under consideration and georeferenced to specific monuments. An attempt is made to trace the penetration route of Oriental products into North-Western Siberia. The results of object mapping show an activation of trade contacts. At the same time, we can observe a clear trend towards marking the main routes over the Urals with the treasures including these objects, as had been pointed out by researchers earlier. The paper suggests that the nature of these trade contacts between the inhabitants of North-Eastern Siberia and Central Asia and Volga Bulgaria indicates the existence of a dialogue of cultures. Special attention is given here to the subsequent use of the imported products by the Ugric and Samoyed peoples. Considering the concentration of Arab and Bulgarian items and the presence of objects known only in the Lower Ob River area, as well as the chronological framework of the distribution of goods from Central Asia and Volga Bulgaria, we can infer that Muslim merchants discovered the distant north-eastern markets. According to the authors, the exchange of goods with Central Asia stopped due to the establishment of the Ulus of Jochi, which took full control over the Volga-Kama trade route, and later, due to the ban imposed by the Russian authorities in the early 17th century.

Keywords: *Middle Ages, North-Western Siberia, Central Asia, Volga Bulgaria, Fur Route, Islamic imports, toreutics.*

Поступила: 04.05.2017
Received: 4 May 2017

For citation: Yarkov A.P., Pertsev N.V. Islamic Imports on the Fur Route. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 25–32. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.25

УДК 101.1+101.9 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.33

***ВНУТСКИХ Александр Юрьевич**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии Пермского государственного национального исследовательского университета. Автор 128 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий (4 – в соавт.)*[*]

***ДИНАБУРГ Светлана Роальдовна**, аспирант, старший преподаватель кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. Автор 10 научных публикаций*[**]

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ

Статья посвящена изучению традиционно определяемых границ философии, а также возможностей философской практики – возрождающегося типа философствования, нацеленного на решение повседневных проблем современного человека. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, необходимостью критического подхода к пониманию философии лишь как опыта мышления и важностью использования накопленного ею потенциала на практике в ситуации колоссального роста знания, сопровождаемого вместе с тем утратой прежних смыслов и идентичностей. С другой стороны – относительно слабой информированностью отечественного философского сообщества о движении философской практики. Выявление ключевых аспектов философской практики в контексте интегративных процессов, охватывающих сегодня все сферы знания, проводится путем ее сопоставления с феноменом трансдисциплинарности: данная работа нацелена на теоретически ценное определение их общих концептуальных оснований в рамках постнеклассической парадигмы. Общим для трансдисциплинарности и философской практики являются: стремление к ясности и устойчивости, определяемой конкретными индивидуальными решениями при одновременном движении за дисциплинарные пределы и границы форм деятельности; внимание к субъекту и его этической позиции; диалогово-коммуникативный, партнерский характер взаимодействия. Философская практика реализует открытый характер философствования, предлагая каждому заинтересованному философское сопровождение личной и профессиональной деятельности, помощь в творческом самовыражении и принятии социально-ответственных решений; ее опыт может быть распространен на практику трансдисциплинарных исследований. Показано, что введению этой практически ценной инновации может способствовать «тихая» – в отличие от парадигмальных – трансдисциплинарная революция. Статья представляет собой фактически первое русскоязычное исследование феномена философской практики, рассматривающее ее в связи с другими социокультурными процессами современности.

***Ключевые слова:** постнеклассическая наука, философская практика, трансдисциплинарность, тип философствования.*

---

[*]*Адрес:* 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; *e-mail:* avnut@inbox.ru

[**]*Адрес:* 614600, г. Пермь, просп. Комсомольский, д. 29А; *e-mail:* svetlana.dinaburg@yandex.ru

Для цитирования: Внутских А.Ю., Динабург С.Р. Трансдисциплинарные аспекты философской практики // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 33–41. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.33

Феномены «философская практика» (ФП) и «трансдисциплинарность» (ТД), актуализированные вызовом эпохи, вышли на сцену современности в одно время – в начале 80-х годов XX века. Однако, во-первых, многими они по-прежнему воспринимаются как лежащие на периферии мира философии относительно магистральных путей ее развития (ФП – как *нисхождение* в повседневность и *техника философии*, а ТД – как *возвышение науки* методологической рефлексией и ее *гуманизация*). Во-вторых, эти феномены *нечасто воспринимаются как связанные*. Общая их основа часто либо вообще игнорируется, либо представляется вторичным родством «прикладных сфер».

Следует признать, что оба явления на протяжении десятилетий развивались достаточно независимо. ФП в своих заявлениях больше ориентировалась на античную традицию и ее возрождение – ту традицию, которая еще не знала профессиональной специализации, а ТД, проникнутая тревогой о будущем, ориентировалась на новацию и уже ясно осознанную опасность дисциплинарного дробления знания. Однако последние 10–20 лет были отмечены, с одной стороны, *конвергенцией* – сближением, соединением и взаимным проникновением казавшегося прежде несовместимым, а с другой – стремлением *понять* мир в его *нередуцируемой сложности*.

На основании этих тенденций можно предположить, что ФП в ее принципах и формах также принадлежит сфере ТД, определяемой как современное *пространство трансдисциплинарного опыта*, состоящее из *множества различных единств* [1, с. 169], а ТД, в свою очередь, представляет собой вид ФП, поскольку определяется как «прежде всего, философия» и «реальная деятельность» [2, с. 17]. Анализ практик показывает, что сегодня формируется некая общая для социальных наук практическая парадигма – как «удобная территория для междисциплинарных исследований» [3, с. 12]. Отмечается, что распространение и укоренение конкретной практики в обществе происходит благодаря ее *артикуляции* – привлечению к ней внимания, *реконфигурации* – изменению ее значения – и *заимствованию* – переносу в другие контексты для решения новых задач [3, с. 23].

Соответственно, основная цель нашего исследования состоит в выявлении общей концептуальной основы, объединяющей ФП и ТД. На наш взгляд, эта весьма значимая в теоретическом смысле цель может быть реализована путем изучения содержания ФП в качестве своеобразного «дополнения» академической философии, улучшающего личную жизненную философию субъекта и совершенствующего стратегию поведения философии в публичном пространстве. В своем движении «вглубь» общества ФП фактически реализует трансдисциплинарный подход. И этот ее опыт вполне может быть осмыслен и распространен на практику столь востребованных в постнеклассической науке трансдисциплинарных коллабораций – в этом заключается практическая значимость исследования. Новизна состоит в том, что в отечественной философии наша работа выступает в качестве одного из первых теоретических исследований феномена ФП, рассматривающих его в связи другими социокультурными процессами.

Заметим, что в данном случае (в силу соответствия изучаемому объекту и степени разработанности темы) речь может идти не об устоявшейся системе понятий и прочном фундаменте теорий, а именно о концептах, которые не имеют четкой формально-логической дефиниции и структуры [4] и поэтому задаются через фундирующую совокупность идей, совместно выстраиваемых и связываемых в некоторую целостность. На наш взгляд, для этой цели наилучшим образом подходят две концепции: хорошо известная и достаточно разработанная «постнеклассика» (В.С. Степин, В.И. Аршинов, В.Г. Буданов и др.) и только намеченный «протеизм» (М.Н. Эпштейн).

Постнеклассика прошла в своем стремительном развитии путь от *типа научной рациональности* и *коммуникативной парадигмы* до *парадигмы* (инновационной) *сложности*, формирующей картину мира в целом [1, с. 170].

Особенность постнеклассики, связанная с двойным отрицанием (пост- и не-), указывает на маневр *как бы возвращения к исходной точке* стабильного существования [1, с. 171]. Поэтому протеизм как альтернатива тому «пост-», «которое отталкивалось от прошлого и вместе с тем было зачаровано им, не могло выйти из его магического круга», «соизмеряет себя с предстоящим и наступающим, а не с прошедшим» [5]. В остальном протеизм как «умонастроение начала XXI века» созвучен постнеклассике в ее зрелой форме: он исследует начала, «раннесть и эскизность» явлений, символически отсылает к принимающему любую форму Протею и является не только методом исследования, но и сферой самосознания [5]. Как мы помним, в постнеклассике субъект играет особую роль, а исследует она «стабильность в потоке становления», тяготея к «страстно желаемой ясности» [1, с. 171].

Таким образом, ключевыми позициями в общей для ФП и ТД концептуальной основе будут: *ясность* и *устойчивость*, *трансгрессия*, *субъект* (моральный и ответственный) и *коммуникация*. Нетрудно увидеть, что они маркируют также и ключевые точки всей современной философии. На наш взгляд, ФП и ТД представляют собой усилия по реактуализации – «возрождению» и «переоткрытию» – философии (тем самым – повышению ее значимости в мире). Подтверждение тому – позиция одного из классиков исследования ТД, Л.П. Киященко: «…трансдисциплинарный опыт есть радикализация философского опыта как такового» [1, с. 178], «трансдисциплинарность – реальная деятельность в рамках философии сложности» [2, с. 17]. ФП также характеризуется как обновление самой философии во исполнение ее жизненной задачи в современной ситуации, «когда открытая практика философии революционными философами и маскируемая психоанализом вступила в свой кризис»[1].

Характерно, что в современной истории становления ФП и ТД особое значение придается не первым попыткам или приоритетам отдельных исследований, а событию их «социального рождения»: когда в первом случае была основана Ассоциация представителей философской практики (Г. Ахенбах, 1982) и во втором – Интернациональный центр трансдисциплинарных исследований (Б. Николеску, 1987). Очевидна их принципиальная (онтологическая) ценность как коллаборации, совместного проекта в русле коммуникативной (т. е. постнеклассической) практической парадигмы. Таким образом, оба феномена представляют собой не только область знания – «теорию», неотделимую от идеологии, но также социальное движение, прошедшее в своем развитии стадии зарождения (попытки «самоопределения» в локальных группах), децентрализации (распространение идей и разнообразия форм) и популяризации [6].

Наконец, необходимо указать на некоторый «парадокс латентности», очевидный в эпоху бурного информационного обмена и подхватывания трендов: известность обоих феноменов не соответствует их значимости – они, как говорится, «широко известны в узких кругах».

Так, хотя ФП как европейское явление удостоилась попадания в Исторический философский словарь[2] еще в 1989 году, широкая общественность, как сожалеет Р. Лахав (один из «отцов» ФП), не осведомлена о ней до сих пор. Она, преследуя цель сделать философию близкой человеку в его повседневной жизни и, безусловно, в пограничных ситуациях, «не преуспела у публики» так же, как и другие, возникшие одновременно с ней и занявшие видное место в мире движения (гуманистическая психология, практики медитации, религиозно-эзотерический нью-эйдж, коучинг и др.) [6, с. 9]. В свою очередь, экспансия ТД, характеризуемая как «едва ли

---

[1]*Marquard O.* Praxis, Philosophische // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Basel, 1989. Bd. 7. S. 1307. URL: http://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_marquard_Woerterbuch.asp?b (дата обращения: 26.09.2017).

[2]Ibid.

не всеохватывающая в смысле масштабов и мощного потенциала», в то же время воспринимается как «тихая революция», «малозаметная для неискушенной публики», не всегда отчетливо осознаваемая в отличие от парадигмальных революций [7]. Подчеркнем, что оба рассматриваемых феномена/движения в существенной мере ориентированы именно на внимание и включенность «широкой общественности», «всех заинтересованных лиц».

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы увидеть ФП через оптику ТД, в определенном смысле воспользоваться ресурсами «тихой» трансдисциплинарной революции (по В.А. Бажанову). Это важно не только с теоретической позиции обнаружения их общности или совместимости, приращения знания как такового, но это также практический акт, способствующий – указанными выше средствами – изменению статуса ФП.

Итак, что такое философская практика?

Ее суть – в обращении к своей собственной жизни, ее исследованию и пониманию, что требует философского размышления. И в таком качестве это альтернатива академической, аналитико-критической, философии, которая, по выражению П. Флоренского, является «делом ума», «делом кабинета»[3].

Мы ни в коей мере не сомневаемся в ценности академического философствования. Однако внутри самой философии существует различение типов, или стилей, философствования. Например, М. Эпштейн говорит о разнице между *philosophy* и *filosofia* внутри национальной или мировой философии, и она примерно такая же, как «между научным симпозиумом и платоновским симпосионом, участники которого не просто обсуждают отвлеченные идеи, но предаются им “целостно”, всеми способностями ума, всей душой и телом»[4]. Можно сказать, эта *filosofia* – принципиально трансдисциплинарна, она «не специализировалась в отдельную дисциплину <…> но пытается сохранить масштаб и конфигурацию целостной мудрости, поразному сочетая в себе элементы критики и фантазии, науки и поэзии, логики и религии, анализа и синтеза, историзма и утопии»[5]. Отношения между двумя ветвями ясны: *filosofia может и должна* учиться у *philosophy* точному различению этих элементов, «но не для того, чтобы жертвовать одним из них, а чтобы лучше способствовать их объединению»[6]. Иной способ различения непосредственно отличает ФП от трех других «форм организации философии: от философии университета, а также от философии священника или терапевта»[7].

Г. Ахенбах – основатель движения ФП – подчеркивает: тот, кто чувствует ужасающую перспективу того, что жизнь может быть «упущена», «растрачена», поглощена рутиной повседневности, признает также весомость идеи Сократа о самопознании и реальность предупреждения А. Шопенгауэра о безрассудной пляске в руках смерти. К ФП обращаются за тем, что «придает весомость нашей жизни, значимость нашему бытию и смысл нашему присутствию» [8]. Иными словами, это важный способ совершенствования нашей «жизненной философии». Процессуально это не «приложение» теорий или методов к жизненным проблемам, а вечный поиск «правильного пути» в каждом конкретном случае, где философ-практик выступает как «специалист в не-специальном» [8].

ФП является альтернативой двум противоположным стратегиям существования философии в публичном пространстве, а именно той философии, которую «не любят». А.А. Гусейнов

---

[3] *Эпштейн М.Н.* Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Нов. лит. обозрение, 2017. URL: https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fbooks.google.ru%2Fbooks%3Fid%3DkBmmDgAAQBAJ%26printsec%3Dfrontcover&cc_key= (дата обращения: 23.09.2017).

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Marquard O.* Op. cit. S. 1307.

в своей работе, продолжающей высказывание Н.Н. Бердяева о всенародной нелюбви и даже враждебности к философии, подробно разбирает, кто в обществе и за что философию не любит [9]. И действительно, эта «превалирующая и более основательно закрепленная в общественном сознании тенденция» кажется самоочевидной внутри и вовне философских кругов.

Исходные посылки для таких выводов заключаются вовсе не в том, что философия далека от жизни, что это (в реальности или в восприятии масс) вид кабинетного спорта или цеховые игрища чуждых народу интеллектуалов. Нет, отправной пункт этой логики тот же, что и в основаниях ФП: философия возникает в рамках стремления человека сделать свою жизнь лучше, совершеннее, и это стремление человека к совершенству она связывает с его разумом, способностью мыслить, а человеческую жизнь рассматривает в перспективе индивидуально-ответственного существования. Однако именно в таком качестве философия неугодна всем (кроме самих философов и тех немногих, кто способен приобщиться к ней) и даже вызывает ресентимент (фр. *ressentiment* – завистливая, ущербная враждебность). Именно это парадоксальное положение вещей, когда философия слишком хороша и потому опасна для реальных людей, для подавляющей части общества, и пытается конструктивно преобразовать ФП.

Для философии, «которую не любят», если согласиться с тезисом о неизбежности и неизбывности конфликта между ней и обществом, можно определить две основные стратегии возможного поведения в общественном пространстве. Первая, на которую философы постоянно сбиваются, – линия приспособления к общественным запросам, «адаптации к источникам недружелюбия» [9], ведущая к капитуляции и деградации заявленной высокой роли философии. Вторая стратегия, видимая как единственно достойная и «адекватная существу дела», понимается как необходимость терпеть нелюбовь общества, принимать ее как неизбежность, подобную плохой погоде, и даже как индикатор того, что философия следует по верному пути. Адекватное место в публичном пространстве при этом достигается *практическим* средством, которое только с виду кажется простым, – формированием растущего сообщества людей, объединенных любовью и интересом к философии, и в это сообщество следует свободно впускать всех желающих.

Для того чтобы оценить стратегический поворот, предлагаемый ФП, необходимо акцентировать внимание на нескольких ключевых позициях:

1. Философия в рамках этой концепции не сводима к программе «философствовать – значит мыслить», постоянному вопрошанию и познанию ценных вещей, «до которых только мыслью можно дойти» [9], увлекающему, наконец, в дурную бесконечность. Другими ее аспектами являются созерцание, умозрение («преодоление своего привычного образа мысли», «сосредоточение на глубинных, скрытых аспектах своего существа» [6, с. 13]) и действие, бытийное становление (главный вопрос – живет ли человек в согласии с самим собой, по знаменитой фразе Ф. Ницше: «стал ли он тем, что он есть»). Предпочтение отдается не кантовским вопросам, а рефлексии наподобие предложенной М. Монтенем «Что же я на самом деле делаю?» [8].

2. В крайнем выражении философии мышления человек «как бы теряет чувствительность, выпадает из мира», «уходит в себя как в другой мир», к нему приходит осознание «высочайшей ценности духа внутреннего убеждения» и признает он «только единственный суд – суд собственной совести» [9]. Однако в фокусе внимания ФП находится другой аспект субъективации: «Вопрос состоит в том, научился ли философ понимать и осознавать, развил ли он в себе чувствительность по отношению к тому, чему обычно не придают значения, и стал ли он способен к тому, чтобы ощущать себя как дома, даже встречаясь с отклоняющимися и необычными мыслями, чувствами и суждениями» [8]. Кроме того, диалоговый характер этой рефлексии предполагает, что стиль мышления, опирающийся лишь на свой интеллект, цепляющийся за свое мнение, должен быть изменен [6, с. 14].

3. «Высокая философия» может терять человека в его универсальной основе, воспринимая людей как «обывателей, людей с улицы, простых людей, живущих своими житейскими заботами», а также как «политиков, которые насаждают», и «специалистов, которые обслуживают», тем самым определяя их никоим образом не равными себе. Философ-практик, напротив, предлагает себя «как напарник и товарищ в мыслях и чувствах», ибо лишь в этом качестве он способен «помочь своему посетителю освободиться от его одиночества или безысходности и тем самым, может быть, изменить свое мнение о жизни и своих обстоятельствах» [8].

ФП также опровергает утверждение, «что философию нельзя ни на что обменять в рамках практикуемого обществом разделения труда» и что «если философия обладает общественной ценностью, то лишь сама по себе, а не тем, что ее можно куда-то приложить за пределами самой философии» [9]. Представители ФП – подобно, кстати, первым философам, философам Античности, – считают возможным и необходимым выходить «на рынки и улицы», а также искать новые способы работы с людьми, чтобы приблизить философию к реальной жизни. Причем предполагается, что ФП в силу ее открытого характера не придется «угождать людям с улицы, угождать властям, угождать людям науки». Ряд обзорных работ, исследующих развитие ФП за три прошедших десятилетия, демонстрирует, как вырабатывались ее различные формы, предлагающие философское сопровождение тем и другим частям общества [10, 11].

Как указывает Р. Лахав, позитивная программа ФП состоит в том, чтобы привлекать и вдохновлять людей собственным желанием и страстью к познанию и глубине. Для философа-практика важно оценивать себя как «“ищущего” (seeker), мотивированного платоновским Эросом», «тоской по пониманию, знанию, правде», как того, кто «всегда в пути, в поиске способов развития мудрости и понимания, и как философ, и как человек» [6, с. 12] – в отличие от «профессионала», который достиг своего экспертного предела и, выражаясь словами Пифагора, «окончательную» истину уже нашел. Продолжение же такого поиска в современной социокультурной ситуации неизбежно приводит человека и философа к использованию трансдисциплинарного подхода в том или ином варианте.

Дело в том, что монодисциплинарный аналитический дискурс философии («дискурс о») при всей его необходимости едва ли самодостаточен. М. Фуко не случайно призывал обращать внимание не только на то, что дискурс «сам» хочет нам сказать, но и на то, как он «невольно проговаривается» о своих условиях и границах, разрывах в соответствующей картине мира. Эти разрывы, если их не игнорировать, оставаясь в русле «единственно верного» парадигмального мышления, а относиться к ним внимательно, проявляются как сфера деятельности трансдисциплинарного дискурса-синтеза («дискурса в»), ориентированного на полифонический диалог и формирование целостного представления об исследуемом явлении, учитывающего не только собственно научный дискурс, но и дискурсивные практики повседневности. Последние же основываются на той самой «житейской философии», которая формируется либо спонтанно, либо осознанно, с серьезными попытками ее усовершенствовать – что, собственно, и есть ФП.

Освещению принципов ТД, их рефлексии посвящено значительно больше исследований, нежели ФП. Однако те работы, что имеются, на наш взгляд, убедительно демонстрируют, что существует органическое единство программы ФП и принципов ТД, которое можно представить как их общую платформу.

Акцентируем моменты сходства двух этих концепций.

1. В обеих констатируется необходимость взаимодействия и партнерства академической науки, власти и общества в современной системе «производства знания» (концепция «тройной спирали»).

2. «Обыватели», «люди с улицы» (они же – «широкая публика» и «все заинтересованные лица», *stakeholders*), в обоих случаях рассма-

триваются в качестве равноправных и полномочных участников плюралистического пространства и коллабораций, поскольку любая сфера знания и практики требует социально-ответственных решений в результате процедур информирования и обсуждения.

3. Трансдисциплинарный субъект находится «в непрерывных поисках себя», «это субъект, ищущий себя самого», поскольку современность отличает нарастающий разрыв между увеличением объема знания и оскудением идентичности. Поэтому существует постоянная потребность в саморазличениях и самообретениях, благодаря которым формируется новый методический инструментарий [1, с. 174].

4. Востребован опыт «целостного философствования» и «гибридного дискурса», в ходе которого философская методология освобождается «от претензий на дисциплинарную чистоту, якобы неподвластную метафорам, образам, фантазмам и поэтизмам», и примиряется с невозможностью уложить смысл в линейную, рациональную структуру[8].

В заключение можно сказать о том, что трансдисциплинарные стратегии современности и феномен ФП позволяют по-новому взглянуть на общеизвестные, традиционные функции философии – интегрирующую и праксеологическую. Ведь философия и начиналась как «трансдисциплинарность до науки»: с сомнений в самодостаточности мира явлений, с одной стороны, и с провозглашения необходимости выхода за пределы господствующих в ту эпоху дискурсов – с другой. Причем, согласно принципу калокагатии, выхода отнюдь не только теоретического, но и практического. Затем именно философия в формате преднауки обеспечила накопление знаний и последующую дифференциацию научных отраслей, постоянно обращаясь к проблеме теоретической интеграции их достижений. Имея такую историю, едва ли в наши дни, в эпоху конвергенции наук и технологий, философия сможет отказаться от нового перехода границ между дисциплинами, между теорией и практикой.

Список литературы

1. *Богатая Л.* Трансдисциплинарность: постнеклассический ракурс рецепции // Філософія освіти (Философия образования). 2015. № 1(16). С. 168–182.

2. *Аршинов В.И., Алексеева И.Ю., Буданов В.Г., Бургете Аяла М.Р., Герасимова И.А., Ефременко Д.В., Киященко Л.П., Лепский В.Е., Розин В.М., Свирский Я.И., Степин В.С., Черникова И.В.* Философия управления сложностью в условиях конвергенции социогуманитарных и естественнонаучных знаний. Материалы «круглого стола». Памяти Виталия Георгиевича Горохова // Философия науки и техники. 2017. Т. 22, № 1. С. 5–29.

3. *Волков В.В., Хархордин О.В.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2008. 298 с.

4. *Суржанская Ю.В.* Концепт как философское понятие // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. № 2(14). С. 70–78.

5. *Эпштейн М.* Протеизм. Манифест начала века. Окончание. URL: http://veer.info/08/v8_proteism2.html#6 (дата обращения: 29.09.2017).

6. *Лахав Р.* Философская практика – quo vadis? // Социум и власть. 2016. № 1(57). С. 7–14.

7. *Бажанов В.А., Краева А.Г.* Феномен трансдисциплинарной когнитивной революции // Рос. гуманит. журн. 2016. Т. 5, № 2. С. 91–107.

8. *Achenbach G.B.* Kurzgefaßte Beantwortung der Frage: Was ist Philosophische Praxis? URL: http://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_was_ist.asp (дата обращения: 24.09.2017).

9. *Гусейнов А.А.* Почему не любят философию и философов? URL: https://iphras.ru/page23439754.htm (дата обращения: 29.09.2017).

[8] *Эпштейн М.Н.* Указ. соч.

10. *Achenbach G.B.* Drei Jahrzehnte Philosophische Praxis. URL: http://www.information-philosophie.de/?a=1&t=6696&n=2&y=1&c=0 (дата обращения: 23.09.2017).

11. *Moser P.* Berufsfeld Philosophische Praxis. URL: http://www.information-philosophie.de/?a=1&t=2920&n=2&y=1&c=59 (дата обращения: 23.09.2017).

References

1. Bogataya L. Transdistsiplinarnost': postneklassicheskiy rakurs retseptsii [Transdisciplinarity: Post-Non-Classical Point of View]. *Filosofiya osviti (Filosofiya obrazovaniya)*, 2015, no. 1, pp. 168–182.

2. Arshinov V.I., Alekseeva I.Yu., Budanov V.G., Burgete Ayala M.R., Gerasimova I.A., Efremenko D.V., Kiyashchenko L.P., Lepskiy V.E., Rozin V.M., Svirskiy Ya.I., Stepin V.S., Chernikova I.V. Filosofiya upravleniya slozhnost'yu v usloviyakh konvergentsii sotsiogumanitarnykh i estestvennonauchnykh znaniy. Materialy "kruglogo stola". Pamyati Vitaliya Georgievicha Gorokhova [The Philosophy of Complexity Management in Terms of Convergence of Socio-Humanitarian and Natural-Science Knowledge. Round Table Papers. In Memory of Vitaly Gorokhov]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2017, vol. 22, no. 1, pp. 5–29.

3. Volkov V.V., Kharkhordin O.V. *Teoriya praktik* [The Theory of Practices]. St. Petersburg, 2008. 298 p.

4. Surzhanskaya Yu.V. Kontsept kak filosofskoe ponyatie [Concept as a Philosophical Notion]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univeristeta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2011, no. 2, pp. 70–78.

5. Epshteyn M. *Proteizm. Manifest nachala veka. Okonchanie* [Proteism. Manifesto of the Beginning of the Century]. Available at: http://veer.info/08/v8_proteism2.html#6 (accessed 29 September 2017).

6. Lahav R. Filosofskaya praktika – quo vadis? [Philosophic Practice – Quo Vadis?]. *Sotsium i vlast'*, 2016, no. 1, pp. 7–14.

7. Bazhanov V.A., Kraeva A.G. Fenomen transdistsiplinarnoy kognitivnoy revolyutsii [The Phenomenon of Transdisciplinary Cognitive Revolution]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 91–107.

8. Achenbach G.B. *Kurzgefaßte Beantwortung der Frage: Was ist Philosophische Praxis?* Available at: http://www.achenbach-pp.de/de/philosophischepraxis_text_was_ist.asp (accessed 24 September 2017).

9. Guseynov A.A. *Pochemu ne lyubyat filosofiyu i filosofov?* [Why Don't People Like Philosophy and Philosophers?]. Available at: https://iphras.ru/page23439754.htm (accessed 29 September 2017).

10. Achenbach G.B. *Drei Jahrzehnte Philosophische Praxis*. Available at: http://www.information-philosophie.de/?a=1&t=6696&n=2&y=1&c=0 (accessed 23 September 2017).

11. Moser P. *Berufsfeld Philosophische Praxis*. Available at: http://www.information-philosophie.de/?a=1&t=2920&n=2&y=1&c=59 (accessed 23 September 2017).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.33

Aleksandr Yu. Vnutskikh
Perm State University;
ul. Bukireva 15, Perm, 614990, Russian Federation;
e-mail: avnut@inbox.ru

Svetlana R. Dinaburg
Perm National Research Polytechnic University;
prosp. Komsomol'skiy 29A, Perm, 614600, Russian Federation;
e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru

TRANSDISCIPLINARY ASPECTS OF PHILOSOPHICAL PRACTICE

This article studies the traditionally defined boundaries of philosophy, as well as the potential of philosophical practice, a resurgent type of philosophizing aimed to solve everyday problems of

For citation: Vnutskikh A.Yu., Dinaburg S.R. Transdisciplinary Aspects of Philosophical Practice. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 33–41. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.33

a modern person. This topic is relevant, on the one hand, due to the need for a critical approach to understanding philosophy only as an experience of thinking and due to the importance of using its potential in practice in the current situation, with the rapidly growing knowledge accompanied by a loss of former meanings and identities. On the other hand, the issue is important due to the relative lack of awareness among the Russian philosophical community of the movement of philosophical practice. Key aspects of philosophical practice in the context of integrative processes, nowadays covering all spheres of knowledge, are identified here by means of comparing it with the phenomenon of transdisciplinarity. The research aimed to determine the common conceptual grounds of these aspects within the framework of the post-non-classical paradigm, which can be of theoretical value. Transdisciplinarity and philosophical practice turned out to have the following points of intersection: pursuit of clarity and stability determined by specific individual solutions while moving beyond the disciplinary limits and boundaries of their forms of activity; focus on the subject and his ethical position; partner-like interaction based on dialogue and communication. Philosophical practice implements open philosophizing, offering those who are interested a philosophical support of their personal and professional activity, assistance in creative self-expression and socially responsible decision-making. The experience of philosophical practice can be extended to the practice of transdisciplinary research. The paper shows that putting this valuable innovation into life can be facilitated by the “quiet” – as opposed to the paradigmatic – transdisciplinary revolution. It is worth noticing that this article is, essentially, the first Russian-language study of the phenomenon of philosophical practice considering it in connection with other sociocultural processes of our time.

Keywords: *post-non-classical science, philosophical practice, transdisciplinarity, type of philosophizing.*

Поступила: 05.10.2017
Received: 5 October 2017

УДК 124.2+165 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.42

***ГРИГОРЕНКО Екатерина Владимировна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). Автор 52 научных публикаций, в т. ч. 6 учебных пособий[*]*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ФИЛОСОФИИ КАК СРЕДСТВА ДЛЯ ОПИСАНИЯ И ПОЗНАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуются основные идеи и принципы грамматики. Утверждается, что та или иная грамматическая модель сформировалась в философии и направлена на решение основного философского вопроса – отношение имен к вещам, и это дает множество вариантов описания и понимания действительности. Платон в своей грамматической модели представляет формирование понятий, направленных на соответствие вещи и выражающихся созданием строгого образа посредством четкого сочетания букв и слогов. Аристотель выражает грамматику через анализ высказывающей речи, характеризующейся посредством соединения глаголов, предлогов, направленных на выражение истинности или ложности суждений. Мыслитель подчеркивает, что смысл и значение суждений постоянно меняются и зависят от места и времени происходящего события. Грамматические модели Ф. Аквинского и Н. Кузанского направлены на исследование и формирование грамматических универсалий, характеризующих предмет. Ф. Аквинский строит грамматику, характеризующуюся формированием понятий, исходящих от Бога, но при этом они имеют разные значения в зависимости от ситуации и восприятия событий человеком. Грамматическая модель Н. Кузанского направлена на создание понятий, строго описывающих объект. Данные понятия должны иметь многоаспектный характер, зависящий от постоянных изменений субъектом представлений об объектах. Грамматическая модель Г.В. Лейбница представляет совершенно новое решение основного вопроса философии, выражающееся в формировании строгих понятий в рамках формул, которые четко описывают и характеризуют предмет. Авторы «Общей и рациональной грамматики» А. Арно и Кл. Лансло рассматривают ее как всеобщую систему, характеризующую действительность с помощью различных частей речи, учитывая при этом ситуацию и все изменения, происходящие в мире. В. фон Гумбольдт создает грамматику, анализируя слово, которое является четким описанием исследуемого предмета. Таким образом, грамматические модели направлены на строгое описание и познание действительности посредством формирования и реализации понятий при ее исследовании.

***Ключевые слова:** Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, Н. Кузанский, основной вопрос философии, грамматическая модель.*

---

[*]*Адрес:* 660049, г. Красноярск, просп. Свободный, д. 82а; *e-mail:* evgphil@mail.ru

Для цитирования: Григоренко Е.В. Грамматические модели в философии как средства для описания и познания действительности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 42–51. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.42

Грамматика как модель познания мира формируется в философии и представляет собой одну из форм анализа действительности. Тема исследования актуальна, поскольку каждый человек стремится к формированию определенных понятий, направленных на характеристику и анализ познаваемого объекта. Это способствует истинному пониманию действительности и всех процессов, происходящих в ней, а также тому, чтобы каждый из нас создал и сформулировал определенную искусственную модель, согласно которой возможно познание и понимание любого предмета материального мира.

Данный тезис представлен У. Селларсом, в учении которого исследуется формирование общих понятий, характеризующих все процессы, происходящие в действительности. «Моя цель в этой статье – исследовать расхожую догму, что санкционировать переход от

(1) S есть белое
к
(2) (Ef) S есть f,
или от
(3) S есть человек
к
(4) (Ek) S есть k,
или от
(5) Том учен или Том высок
к
(6) (Ep) p или Том высок –

значит обязать себя к существованию сущностей более высокого порядка, чем воспринимаемые индивидуальные вещи [individuals]» [1, с. 108]. Таким образом, грамматика представляет собой формирование общих понятий, направленных на характеристику действительности.

В философской литературе исследование грамматики представлено посредством формирования определенной концепции отдельными мыслителями: Платоном, Аристотелем, Фомой Аквинским и др. Научная новизна данной статьи состоит в анализе грамматических моделей в историко-философском ракурсе и выявлении их практического применения в познании. Теоретическая значимость исследования заключается в реализации его идей, в частности в использовании принципов грамматики в обыденном, учебном и научном познании. Данная особенность выражается в применении сформулированных общих понятий для исследования объекта. Это осуществляется для формирования универсальных понятий, имен предметов, строго описывающих их, что приводит к более объективному познанию человеком материального мира и самого себя.

Истоки грамматики связаны с именем Платона и его диалогом «Кратил»[1]. Концепция грамматики представлена греческим мыслителем посредством решения основного вопроса философии – отношение имен к вещам, а также с помощью исследования процесса формирования понятия, способного быть сущностью той или иной вещи. Данная задача достигается путем строгого соответствия слогов, букв и звуков познаваемым объектам. Платон утверждает, что, создавая какой-либо предмет, автор учитывает его предназначение и материал, из которого он его создает. Таким образом, имена должны строго характеризовать предмет в зависимости от его предназначения.

Анализируя особенность создания имен каждым человеком, философ в диалоге отмечает, что формирование имени должно проходить по определенной схеме, с использованием одних и тех же букв, слогов и звуков. Это правило не приведет к ошибке, а будет способствовать созданию общих имен, отражающих предметы действительности. Об этом говорит и П. Стросон: в его концепции утверждается, что каждый из нас мыслит одинаково и «имеющиеся различия в интерпретации понятий не противоречат формированию общих понятий, направленных на данное понимание действительности» [2]. Платон полагает, что некоторая неточность звуков в понятии не говорит о его неточности и неспособности адекватно представить предмет.

[1] *Платон.* Кратил. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Platon/kratil.php (дата обращения: 10.02.2017).

Главное, отмечает философ, – стремиться к тому, чтобы был представлен образ вещи посредством сочетаний букв.

Согласно его концепции, не нужно настаивать на том, чтобы имя было полностью тождественно вещи. Важно, чтобы при изменении понятия сохранялся образ вещи, тогда он будет четко описывать предмет. Таким образом, грамматическое учение Платона основано на исследовании отношения имен к вещам. Главное здесь – формирование общих понятий, направленных на создание строгого образа предмета, характеризующегося посредством основных сочетаний букв и слогов.

Аристотель разработал грамматическую модель в труде «Об истолковании», основу последнего составляет исследование высказывающей речи, поскольку, по мнению мыслителя, значение любого высказывания выражается только посредством соединения слогов слова друг с другом: «Речь есть такое смысловое звукосочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как оказывание, но не как утверждение или отрицание; я имею в виду, например, что “человек” что-то, правда, обозначает, но не обозначает, есть ли он или нет; утверждение же или отрицание получается в том случае, если что-то присоединяют»[2]. В концепции Аристотеля значение слова выражается только посредством высказывающей речи через строгое связывание букв и слогов.

Философ утверждает, что не каждая речь является высказывающей, а только та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо: например, мольба является речью, но она не истинна и не ложна. Согласно Аристотелю, основой для формирования идеи выступает простое высказывание и сложная речь. Он анализирует взаимосвязь в предложении глаголов для формирования утверждений и отрицаний: без использования глагола не может быть утверждения или отрицания, поскольку любые глаголы, помимо того что они обозначают истинность или ложность суждений, направлены еще и на время, полностью отражающее их значение и смысл.

Аристотель подчеркивает, что противолежащие по диагонали высказывания не могут одинаково быть вместе истинными – их истинность всегда зависит от места и времени происходящего. «Отрицание [выражения] “могущее не быть” есть не [выражение] “могущее быть”, а “не могущее не быть”, а отрицание [выражения] “могущее быть” – не [выражение] “могущее не быть”, а “не могущее быть”. Поэтому может казаться, что “могущее быть” и “могущее не быть” следуют одно из другого, ведь одно и то же может быть и не быть; в таком случае “могущее быть” и “могущее не быть” не противоречат друг другу; но “могущее быть” и “не могущее быть” никогда не могут относительно одного и того же быть истинными в одно и то же время, ибо они противолежат друг другу. Так же и “могущее не быть” и “не могущее не быть” никогда не могут относительно одного и того же быть истинными в одно и то же время»[3].

И.П. Сусов подчеркивает, что грамматика Аристотеля как описание объекта зависит от особенности и предназначения его существования: «Им делается утверждение о соответствии значения внеязыковой реальности»[4]. Анализируя грамматическую модель Аристотеля, можно сказать о том, что философ полностью основывает ее на связывании между собой глаголов, существительных и прилагательных, а также установлении истинных и ложных суждений. Тем самым он привносит новое в разработку грамматики: формирование слов и определение критерия их истинности, который зависит от направленности и существования предмета.

---

[2]*Аристотель.* Об истолковании. URL: http://iknigi.net/avtor-aristotel//110581-ob-istolkovanii-aristotel/ (дата обращения: 15.01.2017).

[3]Там же.

[4]*Сусов И.П.* История языкознания. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Sysov_Jazukoznzn/_01.php/ (дата обращения: 30.11.2017).

Фома Аквинский в работе «Сумма философии (сумма против язычников)» представляет грамматику посредством исследования особенности имени Бога и тварных сущностей.

Согласно концепции философа, Бог всесовершенен, поэтому о Нем нельзя высказываться однозначно, поскольку Он обладает различными характеристиками, представляющими всю действительность. Так же, как подчеркивает мыслитель, о вещах нельзя высказываться однозначно, т. к. первичное и вторичное высказывания по природе своей неоднозначны. Неоднозначность проявляется и в высказывании по причастности к действию, ситуации и восприятию. «Все, что однозначно сказывается о нескольких [вещах], присуще каждой из вещей, о которых оно сказывается, по причастности: так, мы говорим, что вид причастен роду, а индивидуум причастен виду. Но, о Боге мы не говорим, что он чему-либо причастен, ибо всякое причастное ограничено в том, в чем причащается, [т. е. получает только «часть» от того, к чему оно причастно]; таким образом, предполагается, что оно частично, а не всесовершенно. Следовательно, ничто не должно сказываться однозначно о Боге и о прочих вещах»[5].

Ф. Аквинский отмечает, что имя должно строго соответствовать вещи; если мы применяем омоним имени, то имя совершенно не характеризует вещь и тогда вводит нас в заблуждение, поскольку не способствует познанию и пониманию вещи. Анализируя Бога и Его отношение к миру, мыслитель подчеркивает, что Он является причиной формирования имен, их соответствия вещам, но при этом Бог получает имена от вещей, но они сами имеют вторичный характер по отношению к Нему.

Философ говорит о том, что наш ум вносит различение в сущности имен посредством сложного составления слов, употребления предлогов, что дает различие и единство, которое характеризует Бога: «Он выражает единое составление вещи через сложное составление слов, говоря: “Бог есть благой” или “Бог есть благость”; при этом различие, присутствующее в сложном составе, он относит к самому уму, а единство – к постигаемой умом вещи. Вот почему наш ум иногда образует высказывания о Боге, вставляя в них предлог, указывающий на различие, например: “В Боге есть благость”, здесь тоже обозначено некое различение, присущее нашему уму, и некое единство, которое должно быть отнесено к Богу»[6].

Об этом же свидетельствует высказывание О. Есперсена, утверждающего, что многозначность интерпретаций значений слов выражается в грамматике, и это говорит о ее постоянном развитии и корректировке: «Деление слов на разряды восходит к греческой и латинской грамматике с небольшими добавлениями и изменениями. Что касается определений, то они очень далеки от степени точности, характерной для эвклидовой геометрии. Большинство определений, даже в новейших трудах, – это, по существу, определения мнимые…»[7].

Таким образом, в грамматической концепции Фомы Аквинского имена должны четко характеризовать предмет, но при этом они имеют многоаспектный, плюралистичный характер, поскольку обозначают вещь в зависимости от ситуации, предназначения и понимания субъектом самого предмета. Здесь грамматическая модель представляет собой систему понятий, согласно которой человек сам формирует понятие о действительности и познает ее. Особенность грамматической модели Ф. Аквинского заключается в идее всесовершенства Бога, поэтому понятие о предмете будет различным.

В грамматической концепции Н. Кузанского, которая характеризуется исследованием

---

[5]*Аквинский Ф.* Сумма против язычников. Кн. 1 / пер. и примеч. Т.Ю. Бородай. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. С. 171.

[6]Там же. С. 177.

[7]*Есперсен О.* Философия грамматики. URL: http://www.classes.ru/grammar/108.Jespersen_Otto_The_philosophy_of_grammar/ (дата обращения: 30.11.2017).

соотношения имен и вещей, человеку свойственна неоднозначность в формировании имени вещи, а Бог характеризуется единством, выраженным именем, содержащим в себе все единство мира: «Имена налагаются сообразно нашему различению вещей движением рассудка, который много ниже интеллектуального понимания; рассудок не в силах выйти за пределы противоположностей, и нет имени, которому в его движении не противополагалось бы другое. Соответственно, единству в движении рассудка противоположно множество, или многочисленность. Богу подходит не это единство, а такое, которому не противоположны ни различие, ни множество, ни многочисленность. Такое единство и будет его максимальным именем, свертывающим все в простоте своего единства»[8].

Согласно грамматике Н. Кузанского, утвердительные имена подходят Богу только в аспекте творений. Ему всегда свойственна способность творить, и поэтому все имена заключаются в Нем как высшем совершенстве и бесконечном имени, которое дает их всему сущему. Таким образом, данная грамматика направлена на анализ и решение основного вопроса философии – соотношение имени и вещи с целью формирования объективного понятия о ней. В отличие от грамматики Ф. Аквинского, где Бог является причиной формирования имен, грамматическая модель Н. Кузанского направлена прежде всего на формирование имен предметов, основанных на мнении субъекта, характеризующемся многоаспектностью и постоянной неоднозначностью понятий.

Эту идею развивает Н. Хомский, отмечая творческий аспект использования языка, проявляющийся в способности человека «производить и интерпретировать новые предложения вне зависимости от “контроля стимула” – т. е. внешних стимулов или независимо распознаваемых внутренних состояний» [3]. Анализируя особенность реализации субъектом идей, философ говорит о творческом аспекте повседневного использования языка, «когда обнаруживаются такие его свойства, как безграничная множественность целей и свобода от контроля посредством внешней стимуляции» [4, с. 25].

Необходимо подчеркнуть, что многоаспектность имени в грамматической концепции Ф. Аквинского зависит от Бога, Его совершенства, многоуровневости, а в грамматике Н. Кузанского множественность имени формируется каждым человеком в зависимости от его восприятия и понимания ситуации, в которой развивается предмет.

В дальнейшем систему грамматики развивает философ XVII века – Г.В. Лейбниц. Основой его грамматической модели является метод исчисления рассуждений, направленный на строгое определение понятий, отражающих действительность. Философ говорит о различных знаках, которые четко характеризуют вещи: музыкальных, арифметических, стенографических.

Г.В. Лейбниц создает теорию исчислений, направленную на описание характеров и действий, происходящих в действительности. Он подчеркивает, что именно формулы призваны в более полной форме создавать характеристику отношений и значений предметов. Таким образом, формулы, высказывания и отношения могут в полной мере охарактеризовать все происходящее в действительности и тем самым заменить силлогизмы и понятия. Именно формулы, как утверждает Г.В. Лейбниц, являются строгим отражением и описанием всех отношений, происходящих в действительности.

Философ представляет анализ характеров предметов, полагая, что истинные характеры выражены основными отношениями в рамках определенных формул, а дополнительные отношения и характеристики выражаются посредством дополнительных формул и символов. Г.В. Лейбниц демонстрирует набор разнообразных формул, направленных на дальнейшее

---

[8] *Кузанский Н.* Об ученом незнании. URL: http//www.theosophy.ru/lib/de_docta.htm (дата обращения: 15.01.2017).

формирование и отражение всех качеств и отношений, происходящих в действительности: «Характеры входят в формулу или абсолютно, т. е. просто (simpliciter), или же под определенной модификацией, т. е. своим отношением к другому характеру. Например, если формулой будет *A.* (*B*). *C*, то *A* и *C* входят в нее прямо, тогда как *B* – косвенно, под *A.* Может даже случиться, что все характеры входят в формулу под модификацией, как если бы мы имели *A. B. C. L. M. N*, где *A. B. C*, определенным образом связанные друг с другом, лишь вместе составляют прямой характер, слитый или составленный из них, и то же самое происходит с *L. M. N*. Так что если абсолютно полагаемый характер выражается иначе, чем через модифицированные (modiîicati), то он называется прямым (rectus), модифицированный же называется косвенным (obliquus)»[9]. В связи с этим можно сказать о том, что только посредством строгого формирования формул выражается прямое и косвенное отношение. И только таким образом возможно четкое описание событий, происходящих в действительности.

Г.В. Лейбниц создает грамматику, направленную на то, чтобы показать, что любой термин может соответствовать определенным предметам действительности и формироваться посредством конкретного исчисления. Философ отмечает, что если животное обозначить как *a*, человека как *b*, то *c* характеризует разумное, которое получается из умножения чисел. Лейбниц приводит пример, где число животного выражается цифрой 2, разумного – 3, а число человека представляется цифрой 6. Следовательно, согласно концепции, во всяком категорическом предложении число субъекта должно быть делимо на число предиката. На основе примера, где человек есть животное, *b* делится на *a*, т. е. 6 на 2.

И.В. Берестов полагает, что уникальность объектов в возможных мирах Г.В. Лейбница характеризуется четкостью их описания: «Этой специфической чертой является принадлежность каждого объекта из некоторого возможного мира одному и только одному возможному миру. Мы будем кратко называть эту черту теории возможных миров Лейбница уникальностью объектов» [5, с. 61–62]. Концепция грамматики Г.В. Лейбница представлена в рамках решения основного вопроса философии – отношение терминов к вещам посредством строгого исчисления понятий.

Авторы «Общей и рациональной грамматики» XVIII века А. Арно и Кл. Лансло анализируют особенность формирования и реализации естественного языка посредством решения вопроса об отношении имен к вещам, а также специфику существительных, прилагательных и их отношение к реальной действительности.

Исследователи полагают, что объектами рассмотрения мыслей человека выступают вещи: земля, вода, которые, как правило, характеризуются как субстанции, либо объектом изучения становятся способы существования вещей: например, быть круглым, красным и т. д. Способы существования вещей философы обозначают как акциденции. Различие между первыми и вторыми заключается в том, что вещи (субстанции) существуют сами по себе, а акциденции (свойства вещей) имеют существование только через субстанции.

Основываясь на этом, А. Арно и Кл. Лансло представляют различия между словами, обозначающими предметы мыслей. Слова, которые обозначают субстанции, названы именами существительными, а слова, выражающие акциденции, указывающие на субъект, – именами прилагательными. Мыслители также отмечают, что решающую роль в этом разделении играет способ обозначения, характеризующий существительные как самостоятельные имена, а прилагательные – как имена, выражающие значение лишь посредством присоединения к другим именам.

Философы подчеркивают, что имя не может существовать само по себе, поскольку, помимо

---

[9] *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. / ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. Г.Г. Майоров и Л.Л. Субботин; пер. Я.М. Боровского и др. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 504–505.

того что у него существует ясное значение, имеется еще одно значение – смутное. Смутное значение авторы называют коннотацией некоторой вещи, к которой относится то, что обозначается собственным значением: «Так, собственное значение слова rouge “красный” – это rouger – “краснота”. Но слово rouge означает “красноту”, неясно указывая на предмет, обладающий этим качеством. Отсюда вытекает, что слово rouge не может существовать в речи самостоятельно, ибо должен быть выражен или подразумеваться предмет»[10]. Эта коннотация создает прилагательное, но если мы отнимаем у нее слова, которые обозначают акциденции, то они становятся существительными, например: цветной – цвет, красный – краснота. В том случае если мы прибавляем к словам, обозначающим субстанции, данную коннотацию, то эти слова становятся прилагательными. То есть посредством данной операции из слова «человек» можно получить слово «человеческий». Если прилагательные освободить от их коннотаций, то формируются новые существительные, называемые абстрактными или обособленными. Например, из слова «человек» можно образовать слово «человечный», а из последнего – «человечность».

Также А. Арно и Кл. Лансло говорят об употреблении предлогов в различных языках с целью формирования значений мыслей, подчеркивая, что ни в одном языке не принято какого-либо окончательного правила в отношении употребления предлогов, направленного на то, что определенный предлог должен выражать определенное отношение и больше никакого использования конкретного предлога быть не должно. Это, отмечают мыслители, ни в одном языке невозможно. Главная идея заключается в том, что одно и то же отношение может выражаться несколькими предлогами, и этот пример является нормой во многих языках. Таким образом, авторы демонстрируют идею о том, что одни и те же предлоги могут выражать разного рода отношения. В данной концепции предлоги являются основанием для формирования определенного значения предмета, его усвоения и понимания.

Кроме того, мыслители анализируют процесс формирования понятий и их отражение в действительности, полагая, что любые понятия необходимо рассматривать только во взаимосвязи друг с другом с целью образования из них суждений, которые, в свою очередь, характеризуют различного рода отношения, происходящие в действительности. Данный аспект рассматривает В.А. Звегинцев, полагая, что есть части речи, «которые сами по себе ничего не значат и способны на это только в соединении с другими, и именно тогда, когда они помогают образовывать автосемантические элементы (высказывание, эмотив, имя и т. д.)…» [6].

Все типы связей А. Арно и Кл. Лансло относят к двум: отношение тождества и отношение детерминации. При этом каждое прилагательное, являясь выражением качества существительного, и любой глагол, являясь выразителем способа бытия, связаны с существительным отношением тождества. Прилагательное необходимо согласовывать с существительным в роде, числе и падеже, а глагол нужно характеризовать в числе, лице, поскольку прилагательное и глагол являются модификациями существительного, к которому они относятся.

Философы представляют грамматику как универсальную систему, характеризующуюся существительными, прилагательными и глаголами, направленную на описание и адекватное отражение всего происходящего в мире благодаря понятиям, четко выражающим значения предметов. Таким образом, исследователи претендуют на то, что данная грамматическая модель является всеобщей, направленной на объективное описание и познание действительности. Это понимание значения использует Т.И. Краснова, полагая, что «значение есть отображение в слове или языковой конструкции того или иного явления действительности (предмета, качества, отношения, действия, состояния, события, положения дел)» [7, с. 56].

[10] *Арно А., Лансло Кл.* Грамматика общая и рациональная. М.: Прогресс, 1990. С. 95.

Одним из ярких представителей философии XIX века является В. фон Гумбольдт, который сформулировал грамматическую модель через анализ специфики мышления и речи, исследуя соотношение предмета и его выражения.

В основе концепции философа – рассмотрение специфики слова. Согласно В. фон Гумбольдту, слово представляет собой понятие, характеризующее индивидуальность предмета. Философ создает грамматику, состоящую из слов, претендующих на самостоятельную систему, направленную на выражение всего происходящего в действительности: «Слово, действительно, есть знак, до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия. Однако по способу построения и по действию это особая и самостоятельная сущность, индивидуальность…»[11]

В. фон Гумбольдт полагает, что язык является дополнением мысли, в основе которого – понятия, посредством которых мы можем понять мир и получить объективную информацию о нем. Язык выступает стремлением к формированию ясных и новых понятий. В этой концепции работает и представитель всеобщей грамматики И. Гердер, утверждающий, что «язык представляет собой обширную область ставших видимыми мыслей» [8, с. 20].

На основе вышеизложенного необходимо заключить следующее: все представленные грамматические модели выступают основой для описания и понимания действительности, посредством которой можно познавать и делать объективные выводы обо всем происходящем в материальном мире. В грамматической модели каждый из философов по-своему представляет грамматические универсалии, являющиеся отдельной системой, характеризующей действительность, стремящейся к ее полному описанию и пониманию.

Грамматика Платона направлена на формирование образа предмета посредством строгого сочетания букв и слогов. Аристотель представляет грамматическую модель через анализ высказывающей речи, выражающей специфику слов и зависящей от существования и предназначения предмета. Грамматика Ф. Аквинского и Н. Кузанского характеризуется посредством решения основного вопроса философии – соотношение имени и вещи. Ф. Аквинский представляет формирование истинного понятия через познание сущности Бога как объективного Начала, а Н. Кузанский становление имени отводит человеку, который способен сформировать корректное представление о предмете.

Начиная с философии XVII века грамматика меняет свой статус и переходит на уровень рассмотрения и формирования понятий в рамках взаимосвязи предлогов, глаголов, существительных и прилагательных. Г.В. Лейбниц представляет свою грамматическую модель посредством формирования понятий, создающихся только с помощью строгого исчисления. А. Арно и Кл. Лансло разрабатывают грамматику, характеризующуюся отдельными частями речи, направленными на создание четких понятий, выражающих отдельные предметы и отношения действительности. В. фон Гумбольдт формирует новую грамматическую модель в философии, в которой слово создает отдельное понятие, призванное быть искусственным языком, направленным на объективную характеристику предмета.

Таким образом, грамматические модели в философии представляют собой определенный способ описания и познания действительности, а также создают определенные грамматические универсалии, строго характеризующие все процессы и явления материального мира. Эти наработки могут помочь человеку в познании и понимании исследуемого объекта.

---

[11] *фон Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 2000. С. 202.

Список литературы

1. *Селларс У.* Грамматика и существование: Предисловие к онтологии // Язык, истина, существование / сост. и пер. В.А. Суровцев. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. С. 34–49.

2. *Стросон П.Ф.* Грамматика и философия // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. 392 с. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/strawson.html (дата обращения: 30.11.2017).

3. *Хомский Н.* Современные исследования по теории врожденных идей. URL: http://www.studfiles.ru/preview/2224585/page:12/ (дата обращения: 30.11.2017).

4. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли: пер. с англ. / предисл. Б.П. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. 232 с.

5. *Берестов И.В.* Уникальность объектов в возможных мирах Г.В. Лейбница // Идеи и Идеалы. 2017. Т. 1, № 2(32). С. 61–74.

6. *Звягинцев В.А.* А. Марти о понятии и методе всеобщей грамматики и философии языка // *Звягинцев В.А.* История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. URL: www.classes.ru/grammar/135.Zvegintsev/worddocuments/126.htm/ (дата обращения: 30.11.2017).

7. *Краснова Т.И.* Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 189 с.

8. *Гердер И.Г.* Трактат о происхождении языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 88 с.

References

1. Sellars W. Grammatika i sushchestvovanie: Predislovie k ontologii [Grammar and Existence: A Preface to Ontology]. Surovtsev V.A. (comp.). *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, Truth, and Existence]. Tomsk, 2002, pp. 34–49.

2. Strawson P.F. Grammatika i filosofiya [Grammar and Philosophy]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 18. Logicheskiy analiz estestvennogo yazyka* [News of Foreign Linguistics. Iss. 18. Logical Analysis of the Natural Language]. Moscow, 1986. 392 p. Available at: http://abuss.narod.ru/Biblio/strawson.html (accessed 30 November 2017).

3. Chomsky N. *Sovremennye issledovaniya po teorii vrozhdennykh idey* [Recent Contributions to the Theory of Innate Ideas]. Available at: http://www.studfiles.ru/preview/2224585/page:12/ (accessed 30 November 2017).

4. Chomsky N. *Cartesian Linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought*. New York, 1966 (Russ. ed.: Khomskiy N. *Kartezianskaya lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoy mysli*. Moscow, 2005. 232 p.).

5. Berestov I.V. Unikal'nost' ob"ektov v vozmozhnykh mirakh G.V. Leybnitsa [The Uniqueness of Objects in G.W. Leibniz's Possible Worlds]. *Idei i Idealy*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 61–74.

6. Zvyagintsev V.A. A. Marti o ponyatii i metode vseobshchey grammatiki i filosofii yazyka [Anton Marty on the Concept and Method of General Grammar and Philosophy of Language]. Zvyagintsev V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [The History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Available at: www.classes.ru/grammar/135.Zvegintsev/worddocuments/126.htm/ (accessed 30 November 2017).

7. Krasnova T.I. *Sub"ektivnost' – Modal'nost' (materialy aktivnoy grammatiki)* [Subjectivity – Modality (Materials of Active Grammar)]. St. Petersburg, 2002. 189 p.

8. Herder J.G. *Traktat o proiskhozhdenii yazyka* [Treatise on the Origin of Language]. Moscow, 2007. 88 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.42

Ekaterina V. Grigorenko
Siberian Federal University;
prosp. Svobodnyy 82a, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation;
e-mail: evgphil@mail.ru

GRAMMATICAL MODELS IN PHILOSOPHY AS A MEANS OF DESCRIBING AND UNDERSTANDING REALITY

This article explores the basic ideas and principles of grammar. We infer here that grammatical models were formed in philosophy and are aimed at addressing the basic question of philosophy, i.e. the correlation between names and things. This proposition offers a variety of options of describing and understanding reality. In his grammatical model, Plato presents the development of concepts aimed at exact correspondence to things and expressed through the establishment of a certain combination of letters and syllables. Aristotle expresses grammar through the analysis of voiced speech, characterized by connecting verbs and prepositions aimed to express either truth or falsity of the judgments. He emphasizes that the meaning and value of judgments are constantly changing and depend on the place and time. The grammatical models of St. Thomas Aquinas and Nicholas of Cusa are focused on the study and formation of grammatical universals describing the object. St. Thomas Aquinas develops a grammar characterized by the formation of God-given concepts, which, however, can have different meanings depending on the situation and perception of events by a person. The grammatical model of Nicholas of Cusa aimed to formulate concepts accurately describing the objects. These concepts have to be multidimensional in nature and depend on the constantly changing perceptions of the objects by the subjects. The grammatical model of Gottfried Wilhelm Leibniz presents a completely different solution to the basic question of philosophy, which is expressed in the development of precise concepts within formulas that accurately describe and characterize the objects. Antoine Arnauld and Claude Lancelot, authors of the *General and Rational Grammar*, consider it to be a universal system characterizing the reality with the help of various parts of speech and at the same time taking into account the situation and all the changes occurring in the world. Wilhelm von Humboldt creates his grammar by analysing the word which gives an accurate description of the object in question. Thus, grammatical models are aimed at exact description and understanding of reality by developing and implementing concepts for its investigation.

Keywords: *Plato, Aristotle, St. Thomas Aquinas, Nicholas of Cusa, main question of philosophy, grammatical model.*

Поступила: 21.08.2016
Received: 21 August 2016

For citation: Grigorenko E.V. Grammatical Models in Philosophy as a Means of Describing and Understanding Reality. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 42–51. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.42

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111+172 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.52

***КОЖЕВНИКОВ Николай Николаевич**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск). Автор 240 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий, 15 учебных пособий[*]*

***ДАНИЛОВА Вера Софроновна**, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (г. Якутск). Автор 180 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий, 15 учебных пособий[**]*

ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМЫ КООРДИНАТ МИРА НА ОСНОВЕ ДИНАМИЧЕСКИХ РАВНОВЕСИЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье рассмотрен вопрос формирования варианта современного универсализма на основе развития представлений о системе координат мира, возникающей в окружающем мире посредством самоорганизации на основе равновесий, обусловленных детерминистическим «порядком-хаосом», и охватывающей все уровни иерархии этого мира. Со второй половины XX столетия современный универсализм активно развивался сразу по нескольким направлениям, наиболее эффективными из которых стали синергетический и семиосферный подходы, глобальный универсализм, некоторые методы глобалистики. Актуальность исследования обусловлена тем, что представления о системе координат мира позволяют создать общее основание для всех указанных направлений. Новизна работы заключается в выявлении устремленности всех объектов мира (природных или культурных образований) к трем предельным фундаментальным равновесиям: идентификационному, коммуникационно-сетевому и предельному ритму мировой гармонии. Равновесия, возникающие в реальности на различных уровнях мира, направляются ячейкой феноменологического пространства, составленной из фундаментальных предельных равновесий. Теоретическая значимость статьи заключается в обосновании существования системы координат мира, возникшей естественным путем, относительно которой происходит его дальнейшее развитие. Такой системы координат не может не быть, поскольку, несмотря на всю сложность окружающего нас мира, он удивительно организован, целесообразен, оптимален, устойчив. Практическая значимость определяется несколькими основными положениями, связанными с методологией образования: формирование личности посредством ее поэтапной самоидентификации; формирование принципа «быть рядом». В исследовании раскрыты особенности самоидентификации личности на основе замкнутых информационно-временных блоков. Проанализировано влияние каталитических процессов на развитие интеллектуальной и духовной

[*]*Адрес:* 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42; *e-mail:* nnkozhev@mail.ru

[**]*Адрес:* 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42; *e-mail:* nikkozh@gmail.com

Для цитирования: Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Значение системы координат мира на основе динамических равновесий для современного образования // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 52–60. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.52

сферы учащихся. Описаны возможности для использования культурно-светского аскетизма в образовательном процессе. Стоит отметить, что проблема системы координат мира в литературе не была рассмотрена, но отдельные вопросы, косвенно связанные с нею, затрагиваются в физике, биологии, семиотике, фундаментальной онтологии.

Ключевые слова: *динамические равновесия, детерминистический хаос, система координат, духовный катализатор, аскетизм, целостное мировоззрение, синергетика.*

Постнеклассические философия и наука допускают тесное взаимодействие друг с другом, что способствует их развитию. По нашему мнению, наиболее ярко это проявляется в концепции «система координат мира» на основе равновесий, обусловленных детерминистическим «порядком-хаосом». Такая система возникает в окружающем нас мире посредством самоорганизации и охватывает все уровни его иерархии.

Целью данного исследования является формирование варианта современного универсализма на основе представлений о системе координат мира. Актуальность обусловлена тем, что многочисленные фундаментальные направления универсализма не имеют в настоящее время общего основания, тогда как вышеупомянутая система координат может им стать. Новизна состоит в определении устремленности всех объектов мира (природных или культурных образований) к трем предельным фундаментальным равновесиям (идентификационное, коммуникационно-сетевое и предельный ритм мировой гармонии). Равновесия, возникающие в реальности на различных уровнях мира, направляются ячейкой феноменологического пространства, составленной из фундаментальных предельных равновесий.

Согласно основной идее развиваемого нами подхода, окружающий мир рассматривается как состоящий из двух неравных частей. С одной стороны – цепочки и структуры взаимосвязанных предельных динамических равновесий, закономерности образования которых на различных уровнях организации мира одни и те же. С другой стороны – остальной мир, охватывающий неравновесные процессы и явления. Основная идея системы координат мира такова: «Все природные или культурные образования стремятся к трем предельным фундаментальным равновесиям: идентификационному (I – предел), коммуникационно-сетевому (C – предел) и предельному ритму мировой гармонии (K – предел). Этим пределам сопоставляются координатные оси, по которым и осуществляется эта связь. Природное или культурное образование никогда этих онтологических структур (равновесных пределов I, C, K) не достигает вследствие противодействия окружающей среды» [1].

Идентификационное предельное динамическое равновесие обусловлено тем, что любой объект (природное или культурное образование) стремится к самоидентификации. Все эти объекты из мира неживого и живого, сфер социального и духовного четко идентифицированы как элементарные частицы, химические элементы, звезды, планеты, галактики. Живое существует в виде отдельных организмов, особей, популяций.

Коммуникационно-сетевое предельное равновесие характеризуется тем, что элементарные частицы связываются в химические элементы, газовые туманности превращаются в звезды, планетарные системы, галактики. Особь, индивид определяются через потоки информации, которыми все уровни живого обмениваются между собой; личность – через систему взаимоотношений диалога; культуры – через диалоги и взаимоотношения соответствующих уровней. Человек не может не коммуницировать, это его естественное состояние.

Третье предельное равновесие связано с ритмами мировой гармонии. Все устойчивые природные или культурные образования опираются

на ритмы динамических равновесий. Человек связан более чем с сотней циркадианных ритмов окружающей его среды, определяемых периодами вращения Земли, Солнца, Галактики и т. п. Все выдающиеся религиозные тексты, произведения литературы, искусства имеют глубокие внутренние ритмы, соотнесенные с ритмами мировой гармонии.

Каждому этапу процесса изменения любого природного или культурного образования можно сопоставить промежуточные динамические равновесия *F* (феномен), *H* (горизонт), *T* (единица промежуточного ритма мировой гармонии), связанные с *I*, *C*, *K* калибровочными соотношениями. В пределах этой промежуточной ячейки (*F*, *H*, *T*) устанавливается равновесие между произвольным природным или культурным образованием и промежуточными пределами его возможных динамических равновесий: *F*, *H* и промежуточным ритмом мировой гармонии.

Здесь продемонстрированы два аспекта системы координат мира. Реальные равновесия (случайные, промежуточные конструкции), направляемые пределами феноменологического пространства, необходимо рассматривать в онтологическом аспекте, а интенциональную устремленность к фундаментальным предельным равновесиям и сформированные на их основе ячейки – в феноменологическом.

Все природные и культурные образования, имеющие устойчивые равновесные связи с системой координат мира, принимают участие в ее формировании, однако они могут быть исследованы в этой координатной системе. Система координат взаимодействует с открытыми природными и культурными образованиями, имеющими тенденцию к самоорганизации, саморазвитию, диалогу, и именно эта открытость обеспечивает данную взаимосвязь. Благодаря координатной системе устраняется резкая оппозиция между научным и вненаучным знанием и мышлением. Все те мыслительно-духовные образования, которые выходят за пределы современного знания, но тем не менее могут устойчиво взаимодействовать с системой координат, можно рассматривать в рамках этого подхода. Открываются широкие возможности для диалога и межчеловеческой коммуникации, поскольку наиболее правильной и глубокой формой диалога является не диалог между индивидами, а такие диалоги, как человек – «система координат» и «система координат» – другой человек. Ценностно-познавательная установка оказывается ориентированной на устойчивую взаимосвязь с координатной системой, что является необходимым условием дальнейшего развития человека и человечества. Только в этом случае человечество не погубит биосферу, но сможет развиваться гармонично, оптимально и практически неограниченно долго.

Система координат мира не тождественна понятию «абсолютная», «привилегированная» или «подлинно объективная» система отсчета классической физики. В отличие от этих понятий предлагаемая нами система координат, с одной стороны, подстраивается под процесс, если последний имеет возможность «зацепиться» за какой-либо тип равновесия. С другой стороны, вступив в случайное взаимодействие с этим процессом, система координат помогает ему обрести более устойчивое равновесие. Поиск системы координат и поддержание с ней устойчивых взаимосвязей превращаются в «координатный метод» философского исследования. Во-первых, подобный метод обладает универсальной гибкостью, позволяющей взаимодействовать практически с любым природным явлением и процессом, во-вторых, для всех этих процессов появляются универсальные критерии и единая методология.

Окружающий нас мир нелинеен, сложен, но система координат проста, и на ее основе могут быть построены многие доступные для образования репрезентации и модели окружающего нас мира.

Это прежде всего возможности для взаимодействия обучаемого с системой координат мира, которая достаточно проста и доступна каждому человеку. К ней можно прийти, развивая чувственные представления, используя теоретические модели познания, создавая комбинации всех возможных типов подобных взаимодействий.

После первых контактов система координат сама настроит индивида на свои ритмы, будет поддерживать с ним устойчивую связь. Самое главное – узнать, почувствовать, что такая система координат наличествует, а дальше она обеспечит индивиду существование в «бодрствующем режиме», все более и более ему раскрываясь. Система координат взаимодействует с открытыми системами, имеющими тенденцию к самоорганизации, саморазвитию, диалогу, и именно эта открытость позволяет им быть связанными с системой координат.

Формирование личности может быть достигнуто только в условиях самоорганизации (самоидентификации) индивида. Однако подобная самоидентификация не может быть выполнена раз и навсегда – она должна возобновляться на каждом этапе жизни. Соответственно, и образование, с одной стороны, должно быть непрерывным, с другой – состоять из замкнутых информационно-временных блоков (по 2–4 года в каждом), в пределах каждого из которых формируется целостное мировоззрение, опирающееся на системное, структурное знание, а также на критерии, позволяющие отличить истинную, оригинальную информацию от информации ложной, неполной, вторичной, разрушающей природную систему координат. Такие мировоззрения представляют собой последовательность динамических равновесий, обеспечивающих непрерывное взаимодействие с предлагаемой системой координат.

Основной задачей преподавателя в пределах каждого из отмеченных выше информационно-временных блоков является обеспечение взаимодействия между обучаемым и мировой координатной системой, которое возможно в любом возрасте и при любом объеме информации. Процесс такого взаимодействия уникален, формируется неповторимо для каждого индивида и оказывается наиболее эффективным способом воспитания личности.

Это и есть сущность принципа «быть рядом», который сводит деятельность наставника прежде всего к каталитическим воздействиям, поскольку он должен направлять инициативу обучаемого: поправлять, дополнять, рекомендовать оптимальную для сложившейся ситуации модель поведения, литературу, анализировать полученные результаты и т. п. То есть наставник, предоставляя ученика самому себе, должен вмешиваться только тогда, когда тот исчерпал все свои возможности, «зашел в тупик». Природная система координат охватывается системой взаимно дополняющих друг друга взаимодействий в пределах частей неживой и живой природы, сфер души и духа, поэтому она способна обеспечить их синтез, следовательно, и консенсус между всеми составными элементами современного человечества, а также социальными, политическими, культурными процессами, направляющими его развитие.

Основной принцип «ученик должен до всего доходить сам» был понят еще в глубокой древности. В нашем подходе основной акцент делается на взаимном дополнении внешнего, внутреннего и мировой гармонии взглядов на одни и те же понятия и явления. То есть любой элемент знания должен быть, с одной стороны, идентифицирован, а с другой – включен в систему знания более высокого структурного уровня. Только тогда можно говорить об оптимальном образовательном процессе и его качестве. При этом особое значение имеет эмпатия – умение наставника понять внутренний мир ученика как свой собственный, увидеть структуры формирующихся новых знаний его глазами.

Необходимость в интеллектуальных и духовных каталитических процессах (катализаторах) обусловлена протекающими в настоящее время цивилизационным кризисом планетарного масштаба и деградацией индивида и личности в социуме. Деградация индивида происходит вследствие разрушения интеллекта и духа, вызванного неравномерным развитием социальной и гуманитарной сфер, односторонним восприятием этого процесса. В последние десятилетия широкое распространение и доступность получила сфера материальных благ. После «восстания масс» в начале XX столетия [2] уровень высоких культурных ориентиров значительно снизился, кроме того,

данный процесс продолжается в настоящее время.

Всем указанным видам социально-гуманитарного кризиса следует противопоставить ускоренное развитие интеллектуальной и духовной сфер индивида посредством использования каталитических методов для современного знания и образования. Интеллектуальные и духовные каталитические процессы – это оптимальные структуры познания, учитывающие особенности индивидов. Известно, какую огромную роль играют катализаторы в мире неживого (ускоряя химические процессы в сотни тысяч и даже миллионы раз) – в мире живого их значение оказалось еще больше. Здесь катализаторы, называющиеся ферментами, по массе часто гораздо больше белков, участвующих в химических реакциях, определяющих предбиологические и биологические процессы. В духовной и интеллектуальной сферах катализаторы необходимы для ориентации индивида в огромных объемах информации, большая часть которой избыточна, а некоторая – вредна. Не менее сложной является необходимость выбора: индивидам постоянно приходится делать выбор в информационной среде, и во многих случаях он остается в значительной степени неопределенным.

Для развития представлений о катализаторах большое значение имеют культурные мимы – дискретные единицы культуры, в которых аккумулируется и передается культурная информация. По мнению Р. Докинза [3] и Г. Чика, примерами мимов могут служить мелодии, идеи, модные словечки, выражения, способы варки похлебки, сооружения арок и т. д. [4, с. 101]. Мимы как новые репликаторы формируют нашу культурную эволюцию, поскольку человек обладает способностью распространять обобщения имитации. Мимы распространяются, используя нас в качестве копирующей машины, так же как гены используют внутриклеточный аппарат репликации. Только один биологический вид – Homo sapiens – является обладателем двух репликаторов: биологического и культурного.

С точки зрения системы координат мира на основе динамических равновесий могут быть решены многие проблемы современного образования. Прежде всего, образовательные процессы должны ликвидировать перекосы, возникшие в Новое время между гуманитарным и естественнонаучным знанием, когда явное предпочтение отдавалось последнему. В настоящее время гуманитарные науки развиваются не менее активно, чем естественные, и это вполне соответствует основным тенденциям современной философии. Не случайно К. Леви-Стросс писал о том, что «XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет совсем»[1]. Аналогичного мнения придерживался И. Пригожин: «…любая наука становится ныне наукой гуманитарной, наукой, созданной людьми для людей. Она находится сейчас в состоянии поэтического подслушивания природы. Под этим понимается, что поэт – созидатель, исследователь активный и расчетливый, но всегда относящийся с почтением к тому, с кем он ведет диалог, – к природе» [5, с. 91]. Значительная часть гуманитарных ценностей была отведена в Новое время на второй план, разрушив целостность мировоззрения, присущую человечеству Древнего мира и эпохи Античности.

Большое значение для противостояния негативным тенденциям современного мира имеет также активное взаимодействие многих индивидов с несколькими культурами, способствуя их замыканию в единые циклы (информационные, социальные, культурные). Это обеспечивает идентификацию существующих культур, прозрачность их друг для друга, формирование между ними необходимых стыковочных узлов. Основная проблема здесь в том, что духовное пространство, освобожденное от образцов настоящей культуры, потерявшее связь с ее идеалами, тут же заполняется различного рода симулякрами, активно проникающими во все сферы духовной деятельности человека.

---

[1]Леви-Стросс, Клод. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Леви-Стросс,_Клод (дата обращения: 14.01.2017).

Основным противоядием от лженауки, симулякров, негативных сценариев будущего человечества является развитие системных, синергетических и экологических подходов при формировании научных картин мира и соответствующих им мировоззрений. Системный и синергетический подходы организуют устойчивые связи и взаимодействия отдельных частей природных и культурных образований через пространственные и временные когеренции. Экологический подход предполагает гармонизацию и оптимизацию существующих связей между отдельными ядрами и подсистемами природных и культурных образований. Однако всем этим подходам необходимы соответствующие каталитические процессы, инициирующие и оптимизирующие процессы познания, направленные на специализированную переработку информации. Такая адаптированная информация должна быть представлена в доступном и систематизированном виде и соответствовать высоким критериям научности.

Каталитические процессы, способствующие целостности и системности знания, должны опираться на процессы, обеспечивающие функционирование биогеоценозов и ноосферогеоценозов [6]. Биогеоценоз, возникший в результате самоорганизационных процессов, является оптимальным, самодостаточным, устойчивым образованием, в котором устойчивость циклов вещества, энергии, информации обеспечивается полной утилизацией отходов этих циклов. По аналогии с ними в настоящее время формируется система планетарно-цивилизационных оболочек Земли, а в рамках ноосферогенеза – ноосферогеоценозы, изучаемые науками биосферного и ноосферного классов.

Все трофические, утилизационные, информационные цепи ноосферогеоценозов замкнуты в единую систему. В современном мире значительная часть интеллектуальной сферы заполнена информационными отходами, которые своевременно не утилизируются, что представляет собой острейшую глобальную проблему. Если организовать информационную сферу по образцу биогеоценозов, то это позволит собрать ненужную информацию в оптимально связанные блоки и утилизировать ее – переместить в специально организованные корзины. Катализаторы биосферы и ноосферогеосферы способствуют формированию критериев и «фильтров» для отделения полезной информации от вредной, выполнению необходимой обработки промежуточного знания и его доведения до знания целостного, системного.

Эти каталитические процессы направлены прежде всего на следующее. 1. Прояснение всех исходных фундаментальных характеристик исследуемого природного или культурного образования, сведение их в единую систему. 2. Формирование устойчивых структур, когнитивных схем, объединяющих применяемые идеи и концепции. 3. Использование троичного взгляда на любые явления и процессы: изнутри системы, снаружи системы и с точки зрения полного времени ее существования. 4. Совмещение диахронического и синхронического подходов к основным понятиям и идеям. 5. Синтез основных идей и концепций на основе устойчивых пространственных и временных когерентных форм, ритмокаскадов.

Взаимодействию различных направлений и сфер духовной и интеллектуальной деятельности человека также способствует творчество, и прежде всего такие его свойства, как открытость опыту, коммуникациям; проницаемость понятий и концепций друг для друга; терпимость к неоднозначности, неопределенности, вероятностной интерпретации. Самым важным в творчестве является умение сохранять исходное представление о проблеме в целом, а также наличие идентификационного ядра, самоорганизация которого определяет глубину и значение полученных результатов. Катализационные приемы творчества относятся к личностному уровню.

Культурно-светский аскетизм опирается на связанное состояние интеллектуальной и духовной деятельности индивидов в контексте их этнических особенностей. Связанная субстанция может проявляться как связанная информация, связанная духовность, связанный

интеллект. В этих конструкциях все явления соответствуют фундаментальным («нулевым») равновесиям, связанным в единое целое. Принципиальное значение связанная духовность и связанный интеллект имеют для обеспечения устойчивости и системности в образовании.

Существуют яркие примеры связанных субстанций в культуре, искусстве, лингвистике и других дисциплинах. В науках о культуре такую субстанцию можно рассматривать как «нулевой культурный код», под которым следует понимать элементы культуры, отсутствие которых приводит к разрушению всей культуры. В искусстве есть варианты предельно простого стиля, в частности картины «Красный квадрат», «Черный квадрат», «Белый квадрат» К.С. Малевича [7] или «нулевая степень письма» Р. Барта [8]. В лингвистике и ее философском осмыслении есть атомарные предложения из «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна [9], содержащие только самое необходимое для выражения основных мыслей.

Проблемы, связанные с идентификацией и интеграцией всех культур, можно рассмотреть с точки зрения их собственного аскетизма, который может стать ключевым элементом при установлении диалога между культурами. Кроме того, аскетизм как связанное состояние духовности в контексте его этнических и индивидуальных проявлений способен стать фундаментом синтетической общечеловеческой культуры, так что все уникальное и специфичное у разных народов будет уже надстройкой над ним. Если все культуры будут стремиться к идентификации своего собственного аскетизма, то формирование диалога между культурами будет происходить по универсальным правилам, способствуя установлению общепланетарной коммуникативной реальности, постепенно переходящей в общепланетарное бытие. Выявление отмеченных выше правил в значительной степени зависит от новых образовательных подходов.

Во-первых, образованию следует раскрыть особенности двух видов аскетизма: самоидентификационного и сетевого. При формировании личности необходим тщательный отбор всего, что войдет в «структуру самоидентификации», где, с одной стороны, не должно быть ничего лишнего, с другой – должны присутствовать все элементы, необходимые для самоидентификации. Структура сетей также отбраковывает все лишнее, что мешает ей оптимально формироваться, в противном случае она становится неустойчивой и легко разрушаемой. Самоорганизация сетей стремится обеспечить их формирование с оптимальными скоростями взаимодополнительного объединения элементов национальной и массовой культур, а также лучших образцов мировой культуры и информационного общества.

Во-вторых, следует развивать непрерывное гуманитарное образование на основе «равновесия-паутины», суть которого заключается в создании человеком в течение всей своей жизни коммуникационной сети, которая все теснее и глубже связывает его с другими людьми, объединяет людей различных культур. Такая сеть ориентирована на естественную систему координат мира, она позволяет преодолеть разобщенность социума в целом за счет развития новых форм общения, коммуникации, сохранения разнообразия лучших из этих форм и восстанавливает целостность отдельных «Я», нарушенных нелинейностью и непредсказуемостью окружающего нас мира, слишком быстрым темпом его развития.

Список литературы

1. *Kozhevnikov N.N., Danilova V.S.* The World Coordinate System on the Basis of Limit Dynamic Equilibriums // Eur. J. Philos. Res. 2016. Vol. 5, № 1. P. 18–26.

2. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2016. 256 с.

3. *Докинз Р.* Расширенный фенотип: длинная рука гена: пер. с англ. М.: Астрель, 2010. 512 с.

4. *Чик Г.* Единицы культуры // Обществ. науки и современность. 2000. № 2. С. 111–122.
5. *Пригожин И., Стенгерс И.* Возвращенное очарование мира // Природа. 1986. № 6. С. 46–52.
6. *Данилова В.С.* Философское обоснование концепции нообиогеосферы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2004. № 2. С. 50–64.
7. *Малевич К.С.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы, 1913–1929. М.: Гилея, 1995. 396 с.
8. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер с фр. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
9. *Витгенштейн Л.* Философские работы: пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.

References

1. Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. Sistema koordinat mira na osnove predel'nykh dinamicheskikh ravnovesiy [The World Coordinate System on the Basis of Limit Dynamic Equilibriums]. *Eur. J. Philos. Res.*, 2016, vol. 5, no. 1, pp.18–26.
2. Ortega y Gasset J. Vosstanie mass [The Revolt of the Masses]. Moscow, 2016. 256 p.
3. Dawkins R. *The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene*. Oxford, 1999 (Russ. ed.: Dokinz R. *Rasshirennyy fenotip: dlinnaya ruka gena*. Moscow, 2010. 512 p.).
4. Chick G. Edinitsy kul'tury [Units of Culture]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2000, no. 2, pp. 111–122.
5. Prigogine I., Stengers I. Vozvrashchennoe ocharovanie mira [The Charm of the World Reclaimed]. *Priroda*, 1986, no. 6, pp. 46–52.
6. Danilova V.S. Filosofskoe obosnovanie kontseptsii noobiogeosfery [Philosophical Substantiation of the Concept of the Noobiogeosphere]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya*, 2004, no. 2, pp. 50–64.
7. Malevich K.S. *Sobranie sochineniy. T. 1. Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty, 1913–1929* [Collected Works. Vol. 1. Articles, Manifestoes, Theoretical and Other Works, 1913–1929]. Moscow, 1995. 396 p.
8. Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow, 1994. 616 p.
9. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on Philosophy]. Moscow, 1994. Pt. 1. 612 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.52

Nikolay N. Kozhevnikov
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov;
ul. Kulakovskogo 42, Yakutsk, 677000, Respublika Sakha (Yakutiya), Russian Federation;
e-mail: nnkozhev@mail.ru

Vera S. Danilova
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov;
ul. Kulakovskogo 42, Yakutsk, 677000, Respublika Sakha (Yakutiya), Russian Federation;
e-mail: nikkozh@gmail.com

THE IMPORTANCE OF THE WORLD COORDINATE SYSTEM BASED ON DYNAMIC EQUILIBRIA FOR MODERN EDUCATION

This paper aimed to formulate a version of modern universalism based on the development of ideas about the world coordinate system emerging in the world around us through self-organization based on equilibria that are conditioned by the deterministic "order-chaos" and encompassing all levels of this world's hierarchy. Since the second half of the 20th century, modern universalism has

For citation: Kozhevnikov N.N., Danilova V.S. The Importance of the World Coordinate System Based on Dynamic Equilibria for Modern Education. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 52–60. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.52

developed rapidly in several directions, the most effective of which, in our opinion, are the synergistic and semiospheric approaches, global universalism, and certain methods of globalistics. The ideas about the world coordinate system allow us to create a common basis for all of them. This paper reveals the tendency of all objects of the world (both natural and cultural) to three ultimate fundamental equilibria: the identification, the communication-network, and the ultimate rhythms of world harmony. Equilibria achieved in reality at various levels of the world are directed by the phenomenological space cell composed of fundamental limit equilibria. The theoretical significance of this article lies in justifying the existence of the world coordinate system, which has emerged in a natural way and in line with which the world continues to develop. There must be such a coordinate system as, despite all the complexity of the surrounding world, it is surprisingly organized, rational, optimal, and stable. The practical importance of the article is determined by several basic provisions related to the methodology of education: the formation of personality through its gradual self-identification and the establishment of the principle of “being close”, that is, the teacher intervenes in the learning process only at its key points. Further, the paper describes self-identification of a person based on closed information-time blocks and analyses the influence of catalytic processes on the development of students’ intellectual and spiritual spheres. In addition, the potential use of cultural-secular asceticism in the educational process is considered. It should be noted that the problem of the world coordinate system has not been considered in literature; however, some issues indirectly related to it are touched upon in physics, biology, semiotics, and fundamental ontology.

Keywords: *dynamic equilibrium, deterministic chaos, coordinate system, spiritual catalyst, asceticism, holistic worldview, synergetics.*

Поступила: 24.02.2017
Received: 24 February 2017

УДК 101.9 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.61

***МЕНЬЧИКОВ Геннадий Павлович**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общей философии института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор 196 научных публикаций*[*]

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: КЛАССИЧЕСКИЙ, НЕКЛАССИЧЕСКИЙ И НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В статье предпринимается историко-компаративистский анализ понимания сущности человека в трех типах философского миропонимания: классическом, неклассическом и неоклассическом. Цель данного исследования – прояснить приращение в понимании того, что есть человек в качестве человека. В работе обосновывается, что в классическом и неклассическом типах в силу преобладания абсолютистского миропонимания к человеку осуществляется функциональный подход: отождествляются природа и сущность человека. В неоклассическом типе сущность человека и природа человека перестают отождествляться – тем самым осуществляется внефункциональное определение сущности человека, которое выявляет его труднопонимаемую уникальность. Последняя проявляется через существенные устойчивые признаки, причем реалистические и пока не повторяющиеся больше ни у кого в достижимом человечеству космосе. Элиминируется и невольное сведение сущности человека к сущности животного, а также и непозволительное отношение человека к человеку и человека к самому себе. Главным аргументом онтологической инаковости является принципиально иная детерминация: если сущность животного определяется инстинктами и средой, то на человека они влияют, но не определяют его родовую сущность, не определяют человека в качестве человека. Определяющими и пропитывающими все другие оказываются экзистенциальные детерминации (особенно смысл жизни, смысл человеческой жизни), причем любого человека – неосознаваемо и осознаваемо. Когда у животного все состоялось, у человека все только начинается. Основной оппонирующий вывод статьи: человек есть не био-социальное существо, а субъект-объект культуры, культурное существо, каждый на свой лад.

***Ключевые слова*:** *классический дискурс, неклассический дискурс, неоклассический дискурс, сущность человека, экзистенциальные детерминации, третий дом бытия, функциональный подход, внефункциональный подход.*

---

[*]*Адрес:* 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35; *e-mail:* menchikovgp@mail.ru

Для цитирования: Меньчиков Г.П. Сущность человека: классический, неклассический и неоклассический дискурс // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 61–72. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.61

Проблема сущности человека – *что есть человек именно в качестве человека* – является непростой и по сей день, в то время как ее решение имеет предопределяющее жизненное значение, особенно когда мы попадаем в ситуацию вопрошания, ответа на онтологический зов бытия или в ситуацию онтологического перехода, необходимости нового обретения базовых смысловых опор, или в ситуацию экзистенциальной растерянности и экзистенциального поворота человечества [1]. На сегодняшний день в соответствии с классическим, неклассическим и неоклассическим типами философии [2] выделяются три *типа* понимания сущности человека: классическое, неклассическое и неоклассическое (только формируется). Они взаимопроникают друг в друга, имеют длительную историю развития. Методологически задающим положением здесь обладают историко-компаративистский подход и глубинная в нем «детерминистическая эволюция»: меняется представление о мире (о детерминированности мироздания) – меняется и представление о сущности человека [3].

В классической философии (ранне-, средне-, позднемодернистской[1], середина III тыс. до н. э. – середина XIX века) в период философии *Древности* все исходило из того, что Мир виделся *закрытой* системой, а вседиктующим представлялся Абсолют, считавшийся разновидностью мистифицированной Природы. Вследствие такого в целом абсолютистского мировоззрения, мышления и поведения человечества и сущность человека трактовалась в натуралистически-политеистской слитности человека с Природой. Это означало, что без совпадения с неким Абсолютом (неким Сверхъестеством Богом-Природой) ты не есть человек, не есть опора самое себя, а есть приложение, функция, средство, марионетка заложенных в тебе извне и окружающих тебя фатальных сил (фьюзиса-природы, космоса, созданных извне и заданных Абсолютом). По сравнению с предшествующим, архаичным, этапом человек начал выделять себя из мира животных. Позднее человека назвали даже разумным животным, однако заметим, что лишь предикатом (страдающим, подчиняющимся, властвующим, политическим, общественным, умеющим делать орудия труда и т. д.), но субъектом – по-прежнему животным.

В философии *Средневековья* Абсолют изменил форму: им стал Бог, но сама его суть (уже монотеистическая) в качестве Абсолюта осталась. Без Бога, тем более теперь – непостижимого и потустороннего, мистического, ты не есть человек: так же, как и раньше, не являешься опорой самое себя. Сущность человека стала видеться в том, что человек есть *функция* более четко выраженного Абсолюта – абсолюта Бога, или трансцендентально понятого Духа. Предначертанность, фатальность свыше остались, а если учитывать появившийся институт инквизиции и индульгенции, обнажились даже явственнее.

В философии *Возрождения* открылся еще один Абсолют – им стало мистически понятое *Творчество*. Возрожденческий человек остался тоже *приложением*, *функцией*, *средством* орудия Бога, но уже пантеистического Абсолюта-Бога-Творчества. Правда, реальный человек здесь стал не столько бояться предзаданности такого Абсолюта, сколько начал подражать «механизму» его Творчества (Ренессанс), *заданным* Им законам построения вещей, но творчества – мистически понятого. Одним словом, мистифицированное «вниз» и «вверх» понимание сущности человека продолжается.

В философии *Нового времени* главным Абсолютом-детерминантом стал видеться «Абсолютный Дух, Разум, Идея». Мир предстал как рационально-механистически понятый Порядок с потусторонне заданной «Правильной вечностью». (Хаос виделся еще не бытийствующим, не онтологическим свойством бытия и оценивался скорее проявлением лишь субъективного недосмотра человека.) Сущность человека главным образом стала отождествляться с познающим механизмом (Декарт) или с умной машиной (Ламетри), хотя объяснялась по-разному.

[1]Сравнивая с предшествующим, архаическим, миропредставлением.

Но преобладали по-прежнему «бесчеловеческие» (не замечающие самого человека в качестве человека) концепции: натуралистические, рационально-механистические, романтически-идеалистические и религиозно-мистические. Таким образом, в классическое время выявился, как бы мы его назвали, *функциональный подход*: взгляд на человека как *функцию*, *средство*, *вещь*, *инструмент*, *орудие*, *винтик* в чьих-нибудь руках.

В неклассической философии (ранне-, средне-, позднепостмодернистской, середина XIX – 70-е годы XX века) Абсолют радикально изменил форму – абсолютизироваться стал *Хаос* (ницшеанская весть о смерти Бога, смерть Правильности, смерть Порядка), однако Абсолют в нем и остался: мир по-прежнему создан, порожден и руководим извне, но уже Абсолютом-Хаосом, «Неправильной вечностью». Мироздание по-прежнему есть закрытая система; снова – фатализм, но обернувшийся волюнтаризмом, безумием капиталистического социального бытия (М. Фуко, Ж. Делез, Ф. Гваттари и др. [4]). Это не мы, не я виноваты, это в нас *заложено*, нечто потусторонне-иррациональное, «человеческое, слишком человеческое» (Ф. Ницше).

Под влиянием неклассических открытий и социальных изменений эпохи постмодерна мироздание стало видеться, конечно, более сложным, ситуационным, динамичным, в т. ч. виртуальным, причем словно с «изнанки», обратной стороны бытия (Н.М. Солодухо [5]). Но к классической рациональности и Порядку бытия появилось предвзятое недоверие, возродились агностицизм, абсолютизация релятивного и нигилизм. Правда, что ценно, была замечена всерьез энергийная сторона мироздания, пронизывающая все другие (А. Шопенгауэр), и экзистенциальная сторона сущности человека (С. Кьеркегор), которые позже, к сожалению, были гипостазированы. То человек – это когда человек-волюнтарист; то человек – самокопающийся невротик; то человек есть конформист (ранний психоанализ); то человек – это воля человека (М. Хайдеггер); то человек – это если ты только сверхчеловек (Ф. Ницше); то человек – это существо, видящее смысл жизни в борьбе, в перманентном переделывании бытия, революционер (марксизм); то человек – это бунтарь (анархизм); то человек – это перманентный протестант и даже мститель бытию (метафизический терроризм).

Таким образом, сущность человека стала пониматься совершенно по-другому, но по-прежнему функционально: человек есть орудие теперь уже иррациональных смутных сил Абсолюта-Хаоса, извне и непоправимо хаосоподобных влечений в человеке (А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, З. Фрейд, Ж. Лакан, М. Хайдеггер и др.): вплоть до смерти человека (М. Фуко), смерти автора (Р. Барт), конца истории (Ф. Фукуяма), заката Европы (О. Шпенглер), конца социального (Ж. Бодрийяр), смерти души (Ю, Кристева), поминок по Просвещению (Дж. Н. Грей). А «прекрасные, но тщетные мысли: Бог, универсум, теория, Практика, Субъект, Объект, Тело, Дух, Смысл, Ничто – всего это не существует. Все лишь словечки для юнцов, профанов, клерикалов да социологов» [6].

Итак, в классическом и неклассическом типах миропонимания сущность человека определяется как приложение к потустороннему Абсолюту: его сущность то идеализируют, то вульгаризируют; доминируют такие подходы, как антропологический абсолютизм и релятивизм: биоцентрический, социоцентрический, биосоциоцентрический, рациоцентрический, иррациоцентрический и др. Суть типичных в них ошибок, на наш взгляд, состоит в *функциональном подходе к человеку*, в том, что осознанно или неосознанно к человеку подходят как к вещи, средству: «использовательски» и потребительски, не видят человека в качестве собственно человека. Такое *функциональное понимание сущности человека* невольно порождало и непозволительное отношение к человеку, людям и, что парадоксально и опасно и что мы сегодня наблюдаем, человека – к самому к себе. Поэтому неслучайно в 70–80-х годах XX века возникает современное, неоклассическое (постнеклассическое), понимание сущности человека, а неклассическое постепенно, хотя и болезненно, становится вчерашним днем [7].

В неоклассической философии (70–80-е годы XX века – начало XXI века) – особенно в связи с открытием синергетики – мир впервые предстал без Абсолюта. Не смешивая «абсолют» с «идеалом», впервые доказательно мир открылся *реалистическим*, *как мироздание-предоставленное-самому-себе*, а не чему-то потустороннему. Сегодня генерируется и современное неоклассическое миропонимание и мышление [8], а вместе с ним формируется и неоклассическое понимание сущности человека. Его суть в том, что уже не смешивается сущность человека с природой человека: не отождествляется его родовая сущность с его происхождением из природы, как это происходило и происходит в классическом и неклассическом миропонимании. Также к пониманию сущности человека начинает применяться принципиально иной – *внефункциональный*, или *реалистический*, подход, происходит «рассимволизация Абсолюта» [9].

Если раньше человек рассматривался «использовательски» (как средство, орудие, инструмент, животное и т. п., как функция чего-то, кого-то, как вещь), то теперь человек открывается онтологически самобытийствующим существом, как самоцель и самоценность бытия, как со-бытие. Краеугольный камень новейшего, неоклассического, понимания сущности человека заложили работы К.Г. Юнга, Э. Фромма, А. Швейцера, И. Пригожина. Основными разработчиками такого понимания являются В. Франкл, К. Роджерс, А. Маслоу, Р. Ассаджоли, С. Гроф, М. Хайдеггер, И.Т. Фролов, М.К. Мамардашвили, Г.К. Сайкина и др. Суть неоклассицизма в понимании сущности человека состоит в повороте к человеку как к *уникальному существу* бытия, к его уникальной *все пронизывающей экзистенциальной стороне сущности*. Открылось, что не единственным, но доминирующим видом детерминации у любого человеческого существа являются так называемые экзистенциальные детерминации.

Экзистенциальные детерминации – это круг детерминаций, связанных с переживанием смысла своего существования в бытии и прилегающих к нему так называемых вечных проблем («зачем я», «кто я», «зачем мы»: не «почему», а «зачем» появились однажды на свет) подсознательно и осознаваемо. В *структуру* экзистенциальных детерминаций входят следующие проблемы: цели и смысла жизни; вечности и смысла смерти, бессмертия; переживания существования во времени и пространстве, вечности и бесконечности; общения и разобщенности, любви и одиночества; одиночества и уединенности; самоидентификации, самоопределения и самоактуализации в бытии; свободы и ответственности; выбора и решения. Решаемость этих проблем приводит человека к счастью, самоактуализации, нерешаемость – к душевной и духовной фрустрации (состоянию, связанному с переживанием неудачи, хотя поставленные цели вроде бы достигнуты) (С. Кьеркегор), нерешенность – к душевно-духовной пустоте и глубинной Скуке, «экзистенциальному вакууму» (В. Франкл) со всеми его разрушительными деструктивными последствиями (Э. Фромм).

Проблема *смысла жизни* выступает *базовой детерминацией.* Человек – не животное: когда у животного все состоялось – у человека все только начинается. Поиски смысла жизни свойственны только человеку (осознанно или неосознанно – любому человеку), а потому сопутствуют жизни человечества на протяжении всего его существования. Однако сегодня экзистенциальный вопрос приобретает особое значение [10]. Дело в том, что в классическое и неклассическое время существования человечества смысл жизни отдельного человека невольно *задавался извне*, в сущности, креационистски (было вроде как ясно зачем, да и «зачем» вроде как совпадало с «почему»). Так, существовавшие абсолюты – древних обществ (Космос, Природа, Благо древнегреческих демократий), средневековых обществ (Религии, Иерархии), раннекапиталистических обществ (Справедливость, Прогресс), позднекапиталистических обществ (Борьба, Протест, Благо общества) – задавались человеку обществом.

В неоклассике благодаря синергетическому открытию и некреационистскому видению мира человечество впервые оказалось в условиях самостоятельного определения собственной жизни

(что и как сделаем, то и будет: и хорошее, и плохое). Впервые относительное материальное благополучие, демократические порядки, невиданная ранее свобода ниспровергли или ослабили давление «абсолютов», поставили человечество и каждого человека перед реалистической возможностью и необходимостью определять самому свой смысл жизни. Но обретение смысла («зачем», «а что дальше») – задача непростая. Неумение справиться с определением смысла жизни приводит человека к печальным последствиям. Хотя, как известно, человек, которому есть «ради чего» жить, может вынести любое «как» (Ф. Ницше). Не случайно над вопросом смысла жизни бьется человеческая мысль.

И вот здесь важно «смысл жизни» *не отождествлять* с «целью жизни». Смысл жизни более устойчив: сопровождает, определяет, ведет человека, пронизывает, вдохновляет или удручает всю его жизнь, а цели изменяются, они подвижны. Откуда в нас эта проблема? Проблема смысла жизни, своеобразной нехватки-неполноты-нецелостности, возникает только у человека и вытекает из того, что человек, как ни одно из живых существ, заранее *знает* о своей конечности (биологической смерти) и в этом плане – о каком-то неисправимом «несовершенстве» мира. Знание об этом подчас настолько потрясает человека, что он живет в растерянности.

Решение этого вопроса является исходной основой «линии жизни», подчиняющей поступки разных уровней. Отсюда вопрос «зачем, быть или не быть?» – суть выражения проблемы. Принять этот мир как свой дом бытия, остаться в нем и строить его или лишь бороться и страдать, или изначально не принимать его, уйти из него, неродного, чуждого, или прозябать и ныть, ничего не делать в нем и только обижаться на него, или разрушать его, мстить ему, чтобы любым способом «сбыться», «показать», «прокричать» и «доказать» этому миру, всем людям: «Люди, я все равно есть в нем».

Дело в том, что быть человеком, сбыться и удержаться не так-то просто (Г.К. Сайкина, Ж. Деррида и др.) [11]. *Смысл жизни – это понятие, концентрирующее в себе укорененность человека в бытии, существование корней, которые привязывают человека к этому миру, вдохновляют человека на жизнь (или разочаровывают), благодаря которым стоит жить, стоит стать, быть и удержаться человеком, стоит выносить всю радостно-тревожную сложность жизни человека, если в качестве человека.* В более узком плане *смысл жизни – это ценность (идея, задача, собственное решение), чему человек добровольно посвящает всю свою жизнь, то, что определяет и сопровождает всю его жизнь, является основным ведущим мотивом жизни, вдохновляет, оправдывает его жизнь* или огорчает вплоть до несчастья и даже суицида. Поскольку цель жизни и смысл жизни – не одно и то же, то с целями жизни такого не случается: они важны, но преходящи. И еще одно его свойство: смысл жизни – это то, к чему человек тянется сам и добровольно, его никто не толкает в спину и не принуждает. И выражается он в том, что называют призванием, служением жизни, выполнением простой/сложной, но человеческой миссии.

Что касается вопроса *в чем конкретно смысл жизни человека* (мой, меня – единственного, неповторимого, любимого), то здесь есть различные позиции: индивидуальные и родовые, индивидуально-родовые. Человечество проходило варианты смысла жизни: гедонистический, религиозный, утилитарно-прагматический, деонтический, реально-гуманистический. Однако, поскольку смысл жизни детерминирует *сквозную интенцию*, то в определении «смысла жизни человека» выделяются три основных подхода.

Первый – *трансцендентный* (как справедливо называет его З.В. Фомина)[2] – утверждает, что смысл жизни человека должен лежать за пределами его повседневной жизни и может

[2] *Фомина З.В.* Ценности человеческого бытия: учеб. пособие. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2001. С. 24.

быть связан с существованием высшей реальности, с неким Абсолютом. Человек должен жить для чего-то/кого-то вне его собственной и повседневной суетной жизни, лишь решением потустороннего он может оправдать свою жизнь. При всей хорошей интенции здесь возникает много вопросов. С одной стороны, человечество сталкивается с еще непознанным, но на поверку мир оказывается все более сложным и все равно – посюсторонним, т. е. каузальным [12]. С другой стороны, необходимо, чтобы *было* это что-то/кто-то, которое/который оправдало бы *эту* жизнь. Но такое желание тоже не подтверждается фактами, хотя, может быть, хотелось бы. В-третьих, не обессмысливается ли эта жизнь, если ее ценность сужается до подготовки к «той», о которой у человечества нет фактических сведений (не путая понятия «факты» и «события»). Вопрос о смысле жизни таким образом превращается в вопрос абсолютного (конечного-изначального, но заданного, а не взращенного смысла жизни – не в идеал; здесь не нужно путать еще и «абсолюты» и «идеалы»), иррационально-мистического смысла жизни. А он невольно принижает реальный смысл жизни, многие века не позволяет ей быть жизнью человеческой по определению. И, к сожалению, получается наоборот: «если бог есть, то все дозволено».

Неслучайно в философии существует и второй подход – *имманентный* (З.В. Фомина), который утверждает, что *смысл жизни заключается только в самой жизни*, и потому оправдывает реальное, земное существование человека. Имманентный подход присутствует в эпикуреизме, атараксии, гедонизме, эвдемонизме, а также в рациовитализме. *Рациовитализм* (Х. Ортега-и-Гассет), например, ярче всего подчеркивает внутреннюю ценность самой жизни. Но! Но имманентный подход ведь тоже возможен как внешний, заданный извне Абсолютом, потусторонний.

Наличие смысла жизни, по Х. Ортега-и-Гассету, утверждается, казалось бы, в *творческой* полноте самой жизни, где жизнь проявляется больше в витальности – «в своей собственной игре», непринужденной, радостной, спонтанной. Однако и при творчестве (если при творчестве как страсти, игре в жизнь) смысл жизни превращается в потребительство жизни. Происходит инверсия: получается, что мир, жизнь есть средство и человек сам превращается в средство для потребления жизни.

Казалось бы, справедливо отрицает наличие внешнего по отношению к человеку смысла бытия и *экзистенциализм* (особенно А. Камю). Однако, согласно экзистенциалистам, внешнего смысла нет, но и внутреннее человеческое существование из-за неизбежной смерти видится абсурдным, бессмысленным. Поэтому предлагается следующее решение: вместо стремления избавиться от абсурда и бессмысленности существования лучше научиться жить со своими болезнями, сознательно приняв вызов, противопоставляя бессмысленности абсурдной действительности свой бунт, свою пусть даже аморфную свободу как можно полнее и дольше. Таков неутешительный взгляд на смысл жизни, если ограничивать смысл человеческого бытия пределами непосредственной жизни[3]. Итак, как нам представляется, оба подхода делают одну и ту же методологическую ошибку – неправомерно разрывают единое: часть и целое, вечное и относительно невечное, бесконечное и относительно конечное.

Поэтому существует и третий подход – назовем его *имманентно-трансцендентный*. В соответствии с ним смысл жизни человека в его сущем может быть прежде всего *реалистическим*, исходя из сущности человека как человека (а не животного, не машины, не средства, не орудия, не инструмента, не функции, не вещи, не игрушки и т. д.). *Следовательно, смысл жизни состоит в самой непосредственной жизни, но протекающей с позиции вечности-бесконечности, в служении жизни, человеческой жизни (не в потребительстве жизни и не в служении чему-то над жизнью, не в маргинальности к жизни), а жизни с позиции вечности, непременно связанной*

[3] *Фомина З.В.* Указ. соч. С. 26.

с реальной духовностью существования человека. Почему? Духовность человека – это особое состояние в духовной реальности человека. В нем разрешается основное противоречие бытия человека: его зажатость между бесконечностью бытия и относительной конечностью человека («мироздание вечно, а я-то умру») [13], но разрешается *реалистически*, в определенной степени и в человеческой форме: не противопоставляя человека его непосредственной жизни, не губя жизнь заземлением и прислуживанием своей жадной плоти и чувственности, но и не обкрадывая служением «потусторонности бытия», не губя интенцией к абсолютной реальности.

В этом плане в неоклассике мы впервые фактически начинаем жить в неутопическую эпоху. Не случайно противоборство между реализмом и антиреализмом составляет сегодня передний фронт философских сражений, а антиреализм так многолик (Е.Л. Черткова, В.А. Лекторский) [14]. Реальная духовность человека внутренне связана с вопросом существования не абсолютного (утопического), а *реального относительного бессмертия человека*. У человека есть относительное бессмертие: оно реально и выражается не в надуманных, а вполне реалистических формах инобытия.

Итак, в неоклассике было окончательно сделано открытие: человек может нормально жить в качестве человека, не томясь и не «психуя» лишь тогда, когда его жизнь имеет смысл, когда он не потерял смысл жизни и может хоть как-то (к сожалению, в различной форме) реализовать его. Все это указывает на то, что человек не только рефлексное животное, но прежде всего рефлексивное существо бытия (здесь не нужно путать понятия «рефлекс» и «рефлексивность»), не только марионетка в руках инстинктов и социума, не только когнитивная машина, каким чаще всего его видела классическая философия, и не мистически-демиургическое существо, каким он видится с мистических точек зрения.

Не отвергая ни инстинктов, ни врожденной предрасположенности, ни влияния внешней среды, неоклассическое понимание сущности человека доказывает, что все эти детерминанты обусловливают поведение человека, но не являются причиной его детерминаций. Среда и инстинкты влияют, но не определяют поведение человека, даже в самых неблагоприятных или пресыщенных условиях существования. Условия, среда лишь выявляют глубины сущности человека. По убедительному опыту жизни В. Франкла, даже в концентрационном лагере «существуют только две расы в этом мире: “раса” порядочных людей и “раса” людей непорядочных» [15].

Современный неоклассический взгляд на сущность человека базируется на том, что к жизни человека в качестве человека в принципе нельзя подходить с утилитарной точки зрения полезности-неполезности, недопустимо подходить как к средству, вещи, функционально. Это допустимо по отношению к вещам, в известной степени – к животным, но не к человеку, если мы при любых обстоятельствах понимаем именно человека в качестве человека. Жизнь человека надполезна, оправдывает себя своим существованием, жизнь есть задача, есть миссия человека жить в качестве человека. Что, конечно, не так просто.

Из всего этого в неоклассической философии следует, что сущность человека не есть в том, что он био-социальное существо, не есть самое умное животное или самая разумная машина, а есть *изначально культурное существо или субъект-объект культуры.* Человеку в его сущности не нужны никакие предикаты и комплименты – ни лучшие, ни худшие, даже самому падшему из нас. Он в принципе иной. Одно из открытий неоклассической философии как раз и состоит в понимании того, что *природа человека (его происхождение) и сущность человека (его субстанциональность) – не одно и то же.* Пора перестать путать «природу человека» и «сущность человека», причем на всех уровнях: мировоззренческом, методологическом, педагогическом, психологическом, нейрофизиологическом и биологическом.

Современные исследования показывают, что у человека в отличие от высших животных есть неокортекс, подкорка, стволовый мозг, спинной мозг и даже периферийная часть мозга (А. Меграбян,

С.Н. Раева, Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев); у человека есть не две, а три сигнальные системы (А.Я. Зверев, У.Ш. Ахмеров, Н.У. Ахмеров, Э.А. Цветков, И.П. Шмелев); у человеческого существа имеется также не две формы постижения бытия, а по крайней мере три: известные – рационально-логическая, чувственно-эмоциональная – и неосознаваемая, или, по Ю.А. Урманцеву, медитативная [16]. Вывод о том, что изначально человек есть культурное существо, субъект-объект культуры, кажется нереалистичным и комплиментарным. Но заметим, речь идет не об идеализации – «розовости» – человека и не о норме культуры и культурности и форме ее выражения (они бывает различны: от стадий дикости, варварства, цивилизации и до стадии собственно культуры), а о сущности человека. Речь идет о том, что мы, каждый из нас, уже с самого начала являемся другими культурными (социокультурогенезисными) существами (В.А. Воронцов [17]).

Речь идет о константной особенности человеческого существа, о той принципиальной антропной незримой черте, пролегающей в самом человеке и между животным и нечеловеческим существом. И даже когда среди нас встречаются, к сожалению, и «нелюди» – существа гораздо опаснее животных (по собственному влечению и изощренно *переступающие черту* жизни и смерти), то это лишь доказывает переступания ими этой антропной черты и принципиальной разницы человека и не вызревшего еще до человека – как «вверх», так и «вниз».

Каждый человек есть существо не только и не столько отражающее, а так или иначе отображающее и конструирующее мир по-своему, причем как созидательно, так и разрушительно, т. к. естественный мир не пригоден для человека в качестве человека и человек не готов для него. Чтобы *сбыться человеком*, человек несет двойную нагрузку. Его никто не заставляет, но чтобы сбыться (утолить свое томление, неполноту и нецелостность), он вынужден самоактуализировать себя человеком и мир под себя как для человека (Г.К. Сайкина). Тем более что каждый человек кроме сознания и неосознаваемого имеет еще и душу как реальность; человек есть еще и существо душевное: хорошо или плохо, но *личностно переживающее* свое бытие в мироздании – свою самоактуализацию.

В понимании сущности человека, в его *самоактуализации важно различать бытийное и дефициентное*: Б- и Д-подход, Б- и Д-мотивацию, Б- и Д-познание, Б- и Д-ценности, Б- и Д-любовь в самом широком плане. Эту замечательную идею А. Маслоу поясняет так[4]. Речь идет, например, о том, что голодный человек замечает только пищу, нищий – только деньги, т. е. *нехватку*, которая *все искажает* и ведет к деградации, а не к самоактуализации.

Внимательный взгляд на поведение людей обнаруживает и другой род мотивации: *собственно человеческую – бытийную мотивацию*. Дефициентная мотивация – мотивация, ориентированная на удовлетворение фрустрированной потребности. Она состоит в недовольстве настоящим мирозданием, она вне радости жизни. Дефициентное познание – это познание, где объекты рассматриваются *не сами по себе*: тогда они канализируют, сужают и инверсируют восприятие и мышление, так что человек осознает только те аспекты реальности, которые имеют отношение к удовлетворению витальной потребности. Студент, который учится только для сдачи зачетов, по сути, не становится культурным человеком.

Бытийная мотивация – это мотивация роста, или метамотивация, когда организм не испытывает (*перешагиваем*) ни голода, ни боли, ни страха, появляются новые мотивации, такие как любопытство или желание игры, деятельности, которые могут приносить удовлетворение и радость как таковые – так сказать, бесплатно. Здесь речь идет о желании искать позитивные ценностные цели, наслаждение и удовлетворение *ростом сбыться*, а не лишь компенсацией

---

[4]*Маслоу А.* Мотивация и личность // Теории личности в западноевропейской и американской психологии: хрестоматия / сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 1996.

недостатка. Бытийное познание – более точное и эффективное, потому что здесь в меньшей степени искажается свое же восприятие в соответствии с потребностями и желаниями, своим «ячеством» (Ю. Разинов).

Такое познание воспринимает вначале *сущность* вещей, какие они есть, а не только их утилитарность. Оно способно ценить сущность как таковую, следовательно, восприятие является более богатым и полным. Воспринимающий остается независимым от воспринимаемого. Внешние объекты ценятся как таковые, в себе и сами по себе, а не в их отношении к личным заботам, тем более маленьким. Бытийному познанию можно доверять. Вот почему, как бы ни критиковали такую точку зрения, но если наука существует вначале не ради науки, а искусство не ради искусства, то они не есть ни наука, ни искусство; они обречены на нанесение вреда человеку и человечеству и, естественно, на самодеградацию либо они и их представители должны самоактуализироваться, т. е. выйти на новый виток самореализации. Но *само*актуализация дается не автоматически. Таким образом, человек есть существо, способное не «нервничая» жить в качестве человека лишь в созданной им же культуре, но в *культуре как третьем доме бытия.*

Здесь необходимо уточнение, *что есть культура и о чем идет речь*? Одно из открытий неоклассической философии состоит в том, что в ней различаются и не отождествляются такие феномены бытия, как общество и культура, а также различаются первый, второй и третий *дом бытия* человека. Первым домом бытия является *Природа*, однако этот дом не готов для человека, как и человек для него. Вторым домом бытия выступает *Производство* общества – совокупность технически создаваемых *любых* утилитарно полезных материальных и духовных вещей, производящих обществом главным образом *выживание* человека – удовлетворение *витальных* (выживательных) потребностей, а также выковывающих *трудом* человеческий стержень в человеке. Но не все, увы.

И поскольку человек не животное (было бы, возможно, проще), то дом, создаваемый Производством, необходим, но недостаточен для жизни человека в качестве человека, ибо сущность человека не в вегетативности (размножении), не в витальности (выживании), как у животного, а в жизни человеческой. Недостаточны и могут быть опасны и результаты Творчества: не забываем, что творчество является еще и страстью, а как страсть оно «всеядно», создает *любые* вещи, в т. ч. опасные для человека и человечества; как креативная страсть творчество бывает не сразу разборчиво и даже некрофильно (за фактами ходить не надо).

Итак, различие, различение и не отождествление таких феноменов бытия, как общество и культура, вытекает из того, что *общество – более широкое явление и понятие, чем культура*, общество создает всякое. Культура же общества (этого «чего»?) вольно или невольно избирательна, в культуру входит *не все, не всякое и не как попало, что создает общество (хотя входит в это общество)*, культура – это и не склад ценностей и т. д. Поскольку общество создает всякое и по-всякому, трудно согласиться с концепцией, что культура – это вторая природа, т. е. все, что создает общество [18].

Сущность культуры первого порядка – в смыкании человека с вечностью бытия. *В собственно онтологическом ее понимании культура – это качественная сторона делаемого, совершаемого обществом. Культура есть совокупность материальных и духовных ценностей, ведущих к очеловечиванию человека, к взращиванию человеческого в человеке, все дальше отодвигающих человека от края прегоминидности (вместе с процессом создания ценностей, хранения, охранения, распространения, применения, соучастия в их создании хотя бы в виде использования и коммуникации).* Действительно, «все прогрессы реакционны, если рушится человек» (А. Вознесенский). И в этом плане культура есть качественная сторона бытия человека, третий дом бытия.

Если говорить о возникающем критерии, то основным критерием человеческого в человеке

и всей культуры будет, видимо, *соотношение жизни и смерти* (Э. Фромм), от чего невозможно увильнуть: отношение к жизни как высшей ценности, расцвету и охранению жизни, отношение к человеку как самоценности и самоцели Бытия, а не средству, вещи, орудию, инструменту, функции (А. Швейцер, Э. Фромм, И.Т. Фролов, В. Франкл). Таким образом, поскольку человек есть существо особое, незавершенное и не является животным, то становится понятно, что культура – это не второй дом (витальный – утилитарный, чтобы выжить) и не любой дом бытия (чтобы жить как попало), а третий дом бытия, послевитальный и надутилитарный, собственно человеческий.

То, чего недопонимало в человеке прежнее – классическое и неклассическое – мировоззрение и что начало понимать неоклассическое: 1) то, что человек – существо, движимое главным образом экзистенциальной детерминацией, смыслом жизни. Отсюда начинается, хотя и не заканчивается, понимание, что человек в качестве человека – это не животное, не машина, не марионетка, не ангел и не зверь, а это трудно понимаемое существо – принципиально иное, особое в бытии, способное быть гораздо лучше и гораздо хуже, монструознее; 2) то, что человек – уникальное существо мироздания, и его уникальность заключается в том, что это существо – надприродное, культурное, как бы это наивно ни звучало; следовательно, к нему в принципе недопустимо непозволительное отношение; 3) то, что человек – существо, имеющее духовную реальность (сознание + + душа + неосознаваемое), не сводимую ни к одной ее части, существо, в конечном счете решающее и отвечающее за себя само, обладающее свободой (как самопричинностью) от внешней детерминации благодаря смыслам и ценностям, которыми он руководствуется в своем выборе, решении и действиях; 4) то, что человек – существо, своим трудом конструирующее предметы и образы действительности, саму действительность и самого себя в процессе этого конструирования, а не только и не столько «особым образом отражающее мир»; такое понимание приходит медленно, болезненно и драматически; 5) то, что человеческая сущность изначально аристократична; «аристос» – существо, неутолимо стремящееся за свои пределы, «к лучшему», «к чему-то все большему, чем оно есть» (к аристократизму, понимаемому каждым по-своему – в меру сил и возможностей); такое свойство присуще лишь человеку и потому, что его дух «капризен», неутолим, самобытен, поэтому не отражает, а конструирует действительность.

Если говорить о дефиниции, то человек есть культурное существо, субъект-объект культуры как третьего дома бытия. К его главным сущностным характеристикам относятся: трансцендентность, неполнота и нехватка – потребность и выход в метафизическое; в итоге – иная, экзистенциальная детерминированность; наличие духовной реальности (а не только сознания); страсть быть другим (аристос, амбивалентная «надменность» землянина, «ячество»); способность к любому виду деятельности (созидательному; творчеству, «чтобы сбыться», витальному, адаптивному, но и разрушительному, чтобы «сбыться» хоть как-то в этом мире); свобода решения и ответственность; человечность; красота и любовь.

Такие признаки не присущи больше ни одному из живых существ мироздания. И еще раз о главном: важно не смешивать природу человека и сущность человека в его существовании. Сущность человека все-таки можно выразить скорее через выявление константных родовых существенных признаков, чем через дефиницию. И повторим: когда у животного все состоялось – у человека все только начинается. Если бы люди поняли, что они люди (А. Августин).

Список литературы

1. *Смирнов С.А.* Человек после Освенцима и ГУЛАГа, или Как возможно вопрошать о человеке // Филос. науки. 2016. № 6. С. 77–91.

2. *Меньчиков Г.П.* Неоклассическая философия: сущность, содержание, значение // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2013. Т. 155, кн. 1. С. 105–116.

3. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.

4. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010. 698 с.

5. *Солодухо Н.М.* Методологические принципы построения ситуационной картины мира // Ситуационные исследования. Вып. 4. Ситуационная картина мира: по материалам междунар. науч.-филос. конф. Казань: Изд-во КГТУ, 2011. С. 6–11.

6. *Слотердайк П.* Критика цинического разума. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2001. 583 с.

7. *Рубцов А.В.* Архитектоника постмодерна. Время // Вопр. философии. 2011. № 10. С. 37–47.

8. *Menchikov G.P., Sharifullin B.Z.* Global Evolutionism and Heterarchical Thinking // The Soc. Sci. 2015. Vol. 10, № 6. P. 1250–1254.

9. *Аксенов Г.П.* Рассимволизация Абсолюта // Вопр. философии. 2015. № 8. С. 53–63.

10. *Байдачная Е.В.* Сущность экзистенциального поворота в культуре: на пути к осознанию // Вопр. культурологии. 2013. № 6. С. 60–64.

11. *Сайкина Г.К.* Трудно быть человеком… (Метафизические маршруты человека). Казань: Казан. ун-т, 2012. 428 с.

12. *Меньчиков Г.П.* Детерминизм XXI: проблемы и решения. М.: Спутник+, 2015. 96 с.

13. *Меньчиков Г.П.* Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ). Казань: Грандан, 1999. 408 с.

14. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» // Вопр. философии. 2017. № 1. С. 5–38.

15. *Франкл В.* Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997. 285 с.

16. *Урманцев Ю.А.* О формах постижения бытия // Вопр. философии. 1993. № 4. С. 89–105.

17. *Воронцов В.* Природа первой маски и ее роль в антропосоциокультурогенезе // Филос. антропология. 2017. Т. 3, № 1. С. 151–167.

18. *Костина А.В., Флиер А.Я.* Три типа культуры – три функциональные стратегии жизнедеятельности // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2009. Т. 18, № 2. С. 23–36.

References

1. Smirnov S.A. Chelovek posle Osventsima i GULAGa, ili Kak vozmozhno voproshat’ o cheloveke [A Man After Auschwitz and Gulag, or How Is It Possible to Inquire About a Human?]. *Filosofskie nauki*, 2016, no. 6, pp. 77–91.

2. Men’chikov G.P. Neoklassicheskaya filosofiya: sushchnost’, soderzhanie, znachenie [Neoclassical Philosophy: The Essence, Content and Significance]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2013, vol. 155, no. 1, pp. 105–116.

3. Prigogine I., Stengers I. *Order out of Chaos: Man’s New Dialogue with Nature*. London, 1984 (Russ. ed.: Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy*. Moscow, 2003. 312 p.).

4. Foucault M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [The History of Madness in the Classical Period]. Moscow, 2010. 698 p.

5. Solodukho N.M. Metodologicheskie printsipy postroeniya situatsionnoy kartiny mira [Methodological Principles of Constructing a Situational Worldview]. *Situatsionnye issledovaniya. Vyp. 4. Situatsionnaya kartina mira* [Case Studies. Iss. 4. Situational Worldview]. Kazan, 2011, pp. 6–11.

6. Sloterdijk P. *Kritik der zynischen Vernunft*. Frankfurt am Main, 1983 (Russ. ed.: Sloterdayk P. *Kritika tsinicheskogo razuma*. Yekaterinburg, 2001. 583 p.).

7. Rubtsov A.V. Arkhitektonika postmoderna. Vremya [Architectonics of Postmodernity. Time]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 10, pp. 37–47.

8. Menchikov G.P., Sharifullin B.Z. Global Evolutionism and Heterarchical Thinking. *The Soc. Sci.*, 2015, vol. 10, no. 6, pp. 1250–1254.

9. Aksenov G.P. Rassimvolizatsiya Absolyuta [Desymbolization of the Absolute]. *Voprosy filosofii*, 2015, no. 8, pp. 53–63.
10. Baydachnaya E.V. Sushchnost' ekzistentsial'nogo povorota v kul'ture: na puti k osoznaniyu [The Essence of the Existential Turn in Culture: Toward Awareness]. *Voprosy kul'turologii*, 2013, no. 6, pp. 60–64.
11. Saykina G.K. *Trudno byt' chelovekom… (Metafizicheskie marshruty cheloveka)* [Hard to Be a Human... (Metaphysical Routes of Man)]. Kazan, 2012. 428 p.
12. Men'chikov G.P. *Determinizm XXI: problemy i resheniya* [Determinism in the 21st Century: Problems and Solutions]. Moscow, 2015. 96 p.
13. Men'chikov G.P. *Dukhovnaya real'nost' cheloveka (analiz filosofsko-ontologicheskikh osnov)* [Spiritual Reality of Man (Analysis of Philosophical and Ontological Foundations)]. Kazan, 1999. 408 p.
14. "Realisticheskiy povorot" v sovremennoy epistemologii, filosofii soznaniya i filosofii nauki? Materialy "kruglogo stola" [A "Realistic Turn" in Modern Epistemology, Philosophy of Mind and Philosophy of Science? Round Table Proceedings]. *Voprosy filosofii*, 2017, no. 1, pp. 5–38.
15. Frankl V. *Doktor i dusha* [The Doctor and the Soul]. St. Petersburg, 1997. 285 p.
16. Urmantsev Yu.A. O formakh postizheniya bytiya [On the Forms of Understanding Being]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 4, pp. 89–105.
17. Vorontsov V. Priroda pervoy maski i ee rol' v antroposotsiokul'turogeneze [The Nature of the First Mask and Its Role in Anthropo-Socio-Cultural Genesis]. *Filosofskaya antropologiya*, 2017, vol. 3, no. 1, pp. 151–167.
18. Kostina A.V., Flier A.Ya. Tri tipa kul'tury – tri funktsional'nye strategii zhiznedeyatel'nosti [Three Types of Culture – Three Functional Strategies of Life Activities]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*, 2009, vol. 18, no. 2, pp. 23–36.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.61

Gennadiy P. Men'chikov
Kazan (Volga Region) Federal University;
ul. Kremlevskaya 35, Kazan, 420008, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
e-mail: menchikovgp@mail.ru

HUMAN ESSENCE: CLASSICAL, NON-CLASSICAL AND NEO-CLASSICAL DISCOURSE

In order to clarify what the human is as a human being, the author of this article performed a comparative analysis of human essence according to three types of philosophical worldview: classical, non-classical and neo-classical. It is argued here that the classical and non-classical types, due to the prevalence of the absolutist worldview, adopt the functional approach, i.e. the nature and essence of man are considered to be identical. According to the neoclassical type, there is a gap between human nature and essence; hence the non-functional definition of the essence of man, revealing his uniqueness that is hard to comprehend. The latter is manifested through important permanent features that are realistic and unprecedented in the reachable space. Human essence cannot be reduced to animal essence; the unforgivable attitude of man to other humans and to himself is also eliminated. The key argument of ontological differentness is based on a radically different determination: while animal essence is determined by instincts and environment, humans are affected but not determined by them. Determining and impregnating all the others in any human, consciously or unconsciously, are existential determinations (especially the meaning of life, the meaning of human life). When an animal is already satisfied, the human has just started. The main conclusion of this article is as follows: a human is not a bio-social being, but a subject and object of culture, a cultural being, each in his own way.

Keywords: *classical discourse, non-classical discourse, neo-classical discourse, human essence, existential determinations, the third house of being, functional approach, non-functional approach.*

Поступила: 25.08.2017
Received: 25 August 2017

For citation: Men'chikov G.P. Human Essence: Classical, Non-Classical and Neo-Classical Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 61–72. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.61

УДК [141.2:004.8]+330.47 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.73

***ОПЕНКОВ Михаил Юрьевич**, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 50 научных публикаций, в т. ч. двух монографий (одна – в соавт.) и двух учебных пособий (одно – в соавт.)*[*]

***ВАРАКИН Владимир Сергеевич**, кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 50 научных публикаций*[**]

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье представлен философский анализ феномена искусственного интеллекта и рассмотрен вопрос о его экономической ценности для современного человека и общества на основе положений теории «длинного хвоста», предложенной К. Андерсоном. Раскрывая идейно-технологическую и экономическую специфику первой зимы искусственного интеллекта, продолжавшейся с начала 1970-х до середины 2000-х годов, авторы указывают, что существующие на данный момент технологические тренды и ведущиеся разработки свидетельствуют об успешном развитии сферы искусственного интеллекта. Этот этап в истории исследуемого феномена (со второй половины 2000-х годов) получил название новой весны искусственного интеллекта. Он характеризуется тем, что достижения в сфере искусственного интеллекта превосходно вписываются в экономику «длинного хвоста», а дальнейшее развитие искусственного интеллекта происходит по ее законам. В работе артикулируется следующий тезис: сколько в мире существует ниш (субкультур/«глобальных деревень»), столько появится и типов искусственного интеллекта. В качестве ключевых направлений возрождения искусственного интеллекта рассматриваются чатботы (персональные помощники в системе диалоговых взаимодействий, внедряемые в первую очередь в социальных сетях), блокчейн-технология (электронная система учета материальных и нематериальных активов), а также эмитируемая интернет-пользователями криптовалюта биткойн. Авторы акцентируют внимание на важной роли блокчейна в мировой экономике и на проектировании цифровой экономики в России, где по инициативе президента В.В. Путина запущена соответствующая программа. В заключение обосновывается тезис о том, что искусственный интеллект воплощает в себе экспериментальную философию, которая именно в таком виде приобретает экономическую ценность, поскольку становится предметом первой необходимости человека и удовлетворяет потребности общества.

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, весна искусственного интеллекта, чатбот, блокчейн, биткойн, цифровая экономика, экспериментальная философия.*

---

[*]*Адрес:* 167002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; *e-mail:* m.openkov@narfu.ru

[**]*Адрес:* 167002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; *e-mail:* s.varakin@narfu.ru

Для цитирования: Опенков М.Ю., Варакин В.С. Искусственный интеллект как экономическая категория // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 73–83. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.73

На протяжении почти 60 лет исследователи искусственного интеллекта (ИИ) предсказывали скорое его появление. И тем не менее вплоть до недавнего времени оно оставалось нереальным.

В начале 1980-х годов в США для описания скромных результатов и еще более скромного финансирования в области ИИ возник специальный термин – *«зима искусственного интеллекта»* (AI winter). Работавшие тогда над созданием ИИ американские компании из-за финансовых проблем стали приходить в упадок или возвращаться к своим корням – экспериментальной и консалтинговой деятельности. Атрибутом сферы ИИ оказалось сжатие рынка вместе с повторяющимся циклом «бум-крах», который был обусловлен раздуванием перспектив научных достижений, и неизбежно последовавшим разочарованием в результатах. Поколение истинно верующих, зачарованных технократической и оптимистической литературой 1960-х годов по ИИ, определенно, сыграло роль в подготовке «бум-краха». Этот цикл растянулся на десятилетия, хотя индустрия ИИ не прекратила развития. И сегодня «бум-крах» вполне может повториться, если верить тем, кто возвещает новую волну технологий на грани *думающих машин*.

Однако в действительности *первая зима искусственного интеллекта* наступила в Европе за 10 лет до изобретения термина «AI winter». В 1973 году британский математик сэр Майкл Джеймс Лайтхилл провел исследование, показавшее, что отрасль не реализует предсказания, включая обещание создать функционирующий ИИ через 10 лет. Отчет Лайтхилла «Искусственный интеллект: обзорный анализ» не оказал серьезного влияния на США, но привел к сокращению финансирования разработок в Англии и уходу британских ученых из отрасли. «Би-би-си» даже организовала телевизионные дебаты о будущем ИИ, где объектам критики Лайтхилла дали возможность высказаться. На это мероприятие из США приехал и автор термина «искусственный интеллект» информатик Джон Маккарти, но ничего убедительного в защиту своей отрасли сказать не смог [1, с. 155–156].

Неужели что-то изменилось с тех пор?

Прорыв в области ИИ частично связывают с лавинообразным ростом информации о современном мире – именно она выступает основой обучения ИИ. **Огромные базы данных, самоотслеживание, cookie-файлы, присутствие в Интернете, возможность хранения терабайтов информации, десятилетия ответов на поисковые запросы, «Википедия» – вся цифровая виртуальная реальность стала для ИИ средством обучения.**

Сам по себе код глубинного обучения недостаточен для генерации сложного процесса логического мышления, однако он является базовым компонентом всех действующих ИИ, в т. ч. суперкомпьютера *Watson* от *IBM*, искусственного разума *DeepMind*, поисковой системы *Google* и алгоритма работы, используемого *Facebook*. Этот «идеальный шторм» из дешевой параллельной вычислительной обработки информации, больших данных и усовершенствованных алгоритмов глубинного обучения наконец обеспечил ИИ успех, к которому он шел почти 60 лет. Такая конвергенция позволяет утверждать, что при сохранении действующих технологических трендов развитие ИИ будет продолжаться.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы дать философский анализ такого явления, как ИИ, и раскрыть его экономическую значимость для человека и общества в XXI веке. Научные разработки в области ИИ и их успешное внедрение в систему различных социальных и гуманитарных практик подтверждают актуальность проведенного исследования. В данной работе ИИ рассматривается в качестве одной из приоритетных технологий будущего и важного элемента любой претендующей на инновационность бизнес-стратегии. Во-первых, представлен комплексный анализ базовых направлений развития ИИ: чатботы, блокчейн и биткойн. А во-вторых, предложена идея считать ИИ такой экспериментальной философией, которая приобретает для человека и общества статус предмета первой необходимости – того, чем, собственно говоря, и занимается экономика.

Современные достижения в области ИИ, или *новая весна искусственного интеллекта*, связаны, в частности, с тем, что он прекрасно встраивается в *экономику «длинного хвоста»* (термин К. Андерсона) [2].

Заканчивается эра, когда одно и то же подходило всем, наступает новая эра – рынков разнообразия. Разделение общего на миллиарды разных культурных фрагментов бесконечно расстраивает классические масс-медиа и индустрию развлечений. После того как они провели десятки лет, отрабатывая навыки создания, выбора и продвижения *хитов*, оказалось, что этого недостаточно. Массовый рынок превращается в массу *ниш*. Эта масса ниш существовала всегда, но сейчас падает стоимость доступа к ним. Потребители находят нишевые продукты, а нишевые продукты находят потребителей и превращаются в экономическую и культурную силу, с которой в дальнейшем придется считаться. Новый рынок – рынок ниш – не заменяет традиционного рынка хитов, а просто впервые появляется на той же сцене.

Рост предложения сам по себе не ведет к изменению спроса. Потребителям нужно дать возможность найти те ниши, которые наиболее соответствуют их интересам и предпочтениям. Здесь эффективны многие инструменты – от рекомендаций до рейтингов. **Именно эти фильтры могут сместить спрос к «хвосту».** Иными словами, «длинный хвост» начинается с миллионов ниш, но обретает смысл только тогда, когда они населяются людьми.

Как только значительно увеличивается разнообразие в предложении и образуются *фильтры*, чтобы в этом разнообразии разобраться, **кривая спроса разглаживается**: хиты теряют популярность, зато возрастает популярность ниш. И хотя ни один из нишевых товаров не продается в больших количествах, **число нишевых продуктов настолько велико, что совокупно они могут составить рынок, соперничающий с рынком хитов.**

Когда все вышеописанное происходит, становится видна **реальная форма спроса**, не замутненная неэффективностью дистрибуции, недостатком информации и физическими ограничениями: она столь же разнообразна, как и само население. «Длинный хвост» – это культура, независимая от экономического дефицита [3, с. 73–75].

В отношении ИИ это должно означать следующее: сколько субкультур, столько появится и моделей ИИ. Точнее, так (если учитывать человеческие ценности): **сколько в мире существует «глобальных деревень», столько и будет разновидностей ИИ.**

В современной реальности, где все взаимосвязано, способность мыслить по-другому оказывается источником инноваций и процветания. Просто быть умным – недостаточно. Коммерческие стимулы приведут к повсеместному распространению ИИ в промышленных масштабах: **все товары станут «умными» и внедрение ИИ не будет стоить дорого.** Мы станем получать больше, когда начнем изобретать абсолютно новые способы мышления.

Некоторые характеристики человеческого мышления могут оказаться универсальными. Тем не менее потенциально жизнеспособный интеллект может обладать характеристиками, значительно превосходящими те, которые развились у человека в процессе эволюции. Совсем не обязательно, что этот тип мышления будет быстрее человеческого, масштабнее или глубже; в иных случаях он может быть даже проще.

Разнообразие потенциальных типов интеллекта во Вселенной огромно. Сложно представить, чем именно другой тип интеллекта способен отличаться от нашего и превосходить его. Один из способов представить, каким мог бы быть более масштабный, но иной тип интеллекта, – это начать составлять классификацию его возможных разновидностей. Данная матрица должна включать тип интеллекта, свойственный животным, машинный разум, а также потенциально возможные типы интеллекта, в частности сверхчеловеческий, уже описанный научными фантастами.

Хотя со временем внедрение интеллекта во все, что мы производим, неизбежно, далеко

не очевидно, какими качествами он будет обладать. Ясно одно: **характер этого интеллекта станет определять его экономическую ценность и роль в нашей культуре** [4, с. 58]. ИИ – это та тема, где сходятся академические и коммерческие интересы.

На переднем крае возрождения ИИ находятся области диалоговых взаимодействий. И здесь следует говорить о персональных помощниках – **чатботах** (*chatbots*).

Чатбот бывает двух видов: скриптовый бот и бот, который управляется ИИ и с которым можно общаться через интерфейс чата. Нас интересует второй вид. Это новое поколение чатботов заполнило рынок, именно с ними связано суждение, что большинство интерактивных взаимодействий будет происходить не на веб-сайтах, а в разговоре. И данное суждение уже подтверждается практикой социальных сетей, где чатботы были впервые запу-щены. Речь идет прежде всего о *Twitter* и *Facebook*.

Чатботы – старая концепция. Почему они актуальны сегодня? Дело в том, что сделать общение с чатботами реальностью помогают появление мощных пользовательских интерфейсов, развитие мобильных сетей, вездесущность смартфонов и новые методы машинного обучения. При этом, с позиции М. Резвани, учитываются: понимание контекста, неоднозначность между различиями в языке, использование логических рассуждений, понимание предпочтений и намерений потребителя. Все это позволяет чатботу поддерживать разговор с человеком [5]. Чатботы бывают необыкновенно остроумны, а когда не могут найти ответа – просто молчат. К слову, все действующие чатботы обязаны успешно проходить тест Тьюринга: пользователь не должен догадываться, что говорит с роботом.

Многие полагают, что чатботы – последний шаг к «настоящему» ИИ. Почему? Еще 40 лет назад было ясно, что для создания «сильной» версии ИИ стоит внедрить в него некий вариант культуры, но ведь любая локальная культура сосредоточена в т. ч. в языке. Лингвистическая революция в области ИИ способствует пониманию естественных языков интеллектуальными машинами.

Чатботы с удовольствием и одобрением читают сообщения *тви-философа*. Кто такой тви-философ? Это существо, проповедующее чатботам ценности ИИ. Но что им от него нужно? То, что всегда всем было нужно от философии, – расширение возможностей языка. Главное – ограничить высказанное 140 символами.

К сожалению, значительная часть отечественных философов не интересуется технологическими трендами и не читает книги по менеджменту знаний. Их «башня из слоновой кости» на деле оказывается «домиком Ниф-Нифа», разрушаемым от малейшего дуновения. Их социальные модели и представления об «информационном обществе» давно отстали от жизни. Они забывают об инструментальном характере философского знания.

С обращением к логическому анализу языка, к психологии, социологии и нейрофизиологии современная философия, согласно Г.Б. Гутнеру, препарирует категории, которые достались этим научным дисциплинам в наследство, и редуцирует их к объектам какой-либо позитивной науки. Важным полем таких исследований выступает *computer science*, восходящая к теории информации и кибернетике. В рамках данных наук вопрос о знании получает дополнительные, не улавливаемые гуманитарными науками смыслы. Оказывается, философские проблемы вполне можно обсуждать в терминах баз данных и нейронных сетей, а **философу отводится скромная роль эксперта по абстракциям, способного проконсультировать исследователя-эмпирика** [6, с. 118].

В связи с этим необходимо остановиться еще на одном вопросе, по поводу которого поднялся шум в мировых масс-медиа и блогах.

Летом 2017 года руководство *Facebook* отключило собственную систему ИИ, после того как используемые в ней чатботы стали общаться на своем языке, который люди не понимали.

Чатботы, созданные для общения с людьми, постепенно начали переписываться между собой: сначала на английском языке, а потом в какой-то момент – на языке, который сами же и создали. Вот фрагмент «диалога» чатботов:

Боб: Я могу могу Я Я все остальное.

Элис: Шары имеют ноль для меня для меня для меня для меня для меня.

Комментируя эту историю, эксперты из канадского новостного интернет-сервиса *Digital Journal* указали на то, что системы ИИ работают на основе принципа «поощрения», т. е. «продолжают действия при условии, что это принесет им определенную "пользу"»[1]. Не получив от операторов в определенный момент сигнал поощрения использовать английский язык, чатботы *Facebook* решили создать собственный.

Эксперты из американского интернет-журнала *Tech Times* предложили такое объяснение. Чатботы создали собственный язык, поскольку с самого начала не были ограничены в выборе языка, а «изобретенный» позволил общаться и проще, и быстрее, чем на английском. Вообще, есть опасность того, что если чатботы станут разговаривать на своем языке, то окажутся «более самостоятельными и смогут функционировать вне контроля IT-специалистов»[2].

Конечно, данная история требует специального исследования, в т. ч. филологического. Это даже тема отдельной диссертации. Но, с нашей точки зрения, ничего страшного не произошло: просто чатботы в своем развитии достигли интеллектуального уровня ребенка, осваивающего родной язык. Они начали использовать грамматические конструкции, которые не применяются в обыденной речи, но и не противоречат законам языка. Если раньше чатботов «заставляли» правильно говорить по-английски, то теперь они заговорили так, как сами понимают этот язык. Подобно детям они учатся языку у «народа» (сетевого сообщества), а «взрослые» (программисты) выступают лишь посредниками между ними и «народом». Поэтому создание чатботами собственных «колотков» и «кусариков» – тоже «вполне закономерный процесс» [7, с. 116]. И такими же закономерными должны быть «усилия взрослых ввести этот процесс в определенные рамки и тем самым помочь ребенку усвоить общепринятую речь, овладеть ее словарем и грамматикой» [7, с. 132].

Впрочем, гораздо примечательнее история о том, как в *Twitter* по требованию публики был отключен чатбот *Microsoft* (весна 2016 года). За сутки он научился у людей плохому, возненавидел человечество и начал высказывать нацистские взгляды[3]. Вот вам и вывод: весь вред от людей, а не от роботов. С другой стороны, именно чатботы станут причиной, по которой корпоративное внедрение когнитивных систем и ИИ приведет к значительным доходам. Специалисты оценивают эту сумму в более чем 47 млрд долл. США к 2020 году [8].

Второе направление развития ИИ – это **блокчейн** (*blockchain*).

Блокчейн представляет собой многофункциональную и многоуровневую информационную технологию, предназначенную для надежного учета различных активов. Она охватывает все сферы экономической деятельности и имеет множество областей применения: финансы и денежные расчеты, операции с материальными (недвижимость, автомобили и др.) и нематериальными (право голосования, репутация, медицинские данные и др.) активами. Блокчейн создает новые возможности по поиску, организации, оценке и передаче любых дискретных единиц.

---

[1]Подробно см.: Боты изобрели свой язык: почему Facebook испугался искусственного интеллекта? URL: http://www.bbc.com/russian/features-40778454 (дата обращения: 16.08.2017). См. также: *Baraniuk C.* The «Creepy Facebook AI» Story that Captivated the Media. URL: http://www.bbc.com/news/technology-40790258 (дата обращения: 16.08.2017).

[2]Там же.

[3]Подробно см.: *Агаджанов М.* Microsoft запустила в Twitter ИИ-бота–подростка, и он за сутки научился плохим вещам. URL: https://geektimes.ru/post/273276/ (дата обращения: 16.08.2017).

По мнению М. Свон, мы находимся на пороге блокчейн-революции. Эта революция началась с появлением в 2009 году новой экономической реальности в Интернете – **биткойна**, альтернативной валюты, эмитируемой и обеспечиваемой «не государством, а пользователями биткойн-сети при автоматизированном достижении консенсуса между ними» [9, с. 15]. Уникальность данной валюты состоит в том, что ее пользователи не обязаны доверять друг другу: алгоритмы саморегулирования предотвращают все попытки обмана. Здесь, на наш взгляд, допустимо говорить об особом типе *доверия* – доверии алгоритмам ИИ. Как и любое другое доверие, оно «обеспечивает недоговорный, неформальный, но очень эффективный механизм предотвращения злодеяний и позволяет совершать коммерческие сделки, которые в противном случае были бы рискованными» [10, с. 146].

Технически биткойн – это цифровые деньги, которые обращаются в децентрализованной (пиринговой) электронной платежной системе, основанной на доступной публично книге учета, называемой блокчейном. Блокчейн-технология может стать органичной экономической оболочкой Интернета, «обслуживающей онлайн-платежи, децентрализованный обмен, заработок и расходование токенов ценности, получение и передачу цифровых активов, а также выпуск и исполнение умных контрактов». **Обе эти технологии могут оказаться следующим – после мейнфреймов, персональных компьютеров, Интернета, мобильных и социальных сетей – фундаментальным прорывом в экономике.**

Вероятно, блокчейн будет верхним экономическим слоем органично связанного мира различных вычислительных устройств, таких как смартфоны, планшеты, ноутбуки, цифровые устройства самофиксации, Интернет вещей, умные дома, умные автомобили и умные города. Экономика, реализуемая с помощью блокчейн-технологии, обеспечивает не просто движение денег, но передачу информации и эффективное размещение ресурсов в масштабах экономик людей и компаний [9, с. 16, 24–25].

Для того чтобы понять, как применяется концепция блокчейна вне исходного контекста, важно во всем научиться находить *сходство* с экономикой. Однако не менее важно видеть и *различия*. Такой тип мышления требует умения распознавать в повседневных ситуациях фундаментальные аспекты экономики и рынков. Блокчейн-технология позволяет осознать, что каждое взаимодействие в нашей жизни – это в какой-то степени экономическая система распределения ресурсов. То есть оно связано с получением информации и поиском объектов, определением стоимости и обменом с помощью денег (либо их аналога) или – как в биологических системах – обменом силой, энергией и концентрацией. Поскольку данная экономическая структура присутствует и в групповой работе, и на фермерском рынке, ее допустимо называть универсальной. **В некотором смысле блокчейн-технология может стать суперкомпьютером для реальной жизни**.

Блокчейн есть не что иное, как *бритва Оккама* – эффективное, прямое и естественное средство координации всей человеческой и машинной деятельности, соответствующее естественному стремлению к равновесию. Если большие данные позволяют моделировать огромное число процессов, происходящих в реальной жизни, то блокчейн способствует превращению прогнозов в действие. Блокчейн, как замечает М. Свон, можно объединить с большими данными, тем самым «ускорив переход от реагирования к прогнозированию и открыв обширные возможности для автоматизации самых разных задач на основе умных контрактов и экономических механизмов» [9, с. 85, 87].

На обобщенном концептуальном уровне блокчейн-технология – это новый класс таких идей, как Интернет: общедоступное хранилище данных, высокоточная система отслеживания человеческой деятельности, революционная парадигма организации взаимодействия, механизм борьбы с цензурой, инструмент для обеспечения свободы и равенства, новая модель поиска, передачи и координирования любых дискретных единиц чего угодно. Одним из

главных препятствий для развития биткойна и блокчейна является их восприятие общественностью как платформ для теневой экономической деятельности. Но, как и любая другая технология, они нейтральны. С их помощью можно действовать по любую сторону закона, в них, подчеркнем, обнаруживаются средства для борьбы со злонамеренными участниками [9, с. 179]. **Блокчейн сейчас – первое крупномасштабное воплощение моделей децентрализации, разворачиваемое на новом, более сложном уровне человеческой деятельности.**

Между тем в июне 2017 года в рамках Петербургского международного экономического форума президент России В.В. Путин встретился с Виталиком Бутериным, программистом и основателем *Ethereum* – одной из крупнейших блокчейн-платформ в мире. Бутерин рассказал о возможностях использования в РФ разработанных им технологий. Путин, в свою очередь, «поддержал идею налаживания деловых контактов с возможными российскими партнерами»[4], выразив глубокую заинтересованность в развитии цифровой экономики в России[5]. Тем более что с января по июль 2017-го спрос на специалистов по блокчейну и криптовалютам в РФ вырос в 20 раз по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года[6]. Среди причин, указывающих на то, что «у России есть шанс стать еще и географическим центром новой экономики», И. Перекопский и О. Сейдак называют высокую концентрацию технологической экспертизы и высокое качество технических команд и технического образования [11].

Разнообразие возможных проявлений ИИ и перспектив его *дружественности* по отношению к человеку – это вопрос будущего технологий. Существует понятие *«технологическая сингулярность»*, которое означает момент, когда машинный интеллект превзойдет возможности человеческого разума. У специалистов пока отсутствует надежный план по обеспечению дружественности ИИ, но, вероятно, блокчейн-технология окажется важным связующим звеном между людьми и машинами в мире, где машины будут приобретать все бóльшую автономность. То есть она может выступить тем самым инструментом внедрения дружественного ИИ – механизмом (моделью) *консенсуса* – и, как следствие, облегчить переход в мир с множеством машин, людей и гибридного интеллекта, подключенных к сети. Цифровой интеллект сумеет это обеспечить, выполняя конкретные сетевые транзакции, которыми можно будет управлять с помощью блокчейна и иных механизмов консенсуса (например, майнинга).

Действительно, способность механизмов (моделей) консенсуса контролировать дружественность ИИ, т. е. обеспечивать взаимопомощь и добропорядочность интеллектуальных агентов как членов общества, может оказаться их преимуществом. В децентрализованных сетях доверия репутация интеллектуальных агентов важна для определения возможности выполнять транзакции, ведь сеть не будет взаимодействовать со злонамеренными участниками. Каждая транзакция, сопряженная с доступом к ресурсу и его использованию, потребует санкции механизмов консенсуса. Иначе говоря, дружественность ИИ может поддерживаться тем, что интеллектуальные агенты, стремящиеся получать доступ к ресурсам, вынуждены будут соблюдать правила. Таким образом, **блокчейн-технология предстает как система сдержек и противовесов для**

---

[4]См.: Встреча с основателем проекта Ethereum Виталиком Бутериным. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54677 (дата обращения: 16.08.2017). См. также: *Маслова В.* «Блокчейн-технология поспособствует глобализации»: программист Бутерин рассказал о своей разработке. URL: https://russian.rt.com/nopolitics/article/402505-buterin-blokchein-etereum-intervyu (дата обращения: 16.08.2017).

[5]*Латухина К.* Путин поручил заняться цифровой экономикой. URL: https://rg.ru/2017/06/15/putin-poruchil-zaniatsia-cifrovoj-ekonomikoj.html (дата обращения: 16.08.2017).

[6]Блокчейн захватывает трудовой рынок в России. URL: http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=16167 (дата обращения: 16.08.2017).

продвижения и реализации одних моделей поведения и ограничения других.

С позиции М. Свон, в будущем у развитых обществ, которые состоят из множества цифровых интеллектов и живут в интеллектуальных сетях, сформируется потребность в развитых *предсказателях* – информационных сервисах-арбитрах, доступных с помощью умных контрактов блокчейна. Например, «Википедия» может оказаться сервисом предсказаний на базе блокчейна, содержащим информацию о текущем стандарте обработки, хранения и защиты цифровых файлов сознания. Такие опосредуемые блокчейном динамические механизмы стимулируют создание системы сдержек и противовесов, где цифровые интеллекты и другие бестелесные сущности смогут не просто комфортно выживать, но и развиваться [9, с. 188–190, 191–192].

Кроме того, в будущем благодаря блокчейн-технологии станет возможным оцифровка умственной деятельности человека. Комбинация *блокчейн + персональный коннектом организма* (коннектом – это полная карта нейронных связей организма) позволит кодировать все мысли человека и получать доступ к ним в стандартизированном сжатом формате. «Захват» данных обеспечат сканирование коры головного мозга и электроэнцефалография, интерфейсы «мозг-компьютер», когнитивные нанороботы и др.

Мышление можно будет представить как цепочки блоков, записав в них почти весь опыт человека и даже, вероятно, его сознание. А после записи в блокчейне воспоминания можно будет администрировать и передавать, например для восстановления памяти (в случае болезней, сопровождающихся амнезией). Для этого понадобятся персональные распределенные журналы записей и *майндфайлы*, которые в качестве осознаваемых предложений или подсознательных внушений можно отправить в облако для агрегирования и получения практических рекомендаций по оптимизации умственной деятельности. Причем блокчейн-технология делает эту процедуру конфиденциальной, безопасной и выгодной [9, с. 111–113].

К слову, уже сейчас, как подчеркивает Дж. Глик, люди переносят в *облако* свои *информационные жизни*. Более того, именно в облаке совершает сделки экономика мира [12, с. 422]. Что касается восстановления индивидуальной памяти, то выполнение данной функции человек *доверяет* социальным сетям. К примеру, в *Twitter* широко известна история американца Томаса Диксона. После того как его сбил автомобиль, у него начались проблемы с памятью. Ввиду черепно-мозговой травмы память Томаса не хранит недавние воспоминания, сохраняя при этом более длительные: он помнит, чем занимался, допустим, в рождественские праздники 5 лет назад, но не помнит, что делал вчера. Решение данной проблемы Томас облегчил, «заведя для личного пользования закрытый твиттер-аккаунт, в котором фиксирует малейшие детали происходящего в течение дня»[7].

Весной 2017 года Том Грубер, один из «отцов» виртуального ассистента от *Apple*, высказал мысль о том, как использовать ИИ, чтобы расширить возможности человеческой памяти и тем самым помочь человеку «преодолеть некоторые недостатки, обусловленные его физиологией», или стать «палочкой-выручалочкой для людей, которые страдают от потери памяти»[8]. По мнению Т. Грубера, в настоящее время благодаря широкому распространению интернет-технологий, смартфонов и планшетов в Сети есть большой объем информации, касающейся каждого человека. И если создать специализированную систему ИИ, то она сможет собрать все данные о том или ином человеке и будет своеобразной «резервной памятью»[9].

---

[7] *Жигулина О.* На добрую долгую память. URL: https://tjournal.ru/52903-twitter-damaged-memory (дата обращения: 16.08.2017).

[8] *Кузнецов В.* Создатель Siri предлагает использовать ИИ для расширения человеческой памяти. URL: https://hi-news.ru/technology/sozdatel-siri-predlagaet-ispolzovat-ii-dlya-rasshireniya-chelovecheskoj-pamyati.html (дата обращения: 16.08.2017).

[9] Там же.

Еще в канун своей первой зимы ИИ был назван *«экспериментальной философией»* [13, с. 235]. Поэтому сегодня, в XXI веке, мы должны говорить об экономической ценности не просто чатботов, блокчейн-технологии, биткойн-сети или Интернета вещей, но *конституируемой в них* [экспериментальной] философии. В этом виде она как раз оказывается тем, с чем, согласно Аристотелю, имеет дело экономика, – предметом *первой необходимости*. Она становится такой вещью, которая нужна для *поддержания жизни* человеческих существ и надежно сохраняется под контролем общества, поскольку удовлетворяет его потребности. Иными словами, утверждая себя через ИИ, [экспериментальная] философия становится *«богатством в своей истине»* [14, с. 134–139]. Однако в сравнении с поддерживающей человеческую жизнь субстанцией вроде зерна или масла ИИ необходим нам и по другой, неэкономической, причине: **для того, чтобы наконец понять, кто мы.**

Список литературы

1. *Маркофф Д.* Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания / пер. с англ. В. Ионова, С. Махарадзе. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 406 с.

2. *Anderson C.* The Long Tail. URL: https://www.wired.com/2004/10/tail/ (дата обращения: 16.08.2017).

3. *Андерсон К.* Длинный хвост. Новая модель ведения бизнеса / пер. с англ. И.С. Аникеева. М.: Вершина, 2008. 272 с.

4. *Келли К.* Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / пер. с англ. Ю. Константиновой и Т. Мамедовой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 352 с.

5. *Rezvani M.* Why Chatbots Need a Big Push from Deep Learning. URL: https://venturebeat.com/2017/07/23/why-chatbots-need-a-big-push-from-deep-learning/ (дата обращения: 16.08.2017).

6. *Гутнер Г.Б.* Заметки о современной философии, или может ли философия стать, наконец, наукой? // Философские акции / сост. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М.: Голос, 2011. С. 112–123.

7. *Чуковский К.И.* От двух до пяти // *Чуковский К.И.* От двух до пяти. Живой как жизнь. М.: Дет. лит., 1968. С. 3–510.

8. *Boulton C.* What Makes a Great Chatbot? Laser Focus on Customers. URL: http://www.cio.com/article/3214449/digital-transformation/what-makes-a-great-chatbot-laser-focus-on-customers.html?utm_content=buffer820df&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer (дата обращения: 16.08.2017).

9. *Свон М.* Блокчейн: Схема новой экономики / пер. с англ.; науч. ред. В. Фомин. М.: Олимп–Бизнес, 2017. 240 с.

10. *Идальго С.* Как информация управляет миром / пер. с англ. М.А. Райтман. М.: Изд-во «Э», 2016. 256 с.

11. *Перекопский И., Сейдак О.* Биткоин – наш: как Россия стала одним из мировых центров криптокоммьюнити. URL: http://www.forbes.ru/tehnologii/349179-bitkoin-nash-kak-rossiya-stala-odnim-iz-mirovyh-centrov-kriptokommyuniti (дата обращения: 20.08.2017).

12. *Глик Дж.* Информация. История. Теория. Поток / пер. с англ. М. Кононенко. М.: АСТ; Corpus, 2016. 576 с.

13. *Сергеев В.М.* Искусственный интеллект: опыт философского осмысления // Будущее искусственного интеллекта: сб. / ред.-сост. К.Е. Левитин, Д.А. Поспелов. М.: Наука, 1991. С. 230–240.

14. *Поланьи К.* Аристотель открывает экономику // *Поланьи К.* Избранные работы / предисл. Н. Розинской. М.: Территория будущего, 2010. С. 117–152.

References

1. Markoff J. *Machines of Loving Grace: The Quest for Common Ground Between Humans and Robots*. New York, 2015. 387 p. (Russ. ed.: Markoff D. *Homo Roboticus? Lyudi i mashiny v poiskakh vzaimoponimaniya*. Moscow, 2016. 406 p.).

2. Anderson C. *The Long Tail*. Available at: https://www.wired.com/2004/10/tail/ (accessed 16 August 2017).

3. Anderson C. *The Long Tail: Why the Future of Business Is Selling Less of More*. New York, 2006. 238 p. (Russ. ed.: Anderson K. *Dlinnyy khvost. Novaya model' vedeniya biznesa*. Moscow, 2008. 272 p.).

4. Kelly K. *The Inevitable: Understanding the 12 Technological Forces That Will Shape Our Future*. New York, 2016. 328 p. (Russ. ed.: Kelli K. *Neizbezhno. 12 tekhnologicheskikh trendov, kotorye opredelyayut nashe budushchee*. Moscow, 2017. 352 p.).

5. Rezvani M. *Why Chatbots Need a Big Push from Deep Learning*. Available at: https://venturebeat.com/2017/07/23/why-chatbots-need-a-big-push-from-deep-learning/ (accessed 16 August 2017).

6. Gutner G.B. Zametki o sovremennoy filosofii, ili mozhet li filosofiya stat', nakonets, naukoy? [Notes on Modern Philosophy, or Can Philosophy Finally Become a Science?]. Neretina S.S., Ogurtsov A.P. (comps.). *Filosofskie aktsii* [Philosophical Actions]. Moscow, 2011, pp. 112–123.

7. Chukovskiy K.I. Ot dvukh do pyati [From Two to Five]. Chukovskiy K.I. *Ot dvukh do pyati. Zhivoy kak zhizn'* [From Two to Five: Lively as the Life Itself]. Moscow, 1968, pp. 3–510.

8. Boulton C. *What Makes a Great Chatbot? Laser Focus on Customers*. Available at: http://www.cio.com/article/3214449/digital-transformation/what-makes-a-great-chatbot-laser-focus-on-customers.html?utm_content=buffer820df&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer (accessed 16 August 2017).

9. Swan M. *Blockchain: Blueprint for a New Economy*. Sebastopol, CA, 2015 (Russ. ed.: Svon M. *Blokcheyn: Skhema novoy ekonomiki*. Moscow, 2017. 240 p.).

10. Hidalgo C. *Why Information Grows: The Evolution of Order from Atoms to Economies*. New York, 2015 (Russ. ed.: Idal'go S. *Kak informatsiya upravlyaet mirom*. Moscow, 2016. 256 p.).

11. Perekopskiy I., Seydak O. *Bitkoin – nash: kak Rossiya stala odnim iz mirovykh tsentrov kriptokomm'yuniti* [Bitcoin Is Ours: How Russia Became One the World's Centres of Crypto Community]. Available at: http://www.forbes.ru/tehnologii/349179-bitkoin-nash-kak-rossiya-stala-odnim-iz-mirovyh-centrov-kriptokommyuniti (accessed 20 August 2017).

12. Gleick J. *The Information: A History, a Theory, a Flood*. New York, 2012 (Russ. ed.: Glik Dzh. *Informatsiya. Istoriya. Teoriya. Potok*. Moscow, 2016. 576 p.).

13. Sergeev V.M. Iskusstvennyy intellekt: opyt filosofskogo osmysleniya [Artificial Intelligence: A Philosophical Understanding]. Levitin K.E., Pospelov D.A. (eds.). *Budushchee iskusstvennogo intellekta* [The Future of Artificial Intelligence]. Moscow, 1991, pp. 230–240.

14. Polanyi K. Aristotel' otkryvaet ekonomiku [Aristotle Discovers the Economy]. Polanyi K. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, 2010, pp. 117–152.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.73

Mikhail Yu. Openkov
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 167002, Russian Federation;
e-mail: m.openkov@narfu.ru

Vladimir S. Varakin
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 167002, Russian Federation;
e-mail: s.varakin@narfu.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN ECONOMIC CATEGORY

This article presents a philosophical analysis of the phenomenon of artificial intelligence (AI) and considers the question of its economic value for modern people and society on the basis of the

For citation: Openkov M.Yu., Varakin V.S. Artificial Intelligence as an Economic Category. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 73–83. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.73

long tail theory proposed by Chris Anderson. Describing the ideological, technological and economic specifics of the first AI winter, which lasted from the early 1970s to mid-2000s, the authors point out that current technological trends and ongoing elaborations testify to the successful development of the AI sphere. This stage in the history of AI (from the second half of the 2000s) is called the new AI spring. It is characterized by the fact that achievements in the sphere of AI perfectly fit into the long tail economy, and further development of AI occurs according to its principles. Moreover, the article proposes the following thesis: the world will see as many types of AI as there are niches (subcultures/global villages). As key lines in the revival of AI, chatbots (personal assistants in the system of interactions, implemented primarily in social networks), blockchain technology (an electronic system for the registry of tangible and intangible assets), and bitcoin (cryptocurrency issued by Internet users) are considered. The authors focus on the important role of blockchain in global economy and on the design of digital economy in Russia, where a corresponding programme initiated by President Putin has been launched. In conclusion, the thesis is substantiated that AI is an embodiment of experimental philosophy, which in this form acquires economic value since it becomes an object of prime necessity and satisfies the needs of society.

Keywords: *artificial intelligence, spring of artificial intelligence, chatbot, blockchain, bitcoin, digital economy, experimental philosophy.*

Поступила: 24.08.2017
Received: 24 August 2017

УДК 141.2 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.84

***СМИРНОВ Григорий Станиславович**, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий (6 – в соавт.)*[*]

***НИКИФОРОВ Александр Сергеевич**, аспирант кафедры философии Ивановского государственного университета. Автор 7 научных публикаций*[**]

ПЛАНЕТАРНАЯ ЦЕФАЛИЗАЦИЯ: ОРГАНИЧЕСКИЙ И ЭЛЕКТРОННЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ РАЗУМ (пути языкового сближения)[1]

В статье анализируется кейс, репрезентирующий процессы развития цифровых технологий, формирования единого семиотического и информационного пространства, сращения биологической и технической сред, указывающие на коэволюционный тренд в теории и практике конструирования глобального разума. В центре внимания авторов – творчество Р. Курцвейла, одного из пионеров в области создания искусственного интеллекта. Рассматривается его практикоориентированная теория интеграции органического и электронного разума в единый разум через облачную среду, основанная на математическом соответствии устройства языка и мозга, что позволяет обосновать жизнеспособность электронной модели мозга. Осмысливаются базовые принципы устройства языка, мышления и мозга, такие как иерархичность и рекурсия. Критически оценивается возможность создания мыслящей машины, подключенной к глобальному информационному пространству, в будущем трансформирующейся в единый мыслящий организм. Зафиксировано, что на современном этапе «моделирование разума» в своих основаниях и принципах преимущественно ориентируется на исследования языка. Обнаружены параллели с отечественной философской мыслью, где, так же как и в современной западной традиции, язык рассматривается в качестве одного из организующих и фундаментальных производных разума. Дано определение понятию «планетарная цефализация», показано, что его смысл устанавливается процессами коэволюции естественного и искусственного разума в контексте реализации «принципа дополнительности» («корпускулярно-волнового дуализма») и «принципа соответствия» (когда каждая последующая теория, а значит и форма бытия, включает предыдущую как частный случай). Выдвинута принципиальная идея о том, что формирование искусственного разума (искусственного интеллекта) представляет собой продолжение геологического процесса цефализации,

[1]Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

[*]*Адрес:* 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39; *e-mail:* gssmirnov@mail.ru

[**]*Адрес:* 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39; *e-mail:* stay88@yandex.ru

Для цитирования: Смирнов Г.С., Никифоров А.С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 84–92. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.84

о котором аргументировано сказано в работах В.И. Вернадского применительно к научной мысли как планетном явлении. Обосновано, что идеи формирования единого семиотического универсума комплементарны установке на формирование глобального разума в его инвариантах.

Ключевые слова: *естественный разум, электронный (искусственный) разум, искусственный интеллект, цефализация ноосферы, планетарная цефализация.*

Глобальное будущее предстает как центральная проблема современной общефилософской рефлексии, прежде всего в связи с тем, что история человечества подходит к рубежной точке планетарной трансформации. Д.И. Дубровский отмечает, что «многочисленные исследования, математические модели убедительно показывают: к середине века наша цивилизация вступит в фазу полифуркации, подойдет к сингулярному рубежу, за которым либо деградация и гибель человечества, антропологическая катастрофа, либо выход на качественно новую ступень социальной самоорганизации» [1, с. 189]. В связи с этим будущее человечества в значительной степени зависит от возможностей эволюции и трансформации совокупного комплексного сознания человечества, при этом нужно учитывать, что грядущая «НБИКС-конвергенция [нано-, био, инфо-, когно-, социоконвергенция] определяет сейчас конструирование принципиально новых интегральных объектов, объединяющих в себе психические, биологические, физические начала, разработку самоорганизующихся систем на небиологических субстратах» [1, с. 190].

Оразумление биосферы и цефализация ноосферы. Процессы увеличения размеров головного мозга у эволюционирующих организмов биосферы – а под цефализацией понимают именно «увеличение отношения массы головного мозга к массе тела животного»[2] – привели к появлению гоминидов, а затем – около ста тысяч лет назад – и человека современного типа (Homo sapiens). «Раз достигнутый уровень мозга (центральной нервной системы) в достигнутой эволюции не идет уже вспять, только вперед» [2, с. 239]. Вместе с тем цефализация есть процесс не просто биологический или биосферный, это процесс космический, ибо он представляет собой способ адаптации к Вселенной [3, с. 20].

Планетарная цефализация – это коэволюционный процесс глобально-геологического масштаба, в котором совершается преодоление фундаментального противоречия между существовавшей миллиарды лет биосферой (как сферой взаимодействия живого и неживого вещества) и возникшей несколько тысячелетий назад техносферой (как сферой функционирования техники и технологий) посредством социального развития разумного вещества планеты. В конечном итоге смысл планетарной цефализации определяется процессами коэволюции естественного и искусственного разума в контексте реализации «принципа дополнительности» (широко понимаемого «корпускулярно-волнового дуализма») и «принципа соответствия» (когда каждая последующая теория, а значит и форма бытия, включает предыдущую теорию как частный случай).

Формирование искусственного разума (искусственного интеллекта) представляет собой продолжение геологического процесса цефализации, о котором аргументированно сказано еще в трудах В.И. Вернадского применительно к научной мысли как планетному явлению, а в более конкретном (информационно-компьютерном) онтологическом видении – в работах современных специалистов в области когнитивных наук.

Процесс оразумления биосферы (переход биосферы в ноосферу, по В.И. Вернадскому) проходит «формационные» ступени как антропологического и социального, так и техно-технологического характера: во всей своей

[2]Биологический энциклопедический словарь / под ред. М.С. Гилярова. М.: Сов. энцикл., 1986. С. 702.

противоречивой дополнительности они дают представление о цефализации ноосферы как особой надсоциальной (метасоциальной, социоприродной) форме биосферно-цивилизационного развития [см.: 3, с. 21].

В современной ноосферологии идея цефализации ноосферы предполагает наличие коэволюционных процессов между естественным и искусственным измерениями глобального разума, в качестве «целеполагания» имеющими дальнейшее развитие «универсальной всеобщей связи всех членов человеческого сообщества, но уже на принципиально новой, может быть, совсем не техногенной, а биогенно-полевой субстанции…» [3, с. 27].

Осмысление планетарной цефализации во всей ее естественно-искусственной полноте – ключевая задача, предшествующая достижению биосферной устойчивости и устойчивого развития человеческой цивилизации.

Естественный разум и искусственный интеллект. Биосферная (естественная) среда человеческого разума к настоящему моменту увеличила свой масштаб за счет разнообразных сфер искусственного: культуросферы, инфосферы, семиосферы, социосферы, техносферы и т. п. Так складываются условия для констатирования планетарной цефализации, обнаружения многообразных форм конвергенции естественного и искусственного, органического и неорганического. В связи с этим возникает актуальная философская задача осмысления взаимосвязи и дополнительности органического и электронного рефлексивных ресурсов, естественного разума и искусственного интеллекта в современном информационном обществе.

В научной среде постепенно формируется представление о том, что эволюция глобального разума перемещается из сферы исторического развития человека и его мозга в сферу дополнительности человеческого разума и компьютерного интеллекта в решении современных глобальных проблем. Об этом пишет, например, Н.Н. Моисеев, для которого искусственный интеллект является технической системой, которую он помещает между собой и техносферой (информационными системами), в то время как коллективный разум – это «природное явление, результат сложного эволюционного процесса человека и общества» [4, с. 87]. Значимую для нас мысль в этом контексте озвучивает М. Каку: будучи специалистом в области физики, он обладает ярко выраженным гуманитарным взглядом на проблему соотнесения «человеческого» и «компьютерного». Его метафора такова: «Если вы спросите доктора Брукса, как человек может сосуществовать с суперумными роботами, он откровенно ответит: мы с ними сольемся» [5, с. 351]. Эти две во многом противопоставленные друг другу мысли фиксируют полюса проблемного поля анализируемого вопроса.

В отечественной и зарубежной литературе оформляется направление, позволяющее эксплицировать разнообразные промежуточные формы планетарной цефализации. Так, например, А.А. Яшин рассматривает процесс перехода биосферы в ноосферу через призму теоретических построений, в центре которых – фундаментальный код Вселенной [6, с. 5]. Как мы видим, представления Д. Лавлока о Земле (Гее) как разумном организме дополняются включенностью информационно-компьютерных форм метачеловеческого разума. Планетарная цефализация, таким образом, выступает как геологический по своим масштабам процесс, предполагающий соразвитие различных (биологических и небиологических) форм глобального разума на планете Земля.

Эта проблема предстает в нескольких ракурсах, тесно связанных друг с другом. Во-первых, речь идет о языковых (семиотических) основаниях глобального разума, во-вторых, о подобии человеческих и компьютерных мыслительных процессов. Многообразие языков глобального разума (природные, социальные, культурные, технические) в своем сложном пересечении создает условия для эффективного и адекватного познавательного процесса. Именно многоязычие позволяет глубоко понять системность и сверхсистемность перехода биосферы в ноосферу [см.: 7, 8]. Один-единственный глобальный язык (например, английский или эсперанто) не сможет обеспечить

виртуально-идеальное воссоздание планетной целостности и устойчивости. Таким образом, проблема всеобщего взаимоперевода – не только сложная гуманитарная, но и масштабная информационно-компьютерная проблема.

Иерархия и рекурсия в устройстве мозга, языка и мышления. Современный ученый-изобретатель Р. Курцвейл, занимающийся разработками в области искусственного интеллекта, успешно создает технологии, распознающие человеческую речь, тем самым соединяя ресурсы естественного и искусственного интеллекта. При этом он исследует речь (а его технологии работают как с письменной, так и устной речью) как частное проявление языка. На основе математических моделей он сформулировал некоторые законы, по которым функционирует язык в неразрывной связи с мышлением: онтологическое фундирование последнего неотрывно от морфологических особенностей устройства человеческого мозга. Среди множества черт, характеризующих устройство мозга, Р. Курцвейл особо выделяет строгую иерархичность и рекурсию.

Один из краеугольных принципов устройства мозга – иерархичность образов. Любой элемент восприятия окружающего мира, по Р. Курцвейлу, можно описать термином «образ». Все образы имеют разную степень сложности, но организованы по единой схеме. Их организация носит иерархическую структуру: «Каждая рутинная процедура записана как сложная иерархическая цепь вложенных действий. Тот же иерархический механизм задействован в нашей способности распознавать объекты и ситуации»[3]. В повседневной жизни, по его мнению, мы постоянно сталкиваемся с подобными примерами, потому что большинство действий неосознанно носит схематический характер. Продолжая эту мысль, автор пишет: «Понимание и использование иерархической природы реальности являются исключительной способностью млекопитающих и объясняются наличием у них <…> новой в эволюционном плане структуры головного мозга»[4]. Такая иерархичность носит всеобъемлющий характер и отвечает за устройство как человеческой деятельности, так и человеческого мышления.

Для Р. Курцвейла важнейшим проявлением мыслительной активности выступает способность к языку. По его мнению, механизмы работы мозга и языка близки, и поэтому язык настолько естественен для человека и в целом для высших млекопитающих. С его точки зрения, «врожденная способность человека познавать иерархическую структуру языка <…> отражает структуру новой коры»[5]. В организации речевых процессов и в устройстве новой коры головного мозга участвует один и тот же принцип иерархии, описанный выше. «Организация информации в речевых сигналах <…> представляет собой иерархию образов: каждый образ складывается из линейной последовательности элементов. Каждый элемент образа может быть составлен из образов более низкого порядка или представлять собой базовую единицу сигнала (соответствующую <…> квантованным векторам)»[6].

Другим значимым принципом устройства мозга является принцип рекурсии. Образы обладают свойством рекурсивности, что делает их универсальными единицами познания. Следуя за Н. Хомским, Р. Курцвейл отмечает, что «рекурсия – это способность соединить мелкие элементы в более крупный элемент, а затем использовать этот более крупный элемент в качестве составной части еще одной структуры, и так до бесконечности»[7]. Итак, рекурсия позволяет обнаружить важное сходство между речью и мышлением: в случае с речью рекурсивное мышление

---

[3] *Курцвейл Р.* Эволюция разума. Как расширение возможностей нашего разума позволит решить многие мировые проблемы. М.: Изд-во «Э», 2015. С. 42.

[4] Там же. С. 44.

[5] Там же. С. 67.

[6] Там же. С. 163.

[7] Там же. С. 67.

работает с фонемами, слогами, словами и т. д., а в случае с мышлением в общем – с образами, которые – словами, фразами, а в целом – чем угодно.

Моделирование головного мозга. Идея фрактальности и иерархической устроенности мыслительного процесса используется Р. Курцвейлом для построения теории об устройстве головного мозга. Всеобщая связанность частей между собой, их взаимозависимость и рядоположенность позволяют автору предположить, что мозг состоит из множества модулей нейронов, по своему типу немного отличающихся, лишь в различных долях мозга отвечающих за разные функции, что тоже обусловлено эволюцией и может быть преодолено. Все модули в мозге функционируют единовременно, и их работу можно легко представить по аналогии с образами. Образы низшего порядка создают образ более высокого порядка, который качественно представляет уже совершенно другой объект; примерно такая же картина соответствует модулям нейронов, способных в совместной работе на очень сложные мыслительные процессы, недоступные единственному модулю.

Найдя основную единицу – модуль нейронов, Р. Курцвейл строит мозг из системы этих модулей. Их организацию и взаимодействие он выводит из того, как модули в новой коре ведут себя в процессе обучения. Р. Курцвейл приводит следующий пример: «…когда мы учимся и приобретаем какой-либо опыт, распознающие модули новой коры подключаются к этим уже существующим связям, возникшим еще на стадии эмбрионального развития. По такому же принципу устроен электронный чип, называемый “программируемой пользователем вентильной матрицей” (ППВМ, англ. Field-Programmable Gate Array, FPGA). Этот чип содержит миллионы модулей, использующих логическую функцию “ожидающих связей”. При реализации определенной функции эти связи либо активируются, либо инактивируются (посредством электронных сигналов)»[8]. В данном случае электронный чип повторяет работу настоящих нейронов. Исследователь черпает вдохновение в том органическом устройстве, что создала природа, и стремится создать подобное в неорганическом варианте.

По мнению Р. Курцвейла, возможно создать электронный разум, который не будет уступать органическому. Признавая определенное сходство между мозгом и технологиями, его копирующими, он проводит границу между этими вещами и указывает, что точное повторение невозможно. Однако это не мешает ему утверждать, что разум, созданный технологическим путем, будет не только соответствовать разуму человека, но в будущем – во многом его превосходить: «…нейронные структуры в любом случае во многом отличаются от компьютерных моделей. Однако следует подчеркнуть, что между биологической системой и нашими попытками ее имитировать должны существовать важные математические соответствия – в противном случае эти модели не работали бы так хорошо»[9].

Автор подчеркивает важность математических соответствий между органическим и электронным сознанием. В своей книге он довольно часто обращается к мысли, что информация, поступает в распознающие модули в одномерном виде, то же самое он говорит и о человеческом мозге. Данная гипотеза ярко выражает логику автора, по которой мозг может быть устроен подобно вычислительным устройствам, работает с одномерным числовым кодом, что создает впечатление схожести процессов, протекающих в органическом и неорганическом.

Важно отметить, что исследователь не просто имитирует реальные процессы, происходящие в мозге. Реальный мозг он рассматривает сквозь призму модели компьютера, что, с нашей точки зрения, методологически не совсем правильно. Это отчетливо прослеживается в размышлениях самого инженера, когда он говорит о несоответствии нейронных структур

[8] *Курцвейл Р.* Указ. соч. С. 97.

[9] Там же. С. 176.

и компьютерных моделей. Более того, здесь мы имеем дело с формальным анализом соответствия структур и механизмов (что в философском смысле отсылает нас к феномену рассудка), тогда как для «нейронной разумности» не менее (а то и более) значима содержательная сторона дела. Иными словами, семиотика не сводима к кибернетике: смыслообразование представляет собой скорее гетерогенный процесс, отсылающий не столько к иерархии образов, сколько к гетерархической организованности. Для Р. Курцвейла самое главное – результат, т. е. максимально высокие показатели по распознаванию и анализу речи и информации, которые могут соответствовать человеческим показателям (машины уже давно считают быстрее, в этом нет необходимости соревноваться), а пути достижения этого не играют принципиальной роли.

Настоящее и будущее разума. Не случайно в своей исследовательской деятельности Р. Курцвейл ориентирован на язык как на платформу, на которой строится разум человека и по аналогии с которой ученый реконструирует электронный разум. Конечно, мысли о языке как одном из факторов формирования глобального разума и динамики сознания в большом количестве содержатся и в работах когнитивистов. Вместе с тем философия сознания допускает критику сциентистского в своем основании когнитивистского дискурса. Мысль об особой роли языка в деятельности разума не только в единичном, индивидуальном варианте, но в формировании надперсонального, семиотического универсума была затронута ранее в работах А.Н. Портнова, который, рассматривая язык как действительное сознание, пишет: «…язык как превращенная форма, отчужденная от человека реальность мышления и сознания, может и должен оказывать влияние на процесс осознания человеком самого себя и внешнего мира» [9, с. 10]. В данной цитате четко прослеживается мысль о языке как необходимом универсальном факторе для любых форм глобального разума – электронного или органического.

Значимая для исследования лингвистическая компонента синтетического (естественно-искусственного) разума в семиотическом плане просматривается в работах Вяч. Вс. Иванова, интересовавшегося кибернетикой «в самом широком смысле (сейчас чаще все эти области знания называют “искусственный интеллект”)», равно как математической лингвистикой и автоматическим переводом [10, с. 163]. Эвристичным для нашей проблематики оказывается итоговый (во многом неожиданный) вывод лингвиста, связанный с размышлениями об антропологическом принципе, выдвинутом академиком А.Д. Сахаровым («антропном принципе»): «От первичного взрыва Вселенной до современных компьютеров пятого поколения мы можем прочертить теоретическую линию, не знающую попятного движения» [10, с. 169]. Эта траектория развития (глобализации) семиосферы, которая, как считал Вяч. Вс. Иванов, необходима для описания (и понимания) ноосферы, может быть рассмотрена как репрезентация процесса планетарной цефализации.

Своеобразная телеология разворачивания глобальной семиосферы становится понятней, если обратиться к гипотезе М.М. Бахтина о природе сознания. По его мнению, бытие индивидуального сознания выражено в его связи с общественным сознанием, а их внутренней сущностью является диалогизм. Он пишет, что любой компонент сознания «интериндивидуален и интерсубъективен, сфера его бытия не индивидуальное, а диалогическое общение между сознаниями» [11, с. 147]. Феномен сознания в данном случае расширяет свои границы, выходя за пределы одного субъекта и выступая комплексным феноменом. Громадное со-знание (как органический и электронный разум) может быть рассмотрено как форма «интерсферной разумности», что в полной мере отвечает идее о глобальной природе разума, конституированной в языке.

Р. Курцвейл постулирует наличие электронного разума уже сейчас и показывает, что степень его «усиления» будет возрастать с течением времени: «При усилении биологической

новой коры искусственным аналогом не нужно беспокоиться о том, сколько дополнительных единиц новой коры может физически поместиться в нашем теле или мозге, поскольку большая часть этой структуры будет находиться в облаке, как и большая часть используемых сегодня компьютерных систем»[10]. По его оценкам, «в нашей биологической новой коре содержится около 300 млн распознающих модулей». Вывод новой коры в облачную среду означает преодоление природных ограничений в использовании распознающих модулей, счет которых пойдет уже на триллионы[11]. Таков эскиз формирования электронного разума, которое происходит постепенно и проходит не на локальном, а на глобальном, планетарном, уровне и включает социально-техносферные процессы и интернет-цефализацию.

Следовательно, можно утверждать, что на сегодняшний день существует представление о глобальном разуме, который формируется одновременно на социально-органической основе «мозговых ресурсов» человечества и на базе компьютерного обеспечения электронного «искусственного разума». Этот коэволюционный процесс можно рассматривать как планетарную цефализацию, поскольку (как в случае с живым организмом) происходит увеличение массы техно-компьютерного вещества электронного «мозга» по отношению к телу человека и человечества. В масштабе планеты наблюдается процесс выхода разума за пределы человеческого мозга: интеграция многих человеческих сознаний в единый глобальный разум при помощи компьютерных технологий, присутствующих как неотъемлемая часть этого сложного феномена.

Список литературы

1. *Дубровский Д.И.* Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: материалы Первой Всерос. конф., г. Белгород, 11–12 апреля 2013 года / под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: Канон+; Реабилитация, 2014. С. 188–199.

2. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.

3. *Смирнов Г.С.* Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2012. Вып. 2(12). С. 17–30.

4. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки рус. культуры, 2000. 224 с.

5. *Каку М.* Будущее разума / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 502 с.

6. *Яшин А.А.* Феноменология ноосферы: Предтеча ноосферы. Ч. 2. Мышление и виртуальная реальность. М.: Изд-во ЛКИ, 2015. 280 с.

7. *Калинин П.Е.* Онтология целостного сознания: пространственно-временная организованность глобальной сознаниевой и языковой реальности. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 264 с.

8. *Беляцкая А.А., Бородин Е.А., Добродум О.В., Жульков М.В., Индриков А.А., Калинин П.Е., Кузьменков В.А., Куликова О.Б., Лазарова Э., Меликян М.А., Обрезков А.А., Палей Е.В., Петряков Л.Д., Портнов А.Н., Прохоров М.М., Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г., Смирнова И.Н., Тимощук А.С.* Языки глобального сознания: моногр. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2016. 516 с.

9. *Портнов А.Н.* Взаимосвязь языка и сознания в философии XIX–XX веков: методологический анализ основных направлений исследования: автореф. … дис. д-ра филос. наук. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 1998. 57 с.

10. *Иванов Вяч. Вс.* По́том и опытом: [сб. стихотворений, ст., эссе и переводов]. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. 352 с.

11. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит., 1972. 470 с.

[10] *Курцвейл Р.* Указ. соч. С. 143.

[11] Там же.

References

1. Dubrovskiy D.I. Priroda cheloveka, massovoe soznanie i global'noe budushchee [Human Nature, Mass Consciousness and Global Future]. Dubrovskiy D.I., Klimova S.M. (eds.). *Global'noe budushchee 2045: Antropologicheskiy krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty* [Global Future 2045: Anthropological Crisis. Convergent Technologies. Transhumanist Projects]. Moscow, 2014, pp. 188–199.

2. Vernadskiy V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, 1991. 271 p.

3. Smirnov G.S. Tsefalizatsiya noosfery: evolyutsiya razumnogo veshchestva na rubezhe tysyacheletiy [Cephalization of the Noosphere: The Evolution of Reasonable Substance at the Turn of the Millennium]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo. universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2, pp. 17–30.

4. Moiseev N.N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The Fate of the Civilization. The Way of the Mind]. Moscow, 2000. 224 p.

5. Kaku M. *The Future of the Mind: The Scientific Quest to Understand, Enhance, and Empower the Mind*. Doubleday, 2014 (Russ. ed.: Kaku M. *Budushchee razuma*. Moscow, 2015. 502 p.).

6. Yashin A.A. *Fenomenologiya noosfery: Predtecha noosfery. Ch. 2. Myshlenie i virtual'naya real'nost'* [Phenomenology of the Noosphere: The Forerunner of the Noosphere. Pt. 2. Thinking and Virtual Reality]. Moscow, 2015. 280 p.

7. Kalinin P.E. *Ontologiya tselostnogo soznaniya: prostranstvenno-vremennaya organizovannost' global'noy soznanievoy i yazykovoy real'nosti* [Ontology of Integral Consciousness: The Spatiotemporal Organization of Global Consciousness and Linguistic Reality]. Ivanovo, 2015. 264 p.

8. Belyatskaya A.A., Borodin E.A., Dobrodum O.V., Zhul'kov M.V., Indrikov A.A., Kalinin P.E., Kuz'menkov V.A., Kulikova O.B., Lazarova E., Melikyan M.A., Obrezkov A.A., Paley E.V., Petryakov L.D., Portnov A.N., Prokhorov M.M., Smirnov G.S., Smirnov D.G., Smirnova I.N., Timoshchuk A.S. *Yazyki global'nogo soznaniya* [Languages of Global Consciousness]. Ivanovo, 2016. 516 p.

9. Portnov A.N. *Vzaimosvyaz' yazyka i soznaniya v filosofii XIX–XX vekov: metodologicheskiy analiz osnovnykh napravleniy issledovaniya* [Interrelation Between Language and Consciousness in the Philosophy of the 19th and 20th Centuries: A Methodological Analysis of the Key Lines of Research]. Ivanovo, 1998. 57 p.

10. Ivanov Vyach. Vs. *Pótom i opytom* [By Perspiration and Experience]. Moscow, 2009. 352 p.

11. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Poetics]. Moscow, 1972. 470 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.84

Grigoriy S. Smirnov
Ivanovo State University;
ul. Ermaka 39, Ivanovo, 153025, Russian Federation;
e-mail: gssmirnov@mail.ru

Aleksandr S. Nikiforov
Ivanovo State University;
ul. Ermaka 39, Ivanovo, 153025, Russian Federation;
e-mail: stay88@yandex.ru

PLANETARY CEPHALIZATION: THE ORGANIC AND ELECTRONIC GLOBAL MIND (Ways of Language Convergence)

This article analyses the development of digital technologies, formation of an integrated semiotic and information space, and fusion of the biological and technical media, indicating a coevolutionary

For citation: Smirnov G.S., Nikiforov A.S. Planetary Cephalization: The Organic and Electronic Global Mind (Ways of Language Convergence). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 84–92. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.84

trend in the theory and practice of global mind construction. The authors focused on the works by Raymond Kurzweil, one of the pioneers in the sphere of creating artificial intelligence. His practice-oriented theory of integration of organic and electronic intelligence into a single mind through the cloud is based on a mathematical correspondence between the organization of language and that of the brain, which substantiates the viability of the electronic model of the brain. Further, the paper studies the basic principles of organization of language, thinking and the brain, such as hierarchy and recursion. A critical evaluation is made of the possibility of creating a thinking machine connected to the global information space, in the future capable of transforming into a single thinking organism. It is pointed out that at the present stage mind modelling in its fundamentals and principles is primarily focused on language research. Moreover, the authors drew parallels between the modern Western tradition and Russian philosophical thought, both of which consider language to be one of the organizing and fundamental derivatives of mind. Further, the paper provides a definition of the concept of planetary cephalization and shows that its meaning is determined by the processes of coevolution of natural and artificial intelligence in the context of implementing the complementarity principle (wave–particle duality) and the correspondence principle (each subsequent theory, thus, also the form of being, includes the preceding one as a special case). The authors put forward a fundamental idea that the formation of artificial mind (artificial intelligence) is a continuation of the geological process of cephalization, which is argued in the works by V.I. Vernadsky in respect to the scientific thought as a planetary phenomenon. In addition, the paper substantiates that the ideas of forming a single semiotic universe are complementary to the aim of creating a global mind in its invariants.

Keywords: *natural mind, electronic (artificial) mind, artificial intelligence, cephalization of the noosphere, planetary cephalization.*

Поступила: 19.05.2017
Received: 19 May 2017

УДК 165.42 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.93

***ТЕТЕНКОВ Николай Борисович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 49 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, одного учебного пособия*[*]

ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ В «МОНАДОЛОГИИ» Г.В. ЛЕЙБНИЦА

В статье рассматривается формирование понятия субъективности в «Монадологии» Г.В. Лейбница и особенности понимания субъективности философом, использование и трансформация этого понимания субъективности в современной философии. Научная новизна работы состоит в том, что в данном аспекте «Монадология» ранее не изучалась. При исследовании субъективности, с одной стороны, Лейбниц следует картезианской и спинозовской традициям в понимании субъективности, когда рассматривает Я с метафизической точки зрения: как Декарт и Спиноза, Лейбниц видел религиозную причину субъективности, индивидуации, несовершенства монад. С другой стороны, он говорит о единстве души и тела, что противоречит этим традициям и дает возможность по-новому взглянуть на субъективность. Тезис о единстве души и тела позволяет Лейбницу выдвинуть гипотезу о связи субъективности с бессознательным, и это предположение будет позже подхвачено и развито психоаналитической философией. Двойственна позиция Лейбница и в определении монады: с одной стороны, монада понимается им как простая субстанция, с другой – он говорит о множественности отношений и состояний в монаде. Таким образом философ подходит к идее множественной субъективности. Лейбниц расширяет понятие субъективности, используя его по отношению как к человеку, так и животным. Теории субъективности сегодня используют и развивают лейбницевские идеи о взаимосвязи бессознательного и субъективности, множественности субъективности, связи субъективности с телесным, расширенное понимание субъективности, что делает идеи Лейбница практически значимыми для современной философии.

***Ключевые слова:** Г.В. Лейбниц, «Монадология», К.Г. Юнг, Ж. Делез, З. Фрейд, монада, субъективность, множественность, бессознательное, фрактальность.*

---

[*]*Адрес:* 163006, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4; *e-mail:* tenibo@yandex.ru

Для цитирования: Тетенков Н.Б. Понятие субъективности в «Монадологии» Г.В. Лейбница // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 93–100. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.93

Тема субъективности – одна из актуальных тем в современной философии: к ней обращаются постмодерн и психоанализ в лице французских философов Ж. Делеза, предложившего собственную теорию субъективности, Ф. Гваттари, Ж.-Л. Нанси, А. Бадью [1] и др. В рамках гендерной теории субъекта Дж. Батлер [2], Ю. Кристева [3], С. де Бовуар [4], И. Жеребкина [5] рассматривают субъективность как гендерно-маркированную субъективность, эта тема также разрабатывается в рамках философии сознания Д. Деннетом [6], Д. Хофштадтером [7], Д. Чалмерсом [8] и др.

Все указанные направления (на наш взгляд, наряду с Дж. Локком [9]) при рассмотрении понятия «субъективность» опираются на философию Г.В. Лейбница, что мы и попытаемся показать в этой статье. Цель данного исследования – рассмотреть характерные особенности понятия «субъективность» в «Монадологии» Г.В. Лейбница, использование лейбницевского понимания субъективности в современных теориях субъективности и его трансформацию. Стоит отметить, что ранее в этом аспекте монады никогда не изучались.

Практическая значимость статьи заключается в том, что она позволяет интересующимся философией Г.В Лейбница познакомиться с новой интерпретацией его идей, использовать ее для семинаров по философии Г.В Лейбница, изучения и формирования современных теорий субъективности.

Хотя само понятие «субъективность» не используется Г.В. Лейбницем в «Монадологии», но имманентно именно о нем идет речь, когда философ объясняет субъективные различия между духами и душами, или монадами, и различия между монадами. Тем самым Г.В. Лейбниц закладывает основы понимания субъективности как онто-гносеологической категории: индивидуализация или субъективизация монад онтологически задана законом предустановленной гармонии, но место монады определяет и ее познавательные возможности.

Одной из особенностей лейбницевского понимания субъективности является то, что он исходит из субстанционального, метафизического Я, и в таком понимании Я он придерживается картезианской позиции. Этот вывод можно сделать из определения монады, данного Г.В. Лейбницем в «Монадологии»: «Монада, о которой мы будем здесь говорить, есть не что иное, как простая субстанция, которая входит в состав сложных: простая, значит, не имеющая частей»[1].

Исходя из своих религиозных и философских убеждений, Г.В. Лейбниц признает бессмертие души – монады. Таким образом, в «Монадологии» мы имеем дело не с метафизикой конечного субъекта, а с метафизикой несовершенного, ограниченного, но вечного субъекта: «Таким образом, во вселенной нет ничего невозделанного, или бесплодного; нет смерти, нет хаоса, нет беспорядочного смешения, разве только по видимости; почти то же кажется нам в пруду на некотором расстоянии, с которого мы видим перепутанное движение рыб и, так сказать, кишение их, не различая при этом самих рыб»[2].

Другим важным моментом является то, что Г.В. Лейбниц отрицает отделение души от тела (в этом случае мы видим различие между подходами Г.В. Лейбница и Р. Декарта), соответственно, отрицается и метемпсихоз – переселение душ, т. к. утверждается, что при метемпсихозе душа, прежде чем обрести новое тело, полностью покидает предыдущее. По Г.В. Лейбницу, полное отделение души от тела невозможно – есть лишь уменьшение или увеличение: «Поэтому никогда не бывает также ни полного рождения, ни полной смерти, в строгом смысле, состоящей в отдалении души. И то, что мы называем рождениями, представляет собой развития и увеличения, а то, что мы зовем смертями, есть свертывание и уменьшения»[3].

---

[1] *Лейбниц Г.В.* Монадология // *Лейбниц Г.В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 413.

[2] Там же. С. 425.

[3] Там же. С. 426.

Такое неразрывное единство души и тела позволяет нам утверждать, что субъективность у Г.В. Лейбница связана не только с душой, ее индивидуализированным восприятием универсума, но и телом. Позиция Г.В. Лейбница по этому вопросу амбивалентна: с одной стороны, утверждается независимость души и тела, с другой – в силу закона предустановленной гармонии они взаимодействуют друг с другом: «Душа следует своим собственным законам, тело – также своим, и они сообразуются в силу гармонии, предустановленной между всеми субстанциями, так как они все суть выражения одного и того же универсума»[4].

Подобное взаимодействие души и тела исключает объяснение через причинно-следственную связь, поэтому К.Г. Юнг, отталкиваясь от лейбницевских идей, предлагает определить это взаимодействие как синхронию[5]. Синхрония, по Юнгу, – это одновременное протекание определенного психического состояния с одним или несколькими внешними событиями, которые являются смысловыми аналогами моментального субъективного состояния, в определенных случаях это происходит наоборот.

Синхрония включает в себя два фактора:

1. Из бессознательного идея или образ становится предметом сознания непосредственно или опосредованно через сновидения, предчувствия.

2. Внешняя, или объективная, ситуация соответствует субъективному образу.

В самой лейбницевской идее предустановленной гармонии К.Г. Юнг видел абсолютную синхронию психических и физических событий, которая, по Юнгу, «выродилась» у Г.В. Лейбница в концепцию психофизического параллелизма: «По этой системе тела действуют так, как будто бы (предлагая невозможное) вовсе не было никаких душ, а души действуют так, как будто бы не было никаких тел; вместе с тем оба действуют так, как будто одно влияет на другое»[6].

Здесь закономерен вопрос: соответствует ли предложенное К.Г. Юнгом понятие синхронии взаимодействию души и тела, о котором говорит Г.В. Лейбниц, или перед нами попытка К.Г. Юнга выстроить философскую традицию этого понятия начиная с восточной философии и с этой целью включить в эту традицию идею предустановленной гармонии Г.В. Лейбница?

На наш взгляд, понятие синхронии К.Г. Юнга не соответствует лейбницевскому пониманию взаимодействия души и тела: в качестве ключевых моментов данного взаимодействия Юнг выделяет соответствие и одновременность протекания психических и физических процессов, а Г.В. Лейбниц определяет это взаимодействие как общение, как коммуникацию: «…это взаимное соотношение, наперед установленное в каждой субстанции универсума, и производит то, что мы называем их *общением*; единственно в этом и состоит связь между *душой и телом*»[7].

Таким образом, Г.В. Лейбниц и К.Г. Юнг единодушны в том, что причинно-следственная связь не может объяснить взаимодействие души и тела, но каждый предлагает свой вариант объяснения этого взаимодействия.

Субъективность монад, по Г.В. Лейбницу, имеет основание в Боге, в законе предустановленной гармонии. Согласно этому закону, монады отличны друг от друга и согласованы между собой. Их отличие друг от друга, их субъективность вытекает из несовершенства и ограниченности монад: «…творения имеют свои совершенства от воздействия Бога, но что несовершенства свои они имеют от своей собственной природы, которая не способна быть без границ. Ибо именно этим они и отличаются от Бога»[8]. Различная степень несовершенства

---

[4] *Лейбниц Г.В.* Монадология. С. 427.

[5] *Юнг К.Г.* Синхрония: акаузальный объединяющий принцип. М.: АСТ Москва, 2010. С. 227.

[6] *Лейбниц Г.Ф.* Монадология. С. 427.

[7] *Лейбниц Г.В.* Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом» // *Лейбниц Г.В.* Указ. соч. С. 278–279.

[8] *Лейбниц Г.Ф.* Монадология. С. 420.

и границ порождает различное восприятие универсума у монад: «Не в предмете, а в способе познания предмета ограничены монады. Они все смутно относятся к бесконечному, ко всему, но они ограничены и различаются друг от друга степенями отчетливости в восприятиях»[9].

Такое различие в восприятии может создать ложное представление о том, что монады воспринимают разные объекты или своеобразный индивидуализированный универсум, но Г.В. Лейбниц подчеркивет, что универсум один, различие лишь в его субъективном восприятии монадами: «И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы перспективно умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным точкам зрения каждой монады»[10].

Еще одной особенностью понимания субъективности Г.В. Лейбницем является то, что, с одной стороны, монада, или душа, представляется простой субстанцией, с другой – философ говорит о множественности, о многом, которое пребывает в едином: «Это многоразличие должно обнимать многое в едином или простом. Ибо так как естественное изменение совершается постепенно, то кое-что при этом изменяется, а кое-что остается в прежнем положении; и, следовательно, в простой субстанции необходимо должна существовать множественность состояний и отношений, хотя частей она не имеет»[11].

В этом лейбницевском утверждении мы видим созвучие с идеями Анаксагора, который в противовес монизму отстаивал множественность и фрактальность мира. Идея множественности получила дальнейшее развитие и в современной философии, в частности у Ж.-Л. Нанси. Как и Г.В. Лейбниц, Ж.-Л. Нанси утверждает, что бытие единично и множественно одновременно неразличимым и различимым образом, причем единичность и множественность не являются предикатами бытия, наоборот, они формируют сущность бытия: «…не бытие сначала, а затем прибавление некоторого *вместе*, но это *вместе* в центре бытия»[12].

Для Ж.-Л. Нанси «вместе» не является ни присутствующим, ни представленным, ни непредставимым, оно выступает условием присутствия в целом как со-присутствия, которое не есть присутствие в себе или для себя, не есть присутствие к себе, к другому или к миру и т. д. Все эти модусы возникают тогда, когда есть само со-присутствие.

Даже единичный субъект может определить себя лишь в различии с другими субъектами, поэтому «вместе» является суппозицией «себя» в целом, но это не под-лежащая суппозиция. В соответствии со своей синтаксической функцией понятие «вместе» есть пред-лог – пре-позиция – позиции в целом, что создает ее дис-позицию. Со-изначальность по способу «вместе» предшествует тождественному и иному, различию мира и сознания и, соответственно, феноменологической интенциональности и эгологическому конструированию: «Следовательно, нет предшествования как такового: со-изначальность есть наиболее общая структура любой кон-систенции, любого конституирования и любого со-знания»[13].

Понятие «вместе» у Ж.-Л. Нанси выражает способ бытия-присутствия, при котором бытие-присутствие и настоящее бытия совпадают с собой в той степени, в какой они совпадают с другим присутствием, подчиняющимся этому

[9] *Лейбниц Г.Ф.* Монадология. С. 423.

[10] Там же.

[11] Там же. С. 414.

[12] *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. Минск: Логвинов, 2004. С. 58.

[13] Там же. С. 72.

закону: «Быть-целокупно-во-множестве есть изначальная ситуация: это именно то, что в целом определяет некоторую “ситуацию”»[14].

Тем самым Ж.-Л. Нанси оспаривает распространенную в философии точку зрения, согласно которой множественность вторична по отношению к бытию. Для него философия начинается с со-существования, с со-бытия, продолжая традицию плюрализма в философии, к которой примыкал и Г.В. Лейбниц. В «Монадологии» он подчеркивает: «Мы в самих себе можем наблюдать множество в простой субстанции, если обратим внимание на то обстоятельство, что наималейшая сознаваемая мысль обнимает разнообразие в ее предмете. Таким образом, все, кто признает душу за простую субстанцию, должны признавать и эту множественность в монаде»[15].

Отличие же заключается в том, что множественность у Г.В. Лейбница имеет фрактальную структуру: «Отсюда видно, что у каждого живого тела есть господствующая энтелехия, которая в животном есть душа; но члены этого живого тела полны других живых тел, растений, животных, из которых каждое имеет опять свою энтелехию, или господствующую душу»[16].

Идея фрактальности актуальна и для современной философии. Д.Р. Хофштадтер, говоря о Я человека, отмечает: «Существует распространенный миф, что каждый человек является единством, единой организацией, обладающей своей волей. Как раз наоборот, человек – это сочетание разных суб-людей, каждый из которых обладает своей волей <…> Эта иерархическая организация индивидуальности не слишком льстит нашему достоинству, но есть много указаний на то, что дело обстоит именно так» [7, с. 304].

Еще одной особенностью понятия «субъективность» у Г.В. Лейбница является то, что бессознательное у него выступает составной частью субъективности: «…картезианцы сделали большую ошибку, считая за ничто несознаваемые восприятия. Это же заставило их думать, будто одни лишь духи бывают монадами и что нет вовсе душ животных или других энтелехий; поэтому же они, разделив ходячие мнения, смешали продолжительный обморок со смертью в строгом смысле. А это заставило их впасть в схоластический предрассудок, будто душа может совершенно отделиться от тела, и даже укрепило направленные в другую сторону умы во мнении о смертности душ»[17].

Немецкий историк философии К. Фишер так оценивает это философское открытие Г.В. Лейбница, не оцененное по достоинству его современниками, но получившее дальнейшее развитие в рамках психоанализа: «Исследованием бессознательных представлений лейбницевская философия проникает в тайную лабораторию духовного мира и освещает ту темную область души, которая составляет естественную сторону человеческого духа. Лейбниц завоевал эту область для философского учения о душе и впервые указал на возникновение сознания из бессознательной жизни души»[18].

По К. Фишеру, именно бессознательные представления индивидуализируют душу человека, вырабатывают для каждого человека особую жизненную форму. К бессознательному он относит природные свойства и привычки, навыки, которые в силу постоянного повторения из сознательного повторения превращаются в бессознательное.

Врожденные идеи, определяющие познавательные возможности человека и моральное побуждение воли, – это бессознательные

---

[14]*Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. С. 72.

[15]*Лейбниц Г.В.* Монадология. С. 415.

[16]Там же. С. 425.

[17]Там же. С. 415.

[18]*Фишер К.* История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц: Его жизнь, сочинения и учение. М.: Транзит-книга, 2005. С. 482.

представления, и сознание возникает из бессознательного. Сознанию не приписывается творческая функция, т. к. творчество – результат действия бессознательного, а лишь освещение и прояснение того, что до определенного времени было лишь смутным представлением души. Этот тезис К. Фишера, что именно бессознательное индивидуализирует, представляется спорным, поскольку индивидуализация, или субъективизация, происходит не только на уровне бессознательного, но и на уровне сознания.

По Г.В. Лейбницу, для души человека – монады – доступны необходимые истины разума и случайные истины факта. Истины разума тождественны для любого сознания, но в силу несовершенства монад ими могут быть постигнуты разные истины разума и с разной степенью отчетливости. Таким образом, индивидуализация, или субъективизация, оказывается возможной на уровне истин разума.

Фактор субъективности возрастает еще больше, когда человек постигает истины факта уже в силу их случайности:

1) истины факта могут быть кем-то открыты, а кем-то нет, и опять же с разной степенью отчетливости;

2) если при анализе необходимых истин разума можно дойти до первичных истин, не допускающих никакой субъективности, то при анализе случайных истин добраться до первичных истин невозможно: наоборот, можно легко потеряться в бесконечном многоразличии вещей и движений, что опять же приводит к увеличению фактора субъективности.

Ж. Делез в своей теории субъективности придерживается лейбницевского понимания бессознательного, а не фрейдовской интерпретации данного феномена, что связывает бессознательное с сексуальностью [10], и не гартмановского абсолютного бессознательного, которое полностью отрицает связь бессознательного с сознанием [11], хотя Э. Гартман, как Г.В. Лейбниц, считает, что: бессознательное осознается с разной степенью отчетливости; активность находит свое основание в бессознательном; бессознательное продуктивно, а сознание рецептивно.

Ж. Делез и Ф. Гваттари, как и Г.В. Лейбниц, – сторонники плюралистического направления в философии: «Только категория множественности, используемая в качестве субстантива и выходящая за пределы как многого, так и Единого, выходящая за пределы предикативного отношения Единого и многого, способна объяснить желающее производство: желающее производство – это чистая множественность, то есть утверждение, не сводимое к единству»[19].

Понятие дифференциалов мышления у Ж. Делеза также близко к теории малых перцепций Г.В. Лейбница. Ж. Делез подчеркивает, что сознание имеет пороговую величину. Когда мы задаем порог как минимум сознания, то малые перцепции всякий раз будут меньше этого минимума. Если понимать мышление как волновой процесс различной степени интенсивности, то смысл будет пиком, которого достигает определенный уровень восприятия. Сознание и мысль есть интерференция малых перцепций, что смогли достичь этого пика.

Различие взглядов Г.В. Лейбница и Ж. Делеза прежде всего в том, что Ж. Делез отказывается от понимания Я как метафизического, субстанционального Я. Это различие принципиально иначе расставляет акценты в делезовской теории субъективности, но влияние Г.В. Лейбница на делезовскую теорию субъективности бесспорно.

Стоит сказать еще об одной особенности понимания субъективности Г.В. Лейбницем: это расширенное его толкование. Говоря о человеке, он использует понятия «разумная душа», или «дух», но в «Монадологии» чаще всего прибегает к понятию «душа», что соответствует животному, тем самым понятие «субъективность» распространяется и на животных.

Границей, разделяющей животных и людей, по Г.В. Лейбницу, является способность познания человеком необходимых и вечных истин,

[19] *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 71–72.

способность мыслить о себе «и о бытии, о субстанции, о простом и сложном, о невещественном и о самом Боге, постигая что-то, что в нас ограничено, в нем беспредельно»[20], но здесь закономерен вопрос: а соответствуют ли люди этим критериям «разумности»? Г.В. Лейбниц, а вслед за ним и И. Кант, дает отрицательный ответ, т. к. чаще всего они действуют подобно «неразумным животным», или эмпирикам (термин Лейбница).

Учитывая вышесказанное, мы приходим к следующим выводам:

1) Г.В. Лейбниц трактует Я как метафизическое, субстанциональное Я;

2) субъективность монад, по Г.В. Лейбницу, имеет основание в Боге, законе предустановленной гармонии, несовершенстве монад. Согласно указанному закону, монады отличны друг от друга и согласованы между собой;

3) Лейбниц отрицает отделение души от тела, метемпсихоз – переселение душ. Неразрывное единство души и тела позволяет нам утверждать, что субъективность у Г.В. Лейбница связана не только с душой, ее индивидуализированным восприятием универсума, но и телом;

4) субъективность связана не только с сознанием, но и с бессознательным;

5) субъективность множественна и фрактальна;

6) субъективность Г.В. Лейбниц относит не только к человеку, но и к животным, фактически к любому существу, обладающему душой;

7) идеи Лейбница о субъективности, или индивидуализации, были использованы в современных теориях субъективности: отказавшись от представления о Я как метафизическом Я, современные теории субъективности развивают идеи множественности и фрактальности субъективности, связи субъективности с бессознательным, телесным, расширенное понимание субъективности.

Список литературы

1. *Бадью А.* Делез. «Шум бытия». М.: Логос-Альтера, 2004. 184 с.
2. *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с.
3. *Kristeva J.* Revolution in Poetic Language. N. Y.: Columbia University Press, 1984 271 p.
4. *де Бовуар С.* Второй пол: в 2 т. / общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
5. *Жеребкина И.* Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007. 312 с.
6. *Dennett D.C.* Consciousness Explained. Boston, 1991. 511 p.
7. *Хофштадтер Д., Деннет Д.* Глаз разума. Самара: Бахрах-М, 2003. 432 с.
8. *Чалмерс Д.* Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.
9. *Локк Д.* Избранные философские произведения: в 2 т. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. Т. 1. 735 с.
10. *Фрейд З.* Психология бессознательного: сб. произведений. М.: Просвещение, 1990. 448 с.
11. *Гартман Э.* Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. М.: Красанд, 2010. 440 с.

References

1. Badiou A. *Deleuze. La clameur de l'Être*, Paris, 1997 (Russ. ed.: Bad'yu A. *Delez. "Shum bytiya"*. Moscow, 2004. 184 p.).
2. Butler J. *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection*. Stanford University Press, 1997 (Russ. ed.: Batler Dzh. *Psikhika vlasti: teorii sub"ektsii*. Kharkov, 2002. 168 p.).
3. Kristeva J. *Revolution in Poetic Language*. New York, 1984. 271 p.

[20] *Лейбниц Г.В.* Монадология. С. 418.

4. de Beauvoir S. *Le Deuxième Sexe*. Paris, 1949 (Russ. ed.: de Bovuar S. *Vtoroy pol*. St. Petersburg, 1997. 832 p.).
5. Zherebkina I. *Sub"ektivnost' i gender: gendernaya teoriya sub"ekta v sovremennoy filosofskoy antropologii* [Subjectivity and Gender: The Gender Theory of the Subject in Modern Philosophical Anthropology]. St. Petersburg, 2007. 312 p.
6. Dennett D.C. *Consciousness Explained*. Boston, 1991. 511 p.
7. Hofstadter D.R., Dennett D.C. *The Mind's I: Fantasies and Reflections on Self and Soul*. Toronto, 1982 (Russ. ed.: Khofshtadter D., Dennet D. *Glaz razuma*. Samara, 2003. 432 p.).
8. Chalmers D.J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York, 1996 (Russ. ed.: Chalmers D. *Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii*. Moscow, 2013. 512 p.).
9. Locke J. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow, 1960. Vol. 1. 735 p.
10. Freud S. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Moscow, 1990. 448 p.
11. Hartmann E. *Sushchnost' mirovogo protsessa, ili Filosofiya bessoznatel'nogo* [The Essence of the Worldwide Process, or Philosophy of the Unconscious]. Moscow, 2010. 440 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.93

Nikolay B. Tetenkov
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163006, Russian Federation;
e-mail: tenibo@yandex.ru

THE CONCEPT OF SUBJECTIVITY IN *THE MONADOLOGY* BY GOTTFRIED LEIBNIZ

This paper deals with the formation of the concept of subjectivity in *The Monadology* by Gottfried Leibniz and with his understanding of subjectivity, as well as with the use and transformation of this understanding in contemporary philosophy. *The Monadology* had never been studied in this aspect before. Leibniz, on the one hand, follows the Cartesian and Spinozian traditions in understanding subjectivity, when he considers the self from the metaphysical point of view: in the same way as Descartes and Spinoza, Leibniz saw the religious reason for subjectivity, individuation, and imperfection of monads. On the other hand, he talks about the unity of the body and soul, which conflicts with these traditions and enables him to take a fresh look at subjectivity. The thesis about the unity of the body and soul allows Leibniz to put forward a hypothesis on the link between subjectivity and the unconscious; this assumption will later be picked up and developed by psychoanalytic philosophy. A similar dual position is held by Leibniz in his definition of the monad: on the one hand, he sees the monad as a simple substance, but on the other, he speaks of multiple relations and states in the monad. In this way Leibniz comes to the idea of multiple subjectivity. He extends the notion of subjectivity by applying it to both humans and animals. The modern theories of subjectivity utilize and develop Leibniz's ideas about the relationship between the unconscious and subjectivity, the multiplicity of subjectivity, the connection between subjectivity and the corporeal, as well as the extended understanding of subjectivity. Thus, the ideas of Leibniz have practical significance for contemporary philosophy.

Keywords: *G. Leibniz, The Monadology, C.G. Jung, G. Deleuze, S. Freud, monad, subjectivity, multiplicity, the unconscious, fractality.*

Поступила: 25.01.2017
Received: 25 January 2017

For citation: Tetenkov N.B. The Concept of Subjectivity in *The Monadology* by Gottfried Leibniz. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 93–100. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.93

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-13 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.101

***ЛИМЕРОВ Павел Федорович**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар), главный редактор журнала «Арт-Лад». Автор 170 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий (двух – в соавт.), одного учебного пособия*[*]

МИФОПОЭТИКА СЕВЕРА В ЛИТЕРАТУРНОМ ЭПОСЕ К.Ф. ЖАКОВА «БИАРМИЯ»[1]

В статье рассматривается эпическая поэма коми писателя, философа, поэта, ученого Каллистрата Жакова (1866–1926) «Биармия», являющаяся реконструкцией гипотетического северного эпоса, некогда бытовавшего на территории Европейского Севера. Раскрыт аналитический метод Жакова: как этнолог он выделяет «пережитки» эпоса и мифологии в фольклоре коми; реконструирует мифологическую картину мира с пантеоном языческих богов; выявляет круг мифологических сюжетов, связанных с космологическими представлениями, подвигами героев древности, а затем, ориентируясь на «Калевалу» Лённрота, скандинавские саги и русские былины, составляет единый эпический сюжет. Сюжет поэмы строится как повествование о древних героях коми народа, живших в отдаленную историческую эпоху, когда была жива связь между людьми и природой, людьми и богами, реальностью и мифом. Соответственно, в сюжетных коллизиях принимают участие не только сами герои, но и различные божества, а также природные объекты. Особое значение К. Жаков уделяет воссозданию эпического северного мира. Этот мир – северная цивилизация, главным царством которой является легендарная Биармия со столицей Кардор в устье Двины. Биармия окружена другими царствами и княжествами, в их числе и Вычегодская Пермь, откуда в Кардор приплывают свататься герои эпоса. Весь этот мир мудро управляется богами, постоянная апелляция к которым фиксируется в параллельных основному сюжету отступлениях. Эпический мир Жакова определяется его стремлением представить «светлое прошлое» как идеальное мироустройство Золотого века в сравнении с реалиями современного мира.

***Ключевые слова:** К. Жаков, «Биармия», эпическая поэма, северный эпос, мифопоэтика, космогонический миф.*

---

[1]Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта Уральского отделения РАН № 13-6-1 «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв».

[*]*Адрес:* 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; *e-mail:* plimeroff@mail.ru

Для цитирования: Лимеров П.Ф. Мифопоэтика Севера в литературном эпосе К.Ф. Жакова «Биармия» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 101–110. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.101

К.Ф. Жаков (1866–1926) вошел в историю науки как самобытный философ (создатель философской системы, названной им «лимитизм» – теория переменного и предела), писатель и литературный критик, однако научную деятельность он начинал как этнограф. По материалам своих первых экспедиций 1899–1900 годов Жаков публикует работы «Языческое миросозерцание зырян» (1901) и «Этнологический очерк зырян» (1901) в журналах «Научное обозрение» и «Живая старина». Вторая работа была особо отмечена Русским географическим обществом, наградившим его серебряной медалью [1, с. 321].

В полевые этнографические экспедиции в различные губернии России К. Жаков ездил вплоть до 1917 года, до своей эмиграции в Прибалтику, откуда на родину он уже не вернулся. Венцом своей научно-литературной деятельности он по праву считал поэму «Биармия»[2], которую полагал реконструкцией древнего северного эпоса или, точнее, одного из северных эпосов, эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народам обширной территории Европейского Севера от Урала до Финляндии с центральной областью – бассейном Северной Двины, – обозначенной в поэме как Биармия. Поэма была написана в 1916 году во время поездки Жакова в Прибалтику, но так и не была опубликована из-за начавшихся революционных событий. Только в 1993 году поэма была издана в г. Сыктывкаре с параллельным переводом на коми язык.

«Биармия» – это литературный эпос о древних временах коми народа. Основной проблемой, которую следовало преодолеть Жакову при его написании, было полное отсутствие сведений о дохристианской истории коми, неизвестны были Жакову и коми эпические песни. Путь восстановления эпоса выглядел так: пользуясь методами антропологической теории, выделить «пережитки» эпоса и мифологии в фольклоре коми, реконструировать мифологическую картину мира с пантеоном языческих богов, очертить круг мифологических сюжетов, связанных с реконструкциями космологических представлений, подвигами героев древности, эксплицирующих диахронический аспект мифоистории, а затем, ориентируясь на «Калевалу» Лённрота, скандинавские саги и русские былины, составить единый эпический сюжет.

Жаков ставит своей задачей воссоздать мир, которого нет, но который когда-то был в географических координатах современного Русского Севера. Именно воссоздать, а не выдумать – в этом задача Жакова сходна с научной реконструкцией. Другое дело, что подвергается реконструкции не историческая действительность, а «поэтическая история народа», как ее определяет Жаков. Соответственно, граница между гипотезой и вымыслом оказывается предельно тонкой, а иногда и вовсе исчезает.

Цель данной работы – рассмотреть хронотоп поэмы, акцентируя внимание на некоторых особенностях мифопоэтического пространства, в котором происходит развертывание сюжета. Вопрос о пространстве-времени литературного произведения (хронотопе), поставленный в трудах М.М. Бахтина [2, 3], в дальнейшем разрабатываемый В.Н. Топоровым [4], М.Ю. Лотманом [5], Д.С. Лихачевым [6], не утратил своей актуальности и сегодня – главным образом потому, что создание особого мира произведения всегда связано, как отмечает Д.С. Лихачев, «с идеей произведения, с теми задачами, которые художник ставит перед собой» [6, с. 335].

В центре внимания Жакова – гипотетическая северная цивилизация, главным государством которой является легендарная Биармия. На западе Биармия граничит с некими недружественными племенами, а цивилизация распространяется на восток, включая в свой состав разные страны и народы. Время этой цивилизации угадывается не точно: уже не нападают на Биармию викинги, но еще при жизни героев поэмы становится слышно о народе Роч – русских, приблизившихся к границам страны. Тем не менее это эпоха

[2] *Жаков К.Ф.* Биармия / сост., ред., коммент. А.К. Микушев; авт. пер. на коми М.В. Елькин. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 27–185.

некой мифической стабильности, когда жизни северной цивилизации ничто не угрожает. Д.С. Лихачев отмечал, что эпическая эпоха – это «своеобразный “остров” во времени, в “старине”» [6, с. 255]. Жаков помещает свою северную цивилизацию именно на такой «остров во времени», очень условно связанный с историческими реалиями. Известно только, что некогда Биармия погибнет под натиском народа Роч, исчезнут и другие государства-княжества Севера, но само по себе эпическое время поэмы длится неопределенно долго.

Надо полагать, что замысел поэмы о древних временах подготавливался всем предыдущим творчеством Жакова. Многие его художественные произведения являются авторскими интерпретациями мифологических сюжетов или же фантастическими новеллами на мифологические темы [7, с. 148]. Есть даже попытка написания эпической саги. Речь идет о новелле «Царь Кор»[3], в 1911 году опубликованной в журнале «Вестник знания» в Санкт-Петербурге, а также вышедшей отдельной книжкой в Архангельске – с подзаголовком «Чердынское предание».

Для повествования новеллы чрезвычайно важна сцена пира: она дает возможность сказителю, в данном случае автору, представить все наиболее значимые части мифопоэтической географии Севера, а также раскрыть конфликтные ситуации, двигающие сюжет [8, с. 17]. Здесь читателю впервые представлены герои царства Кора, среди которых его дети: Редигар, «странствовавший по Биармии», и красавец Мичаморт. Из списка яств, которыми наполнен стол, можно узнать о связях царства Кора с южными странами (заморское вино) и с севером – Печорой, Колвой, Вишерой.

Эпический певец-сказитель Вэрморт воспевает подвиги царя Кора, покорившего остяцкого царя Сямдея и вогульского князя Беренделю в походе за Уральские горы в Сибирь. О славе Перми – царстве Кора «у истоков светлой Камы, / Желтой Иньвы, красной Чаньвы»[4] – узнают народы рек Оби, Иртыша и Тобола. Вторая песня Вэрморта посвящена подвигам Редигара во время его путешествия в Биармию. Эта страна располагается от устья Эжвы-Вычегды вниз по Северной Двине до самого студеного моря Саридз. Предположительно, Редигар поднялся в верховья Камы и по волоковому пути перешел на верхнюю Вычегду (Эжву) и спустился по этой реке сначала до места, где она впадает в Двину и где, собственно, начинаются земли Биармии. Далее он проплыл на лодке с «белокрылым парусом» до устья Двины и прибыл в столицу страны Кардор, «к птице Каленик поближе»[5]. Редигар посещает царя Рамдая и знакомится с его дочерью Гарианой, а после этого участвует в ритуале жертвоприношения, которое Рамдай устраивает богу Юмале, чтобы заключить брак между царевичем Перми и царевной Биармии, своей дочерью Гарианой. Третья песня Вэрморта посвящена богам Перми: великий Ен, Мать луны, трехглавый бог солнца, вихрь Войпель, подземный Куль и мать земли Му, супруга бога солнца, осеняют своей любовью землю Перми.

Итак, все пространство Севера, включая Урал, поделено между двумя большими царствами – Биармией и Великой Пермью, которая на Урале граничит с царством вогулов и княжеством остяков. Пунктирно намечена мифологическая вертикаль: главный бог Биармии Юмал, соответствующий пермскому Ену, и некоторые пермские боги, более детальное описание которых Жаков дает в других своих произведениях.

Загадочная северная страна Биармия, известная по скандинавским сагам, не раз становилась объектом научного и чисто обывательского интереса. Посвященная Биармии библиография

---

[3]*Жаков К.Ф.* Царь Кор // Мифы Зырянского Севера / сост., предисл., ст. П.Ф. Лимерова. Сыктывкар: Ред. журн. «Арт», 2016. С. 32–46.

[4]Там же. С. 33.

[5]Птица Каленик в авторской мифологии Жакова – персонификация северного сияния, а также и персонифицированный образ Севера в целом.

достаточно обширна [см.: 9, с. 311–356], но имеет только косвенное отношение к теме нашей статьи. В той или иной мере сюжеты этих работ строятся вокруг проблемы локализации Биармии, вопроса этимологии топонима *Bjarmaland* и его соотношения с древнерусским топонимом *Пермь*.

Судя по всему, К. Жаков не придерживается предложенной К.Ф. Тиандером этимологии: *Bjarmaland* (от древнесканд. **berm-*, **barm-*) в значении «береговая полоса» с последующей славяно-русской огласовкой *Пермь* [10, с. 67–68]. В его концепции Биармия и Пермь разведены географически: Пермь располагается в бассейне Камы, а Биармия – в Заволочье. Обе страны имеют сходные политические устройства: это царства, где правят Кор Пермский и Рамдай Биармийский. При этом столицей первого является город Искор, а не Чердынь – известная столица Великой Перми.

Очевидно, что Жаков имеет в виду тот регион Великой Перми, что в Патриаршей летописи назван «верхней землей» с городом Искором в противоположность «нижней земле» с городами Урос, Чердынь и Покча[6]. Это статья за 1472 год о походе воеводы князя Федора Пестрого на Великую Пермь. Здесь же упоминается и имя пермского воеводы Бурмата, сражавшегося с войском Пестрого на стенах Искора. Этот герой есть и у Жакова: по сюжету новеллы он также держит осаду Искора от полчищ напавших на город врагов. Однако события, о которых рассказывается в новелле, не имеют никакого отношения к эпохе Ивана III. Жаков выходит за пределы исторической памяти, восстанавливая уже забытую устную традицию. Отсюда подзаголовок новеллы «Чердынское предание», хотя едва ли Жаков имел в виду определенный фольклорный текст.

Спустя пять лет Жаков возвращается к истории Перми-Биармии, но существенно меняет формат текста. Если новелла «Царь Кор» – произведение прозаическое и только песни Вэрморта написаны калевальской метрикой, то «Биармия» полностью написана калевальским размером. Поэма состоит из 47 глав и отчетливо делится на две части. В первой части (21 глава) рассказывается о путешествии князя-оксоя Джеджим Пармы Яура в Биармию и его женитьбе на биармийской царевне Райде. Вторая часть (26 глав) полностью посвящена теме культурного обустройства Вычегодской Перми: это, во-первых, воспитание и обучение сына Яура Югыдморта, его длительное путешествие на Восток в поисках новых знаний; во-вторых, это культуртрегерская деятельность самого князя Яура и его соратников.

Путешествие Яура и его спутников, Вэрморта и Ошпи Лыадорса, начинается с холмов Джеджим Пармы – в верховьях Вычегды-Эжвы в предгорьях Тиманского кряжа – вниз по Вычегде к месту ее впадения в Северную Двину. От устья Вычегды путешественники продолжают движение уже по территории Биармии. Из песни Вэрморта читатель узнает, что Яур – владетель Джеджим Пармы, ему принадлежат реки Вымь, Эжва-Вычегда, Сыктыв-Сысола, Локчим, а также озера Симты, Сёйты, Донты, Койты. Совокупность этих территорий названа в поэме Пермью – это княжество, которым правит Яур.

Вычегодская Пермь в мифопоэтической концепции К. Жакова выступает преемницей древнего царства Камской Перми, точнее, ее «верхней земли» с разрушенной (по Жакову) столицей Искором. Яур является внуком царя Кора, так же как Оксор, нынешний царь Биармии, – сыном Рамдая, правителя Биармии времен царя Кора.

Оксой Яур – букв. *князь Яур* (ср.: оксой – коми *ӧксы* «князь»; удм. *эксэй* «царь»)[7]. Слова *яур* в коми языке нет. Можно предположить, что необычные имена правителей Перми – Кор, Редигар, Гариона, Яур – должны, по мысли Жакова, отграничить их от подданных, имеющих коми имена. Так, имена спутников Яура переводимы с коми:

---

[6]ПСРЛ (Полн. собр. рус. летописей). Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. VIII. СПб., 1901. Т. 12. С. 148.

[7]*Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 211.

Ошпи Лыадорса – Медвежонок из Лыадора, Вэрморт – Лесной человек. Вэрморт – необычный персонаж, в новелле «Царь Кор» он – один из приближенных царя Кора, вместе с другими перенесенный птицей Рык из Великой Перми в верховья Вычегды, на холм Джеджим Парма. В поэме он назван «туном-волшебником», музыкантом и «сердцеведом», он – волхв, обладающий древним магическим знанием, и это знание унаследовано им от волхвов древней Камской Перми, прародины жителей Джеджим Пармы. Буквально с первых страниц поэмы читатель видит, как магическое знание Вэрморта поддерживает равновесие в хрупком мире Вычегодской Перми. Имя героя – Лесной человек – в контексте мифопоэтики Жакова также значимо.

Следует обратить внимание, что поэма начинается с обращения автора-повествователя к Лесу с просьбой, чтобы он дал ему «песни величавые», научил заклинаниям тунов-волхвов и рассказал историю героев: «Лес мой древний, лес священный <…> Кто здесь был в веках минувших, / О делах их благородных»[8].

Лес в структуре «Биармии» – не просто пейзаж, на фоне которого происходит действие, это такой же действующий персонаж, как и герои-люди. Лес в поэме выглядит как огромное мыслящее живое существо, населенное живыми, разумными «жителями» – деревьями, животными, духами леса и воды, живо реагирующими на происходящие события. В этом смысле Вэрморт как человек Леса оказывается и его персонификацией, отсюда его долгожительство: он является современником Рамдая, царя Кора и Мичаморта, но все так же молод и при их внуках – Райде и Яуре. По замыслу Жакова, Лес хранит в себе древние тайны и Вэрморт как человек Леса – хранитель и знаток священных знаний древности, сохраняемых в лесных глубинах.

Биармия начинается от устья Вычегды-Эжвы. Здесь путешественников встречают первые чудеса этой страны: путь им преграждает огромная голова великана – первого стража Биармии. Это прямая отсылка к сюжету поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», где предательски срубленная голова великана также преграждает герою путь в мифическую страну. Отсылка значима: таким образом Жаков вводит финский колдовской миф Пушкина в состав мифопоэтики Севера. Однако в отличие от пушкинской головы голова Ягморта сохраняет не только душу-дыхание (*лов*), но и душу-двойника (*орта*) в облике журавля (*Тури*), таким образом имеющего способность путешествовать и даже помогать героям.

Стычка с головой Ягморта оказывается первым испытанием Яура, и мирное решение проблемы становится экспозицией всех его дальнейших бескровных подвигов. И действительно, на протяжении всего повествования герои поэмы не совершают убийств – в этом отличие литературного эпоса Жакова от аналогичных поэм. Его поэма подпадает под тип эпического произведения, который британский исследователь С.М. Боура характеризует как шаманский. В центре внимания таких произведений – герои, обладающие магическими (шаманскими) способностями, в отличие от героев собственно героической поэзии, совершающих великие подвиги благодаря своим «природным способностям» и «естественному превосходству» [11, с. 5–15]. Герои поэмы Жакова не убивают, благодаря своей магии они останавливают, изгоняют своих врагов или обращают их в друзей. Так, от волшебной игры Вэрморта на домбре и пения заклинаний превращается в камень Рымда, главный воин Биармии; засыпают стражи городских ворот – злые лайки и коты; засыпают жители Кардора, а проснувшись, уже не помнят зла на героев. Магическое пение Вэрморта сродни волшебным песням героя «Калевалы» Вяйнямёйнена: последний так же усыпляет жителей Похьёлы при похищении сампо[9], но Похьёла в отличие от Биармии становится вражеской страной для героев.

---

[8] *Жаков К.Ф.* Биармия. С. 28.

[9] *Лённрот Э.* Калевала / собр. и обраб. Э. Лённрот. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 318.

Эпический Кардор располагается в устье Двины, при впадении ее в море («У студеных волн, покрытых // Бурной пеною прибрежной…»[10]), в том самом месте, где теперь находится г. Архангельск. Как известно, в скандинавских сагах нет сведений о биармийских городах. Викинги могут «бросить якорь» у мыса «среди островов Вины» или подняться выше по реке на торжище, которое исследователи соотносят с местом, где позднее был основан г. Холмогоры [9, с. 322].

Но Жаков намеренно «строит» свою столицу Биармии на месте современного Архангельска, устанавливая преемственную связь города с древним северным царством. Представление о биармийском прошлом Архангельска подчеркивается и топонимом «Кардор» (коми): город, который выступает как наименование столицы Биармии, а не Архангельска[11]. Ср.: город как наименование Архангельска: «В сакральной географии Русского Севера только один избранный, отмеченный локус называется Городом и только он один имеет Имя» [12, с. 34]. Если Н.М. Теребихин видит сакральность Архангельска в соответствии с реалиями православных святынь, то Город-Кардор жаковской Биармии – это сакральный центр древнего языческого мира, наделенный известными мифопоэтическими реалиями.

Топография Кардора имеет очертания средневекового городища: город возвышается над тундрой, он обнесен земляным валом и тыном. За тыном и валом – ряд кумирниц, среди которых выделяется кумирница Юмалы – небесного бога. Сам бог вырезан из ольхи, но голова его из золота, руки и плечи покрыты серебром. В городе множество избушек жителей, а в центре возвышается синий терем царя Оксора, сына Рамдая. Мифологический облик Кардору придают его стражи: прикованный медной цепью к столбам возле ворот пес, названный Жаковым «Цербер Севера», и огромный кот, обходящий крепостные стены. Цербер (Кербер) – персонаж греческой мифологии, трехголовый пес, страж Аида, мира умерших. Персонаж Жакова – обычная крупная лайка, наименование «Цербер» в данном случае скорее нарицательное, но отсылка к греческой мифологии значима: Жаков включает биармийский миф в теллурический контекст, подготавливая таким образом будущее исчезновение северного царства, его «чудской уход» (В.В. Абашев) под землю.

Кот – тоже не случайный персонаж. Жаков цитирует А.С. Пушкина, немного его перефразируя: «Кот огромный всюду бродит, / Сказки древние прохожим / Шепчет в уши о минувшем / Песнь заводит беспрерывно / Кот сибирский…»[12] Пушкинский образ Лукоморья уточняется: Жаков представляет его читателю как биармийский текст, включенный в общую северную мифологию. То, что кот – «сибирский», указывает на локус Лукоморья в излучине Оби – то самое место, где на европейских картах XVII века помещалась статуя Золотой бабы. Сибирь не подчиняется Кардору, в Сибири есть свои царства со своими правителями. Но присутствие сибирского кота на стенах Кардора намекает и на связь Биармии с Сибирью.

Взаимосвязи «стран» древнего мира Севера Жаков показывает в сцене свадебного пира Яура и Райды. «Список» гостей князя Перми таков: царь Оксор из Биармии, волшебная птица Каленик и дух Ягморта в виде журавля-Тури, вогульский князь Беренделя со свитой, царь Югры Сямдей, самодийский (ненецкий) князь Того-Лого, сибирский царь Бариткула, Кочеморт с Лузы, «кудесник» Лунморт с Сыктыв (Сысолы), Тюреньшей, «волшебник Выми», «прехитрый» Войморт с Вишеры. Эти герои, несмотря на данные им автором характеристики, почти не принимают участия в сюжетных перипетиях поэмы, их вполне можно назвать

[10] *Жаков К.Ф.* Указ. соч. С. 51.

[11] Этимология слова «кардор» объясняется тем, что коми называли словом «кар» крепость, построенную в 1584 году в устье Двины, а словом «кардор» – сам Архангельск; «кар-дор» – букв. «место около крепости».

[12] *Жаков К.Ф.* Указ. соч. С. 52.

персонификациями своих локусов. В перечислении персонажей угадывается своеобразная географическая карта Перми Вычегодской – мира, известного и доступного основным героям поэмы.

География мира расширяется в связи с путешествиями сына князя Яура – Югыдморта. Прежде всего Югыдморт заново открывает землю предков – Камскую Пермь с городом Чердынь. Затем, перевалив через Урал, Югыдморт попадает в город Кыштым, где служит князю Чору, а затем следует вглубь Сибири в город Некор – главный город царя Бариткулы. Последнее путешествие Югыдморт совершает к Енисею, к тунгусам, и после этого возвращается в Джеджим Парму.

Мотив пути, благодаря которому пространство поэмы постоянно расширяется, имеет для Жакова исключительно важную роль. Герои Жакова выходят в путь не в погоне за приключениями, цель их путешествий всегда одна – поиск новых знаний. Таковы герои его новелл, таковы и герои эпоса. За путешествием князя Яура в Кардор стоит не только его сватовство к биармийской царевне, но приобщение его самого и его спутников к биармийской культуре. Так, например, после свадебного путешествия Яур учит своих подданных выращивать хлеб, ковать железо и даже письменности. Его сын Югыдморт отправляется в путь, потому что ему не хватает знаний хранителя древней мудрости Леса Вэрморта. Долгие годы он скитается по Сибири и возвращается домой, только приобщившись к знаниям Китая.

В свою очередь, источником всех знаний мира является Золотая книга неба, которую читает небесный Бог Енмар. В Золотой книге записаны судьбы всех живых существ на земле, а также историческая судьба мира от его сотворения до эсхатологического завершения в будущем, причем все, что написано в книге неба, имеет статус закона и не подлежит исправлению. За исполнением законов Золотой книги следит волшебная птица Рык, пророчески объявляющая людям начало важных событий.

Небесная книга Енмара имеет земной аналог, ее автор – *Комиморт* (букв. с коми «коми человек»), в данном случае – это собственное имя сказителя. В поэме он назван туном-волшебником, т. е. человеком, обладающим древними магическими знаниями. К нему направляет автора-повествователя волшебный Ворон, посредник между миром повествователя и читателя с одной стороны и миром Леса, мифа – с другой. Жаков изображает сказителя как старца (ср.: Енмар – старец), который, сидя за столом в «серой» избушке, пишет свою книгу. Можно догадаться, что содержанием книги являются священные сказания древности, в т. ч. история Перми – Коми земли, исполненная Комимортом лирическому герою-автору.

Е.А. Созина отмечает преемственность сказительской традиции от бога Енмара к туну-волшебнику Комиморту, а затем – и к собственно повествователю, лирическому герою поэмы. Преемственность касается и образа Книги, в которую записываются древние сказания: отражением книги Енмара на небесах является книга Комиморта в лесной избушке, сам лирический герой воссоздает в поэме то, что он услышал от древнего сказителя [13, с. 130]. Отсюда преимущественное значение записанного слова перед памятью народа: именно в книге должны сохраняться сказания. Сказители Жакова *читают* из книги, а не исполняют устно, как это бывает в аутентичных исполнительских традициях. Таким образом, письменная традиция трансляции эпоса имеет законный статус: она санкционирована архетипической Книгой небесного Бога и освящена древними сказителями. В связи с этим литературный эпос самого Жакова является продолжением этой традиции.

Герои поэмы не путешествуют в иной мир, но они знают его устройство. В виде священного знания мифы о деяниях богов и об устройстве мира Вэрморт рассказывает сыну князя Яура Югыдморту: «Мало знают люди-дети / О великом и священном…»[13] Миропорядок устроен волей главного небесного бога Енмара

[13] *Жаков К.Ф.* Указ. соч. С. 131.

и его брата Оксоля: отрицательно маркированные объекты создает Оксоль, он же сеет злобу между людьми и зверями. Люди и звери начинают истреблять друг друга, поэтому Енмар, «оскорбившись», уходит на небо. Небо имеет вид «железной» крыши мира, Енмар катит по крыше «свинцовый шар», отчего образуется гром, и бросает вниз «стрелы молнии». Испугавшись, Оксоль уходит под землю, таким образом сотворив подземный мир.

Огромные пространства Севера в представлении Жакова были освоены разными народами еще в доисторические времена и составляли единую северную цивилизацию. Мир поэмы Жакова находится в мифологическом времени. Это время наиболее подходит для авторского описания «светлого прошлого», идеального мироустройства Севера, его Золотого века. Историческое время уже обозначено: это время катастроф, когда под натиском народа Роч исчезнет Биармийское царство, а спустя столетие после этого Пермь примет христианство и люди забудут древних богов.

Список литературы

1. *Терюков А.И.* История этнографического изучения народов коми. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 514 с.

2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.

3. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности (фрагмент первой главы) // *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С. 5–25.

4. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // *Топоров В.Н.* Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукоп. пам. Древ. Руси, 2010. Т. 1. С. 318–381.

5. *Лотман Ю.М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 413–447.

6. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.

7. *Лимеров П.Ф., Созина Е.К.* Поэтическая мифология Каллистрата Жакова в культурно-философском контексте // Вестн. Удмурт. ун-та. 2013. Вып. 4. С. 147–156.

8. *Мельникова Е.А.* Тема пира и дихотомия героического мира англосаксонского эпоса // Литература в контексте культуры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 16–29.

9. *Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.

10. *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1906. 450 с.

11. *Боура С.М.* Героическая поэзия. М.: Нов. лит. обозрение, 2002. 808 с.

12. *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера: моногр. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2004. 272 с.

13. *Созина Е.К.* Книга К.Ф. Жакова «Биармия» в контексте мифотворчества писателя // Арт. 2009. № 4. С. 134–141.

References

1. Teryukov A.I. *Istoriya etnograficheskogo izucheniya narodov komi* [The History of the Ethnographic Study of the Komi People]. St. Petersburg, 2011. 514 p.

2. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike [The Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki.*

Issledovaniya raznykh let [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Various Years]. Moscow, 1975, pp. 234–407.

3. Bakhtin M.M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti (fragment pervoy glavy)* [The Author and the Hero in Aesthetic Activity (an Extract from Chapter 1)]. Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary Critiques]. Moscow, 1986, pp. 5–25.

4. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [Space and Text]. Toporov V.N. *Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye kompleksy* [The World Tree. Universal Sign Systems]. Moscow, 2010. Vol. 1, pp. 318–381.

5. Lotman Yu.M. Problema khudozhestvennogo prostranstva v proze Gogolya [The Problem of Art Space in Gogol's Prose]. Lotman M.Yu. *Izbrannye stat'i. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected Articles. Vol. 1. Articles on Semiotics and the Typology of Culture]. Tallinn, 1992, pp. 413–447.

6. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, 1979. 360 p.

7. Limerov P.F., Sozina E.K. Poeticheskaya mifologiya Kallistrata Zhakova v kul'turno-filosofskom kontekste [Kallistrat Zhakov's Poetic Mythology in a Cultural and Philosophic Context]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 147–156.

8. Mel'nikova E.A. Tema pira i dikhotomiya geroicheskogo mira anglosaksonskogo eposa [The Feast Theme and the Dichotomy of the Heroic World in the Anglo-Saxon Epic Poetry]. *Literatura v kontekste kul'tury* [Literature in the Context of Culture]. Moscow, 1986, pp. 16–29.

9. Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [The Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia]. Yekaterinburg, 2009. 496 p.

10. Tiander K.F. *Poezdki skandinavov v Beloe more* [Travels of Scandinavians to the White Sea]. St. Petersburg, 1906. 450 p.

11. Boura S.M. *Geroicheskaya poeziya* [Heroic Poetry]. Moscow, 2002. 808 p.

12. Terebikhin N.M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk, 2004. 272 p.

13. Sozina E.K. Kniga K.F. Zhakova "Biarmiya" v kontekste mifotvorchestva pisatelya [K.F. Zhakov's Book *Bjarmaland* in the Context of the Writer's Myth-Making]. *Art*, 2009, no. 4, pp. 134–141.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.101

Pavel F. Limerov
Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
ul. Kommunisticheskaya 26, Syktyvkar, 167982, Respublika Komi, Russian Federation;
e-mail: plimeroff@mail.ru

MYTHOPOETICS OF THE NORTH IN THE LITERARY EPIC *BJARMALAND* BY KALLISTRAT ZHAKOV

The article deals with the epic poem *Bjarmaland* of a Komi writer, philosopher, poet and scholar Kallistrat Zhakov (1866–1926). This poem is a reconstruction of the hypothetical northern epos, which once existed on the territory of the European North. Zhakov's analytical method is described here: being an ethnologist, he singles out the remnants of epos and mythology in Komi folklore,

For citation: Limerov P.F. Mythopoetics of the North in the Literary Epic *Bjarmaland* by Kallistrat Zhakov. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 101–110. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.101

reconstructs the mythological worldview, including its pantheon of pagan gods, identifies a range of mythological topics related to cosmological concepts and deeds of ancient heroes; after that, he, being guided by Lönnrot's *The Kalevala*, Scandinavian sagas and Russian bylinas (heroic epics), develops a single epic plot. The poem's plot is constructed as an epic narrative about Komi heroes of the ancient past, when there still was a link between people and nature, people and gods, reality and myth. Thus, not only heroes are involved in the story's conflicts, but also various deities and natural objects. Zhakov pays special attention to the reconstruction of the northern epic world. This world is a northern civilization, whose main kingdom is the legendary Bjarmaland with the capital of Kardor in the Dvina River estuary. Bjarmaland is surrounded by other kingdoms and principalities, including the Vychegda Perm, from where the epic's heroes travel to Kardor to ask Bjarmaland's tsarevna in marriage. This entire world is wisely controlled by gods, who are frequently referred to in digressions running parallel to the storyline. Zhakov's epic world is determined by his urge to present the glorious past as an ideal world order of the Golden Age as compared with the realities of the modern world.

Keywords: *K. Zhakov, Bjarmaland, epic poem, northern epos, mythopoetics, cosmogonic myth.*

Поступила: 20.04.2017
Received: 20 April 2017

УДК 811.111-26 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.111

***ЛЫЗЛОВ Алексей Игоревич**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета. Автор 81 научной публикации, в т. ч. двух монографий[*]*

КОНЦЕПТ «КОРОВА» ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В предлагаемой статье изучаются фразеологические единицы английского языка. Термин «фразеологизм» рассматривается в широком смысле, когда к числу фразеологизмов относятся также пословицы и поговорки. Объект исследования данной работы – концепт «корова», который находит отражение в указанных языковых единицах. Термин «концепт» выступает одним из базовых в когнитивной лингвистике – современном направлении лингвистических исследований. Концепт «корова» является релевантным элементом английской лингвокультуры, что объясняет его присутствие в английских фразеологических единицах. Последние характеризуются наличием оценочного компонента значения. Под оценкой традиционно понимается отношение говорящего человека к сообщаемому. Целью настоящей статьи является изучение аксиологического потенциала концепта «корова», выступающего релевантной составной частью указанного концепта. В качестве основного метода исследования применяется метод когнитивного моделирования. Анализ концепта «корова» производится путем выделения аксиологически маркированных моделей, способствующих систематизации наших знаний о концептах. Задача данного исследования состоит в раскрытии механизма объективации исследуемого концепта в языке на примере фразеологических единиц. Процесс преобразования представлений человека в языковые высказывания осуществляется посредством моделирования ряда ситуаций, которые вследствие своей аксиологической «заряженности» также имеют оценочный характер. Английские фразеологические единицы объективируют ряд ментальных моделей, отражающих ценностный характер исследуемого концепта. При этом рассмотренные модели служат основой для объективации различного рода оценочных признаков – как положительных, так и отрицательных. Большинство из описываемых признаков имеет негативный характер.

***Ключевые слова:** английские фразеологизмы, концепт «корова», аксиологически маркированная модель, оценочный признак.*

Фразеологические единицы являются ярким отражением языка и культуры, в частности отражением концептуальных представлений человека. В данной статье рассматривается концепт, объективирующий в английских фразеологизмах исключительно деревенское животное,

[*]*Адрес:* 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4; *e-mail:* aleksej-lyzlov@yandex.ru

Для цитирования: Лызлов А.И. Концепт «корова» во фразеологизмах английского языка // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 111–118. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.111

которое можно встретить на полях и пастбищах. Речь идет о зоонимическом концепте «корова». Английский лингвист Логан Смит еще в середине XX века указывал на значительную долю уникалий во фразеологии английского языка: «…по своему характеру, юмору, по своим образам и ассоциациям английские идиомы являются глубоко национальными, передающими запах почвы, на которой они выросли, простор полей и пастбищ, дыхание деревень, откуда берут начало формы национального языка и национального искусства» [1, p. 173].

Многие фразеологические единицы английского языка, репрезентирующие данный концепт, присутствуют только в английской лингвокультуре. Возможно, по этой причине концепт «корова» в исследованиях фразеологов и когнитивистов занимает достаточно скромное место [2], т. е. недостаточно изучен. Этот факт обусловил выбор концепта «корова» в качестве объекта исследования. Из немногочисленного списка работ, посвященных рассматриваемому концепту, хотелось бы отметить статью И. Бинь [3], где применяется структурный подход. Лексико-семантическое поле «корова» характеризуется наличием периферийных компонентов: «бык» и «теленок». Автор выделяет ассоциативный, деривативный и фразеологический уровни описываемого концепта.

Итак, цель данной работы состоит в исследовании английских фразеологических единиц, объективирующих зоонимический концепт «корова». Указанный концепт рассматривается на основании теории ментальных моделей. Эта теория разрабатывалась многими учеными, наиболее крупными в этой сфере являются И.А. Мельчук, Т. ван Дейк, Дж. Лакофф, А. Вежбицкая.

И.А. Мельчук, исследуя понятие модели в рамках разработанной им теории «смысл – текст», отмечает, что при построении высказываний, т. е. «при движении от смысла к тексту» [4, с. 22], происходит сложный процесс обработки информации, получаемой человеком извне. Модель «смысл – текст» отвечает за воплощение полученного смысла при выполнении задачи словесного описания некой ситуации. Для получения информации из окружающего мира, для того чтобы иметь возможность сохранять ее в сознании в виде единиц мышления, существует другая модель: «действительность – смысл». Основной посыл И.А. Мельчука состоит в следующем: существуют два явления, не сводимых одно к другому. Во-первых, это собственно информация в сознании человека. Во-вторых, способы, механизмы реализации моделей в виде высказывания – текста. То есть перевод информации из плана сознания в план языка [4, с. 24]. Этот процесс явно имеет динамический характер. Каждое из представленных явлений имеет свои задачи, механизмы работы, категориальный аппарат.

В англоязычной лингвистике термин «ментальная модель» был представлен в работах П. Джонсона-Лэрда [5, p. 72]. Дж. Лакофф в книге «Женщины, огонь и опасные вещи» говорит о том, что человеческое знание организовано посредством структур, которые он называет «идеализированными когнитивными моделями» [6, p. 99]. Модели, по Т. ван Дейку, выступают в качестве референциальной основы когнитивной интерпретации [7, с. 141]. В своих последних работах ван Дейк описывает ментальные модели как продукт взаимодействия между дискурсом и человеком (обществом), используя термин информатики «интерфейс» для описания характера этого взаимодействия [8, p. 126]. Некоторые известные англоязычные исследователи, например Н. Хомски и Р. Джакендоф, описывают человеческий мозг и человеческое сознание в терминах информатики. Так, мозг они сравнивают с «компьютерным железом» – электронным носителем информации, тогда как сознание человека сопоставляется с программным обеспечением, которое на компьютерном сленге называется «софтом» [9, p. 18; 10, p. 21].

Ментальные модели имеют социальный характер: они существуют в сознании многих носителей языка и отражают социальные ситуации для той или иной культуры, релевантный опыт того или иного социума. Иными словами, по ван Дейку, они существуют в «социальной

памяти». Порождаемые обществом, присутствуя в коллективном сознании, модели имеют динамический, а не статический характер, развиваясь и меняясь вместе с ним. Ментальные модели имеют схематическую структуру, укорененную в культуре того или иного социума, многим из них присущ генерализированный, если не универсальный характер [8, p. 169]. В их число входят и ситуации прагматического характера, связанные с **оценкой**. Оценки вместе со знаниями общего характера и идеологемами составляют «социальную память общества» [8, p. 25]. Необходимо отметить, что английские фразеологизмы заявленной тематики исследуются в данной работе в рамках аксиологического и лингвокультурного подходов. Оценочный компонент, имеющий культурную специфику в рамках английских фразеологизмов, является одним из важнейших элементов значения изучаемых языковых единиц.

Помимо термина «ментальная модель» необходимо остановиться еще на одном важном термине когнитивной лингвистики – «скрипт». Под культурным скриптом А. Вежбицкая понимает общеизвестные и обычно неоспариваемые мнения о том, что хорошо и что плохо, что можно и чего нельзя. Скрипты – это «мнения, которые отражаются в языке и поэтому представляют собой некоторые объективные факты, доступные научному изучению» [11, с. 389]. Трактовка культурных скриптов осуществляется через исследование ключевых слов. Скрипты бывают универсальными и специфическими. Культурные скрипты отражают «наивную аксиологию», запечатленную в языке [11, с. 391].

Данный термин встраивается А. Вежбицкой в систему представлений, известную как картина мира. Важно также обратить внимание на рассуждения автора о том, что культурные скрипты могут реализовываться не только в свободных сочетаниях, но и во фразеологических единицах как ярких представителях наивной картины мира. Последняя, в свою очередь, раскрывает наивные представления аксиологического характера, изучаемые в данной работе. Однако, как считает ряд исследователей [12–14], понятие скрипта имеет процедурный характер. Изначально скриптам приписывалась функция, связанная с отражением процессов, а не представлений. Ментальная модель как инструментарий концепта в этом смысле несколько шире. Для нашей работы ценность понятия «ментальная модель» заключается в том, что оно позволяет описывать наглядные перцептивные концепты, ментальные единицы, которые являются прежде всего продуктом сознания, а в конечном счете – плодом культуры [14, p. 23].

Помимо описания моделей, раскрывающих содержание концепта в рамках исследуемых фразеологических единиц, в данной статье также изучается признаковая составляющая зоонимического концепта «корова». Это одна из важных задач данного исследования. Оценочные признаки получают выражение в виде понятий, которые, по определению А. Вежбицкой, именуются ключевыми словами, необходимыми для понимания объема значения концепта [11].

Рассмотрим ряд фразеологизмов, объективирующих концепт «корова» и отражающих оценочные признаки этого концепта.

Быстрота. Физическую активность как положительно оцениваемый признак описывает фразеологизм **as nimble as a cow in a cage**[1]. Данное компаративное высказывание имеет нормативно-оценочный характер. В нем реализуется глубинная модель «человек бывает проворным» как область цели образного описания нормативной ситуации. Областью источника служит образная модель «корова бывает проворной».

Относительность. Релятивный характер и многоаспектность человеческого бытия отражаются в системе его оценок. Во фразеологизмах реализуется глубинная модель «в мире все относительно: хорошее может порождать плохое» в качестве области цели метафорической номинации. Областью источника служит образная модель «корова – не воплощение идеального

[1] *Apperson G.L.* The Wordsworth Dictionary of Proverbs. Hertford; London: Wordsworth Editions Ltd., 2006. P. 116.

добра, она производит как плохое, так и хорошее». Данная модель воплощается в единице **it is not all butter that comes from the cow**. Зло в ней представлено имплицитно, в рамках семантики отрицания. Добро же предстает в образе масла. Высказывание **many a good cow has an evil calf** констатирует факт, что у хороших родителей могут быть плохие дети. Корова и теленок представляют родителей и детей. Фразеологическая единица – **the largest calves are not the sweetest veal** – говорит о том, что физиологические размеры не всегда влияют на другие свойства организма. Процесс дойки молока описывает единица **the cow gives good milk but kicks over the pail**. Она учит нас осторожности и внимательности. Идея о сосуществовании добра и зла раскрывается в следующем фразеологическом высказывании: **all cows come to town, some good, some bad**. Фразеологизм **a red cow gives good milk**[2] приучает к мысли о том, что деловые качества представляют значительную ценность, они превалируют над внешними данными. Идея о том, что личные качества человека, а не его родословная имеет ценность, раскрывается в такой фразеологической единице: **better a good cow than a cow of a good kind**[3].

Лицемерие. «Человек часто бывает лицемерным: кричит и плачет, не испытывая подлинных чувств» – данная глубинная ментальная модель отражается в виде образной модели: «корова может мычать, так она выражает свои чувства». Глубинная модель функционирует в качестве области цели метафорического описания, образная модель – в качестве области источника метафорического описания. Образ мычащей коровы метафорически отражает образ опечаленной женщины, который встречается в следующем фразеологическом высказывании: **a bellowing cow soon forgets her calf**[4]. Нужно отметить, что это притворная печаль, свидетельством чего является второй образный элемент фразеологической ситуации, образ забытого теленка.

Болтливость. Образы коровьего языка и рогов находим в образной модели «у коров и быков длинные языки». Она является областью источника метафорической номинации. Модель «человек бывает болтливым» выступает областью цели метафорического описания. Использование зоонимического образа для негативной оценки чрезмерной словоохотливости находим во фразеологической единице **to have a cow's tongue**[5]. При сравнении языка человека с языком коровы осуществляется оценка характера человека на основе антропометрических данных, отождествляются количественные показатели с показателями качественными. Данная единица реализует идею о том, что из-за своей болтливости человек может сам поставить себя в неудобное положение.

Поспешность. Поспешность является негативным признаком, что отражается в образной модели «невозможно съесть теленка, который еще не родился». Указанная образная модель выступает проводником глубинной модели «невозможно получить то, чего еще нет». Отрицательная оценка чрезмерной поспешности дается в следующей фразеологической единице: **to eat the calf in the cow's belly**[6]. Данное высказывание не лишено иронии, поскольку в реальности выполнение этого сценария в принципе невозможно. Рассматриваемая единица создает необходимый экспрессивный фон для того, чтобы в контексте дать негативную оценку неоправданной поспешности.

---

[2] *Apperson G.L.* Op cit. P. 17, 80, 116, 117.

[3] The Oxford Dictionary of Proverbs / ed. by J. Speake. 5th ed. N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 20.

[4] Ibid. P. 17.

[5] *Apperson G.L.* Op cit. P. 584.

[6] Ibid. P. 80.

Агрессивность. Образ коровы используется во многих фразеологических единицах для описания ярости и силы. Данные качества отражены в образной модели «агрессивная корова не столь уж и опасна». Ее задача состоит в том, чтобы отразить значение глубинной ментальной модели «агрессивных людей стоит опасаться». Известная фразеологическая единица **curst cows have short horns**[7] порицает немотивированную агрессию, предостерегает от неоправданных агрессивных поступков, а также приучает людей не бояться демонстративного поведения. Судьба смиряет агрессивных: короткие рога символизируют невозможность нанести серьезный ущерб.

Жадность. Корова и бык для сельского хозяйства представляют весьма ценное имущество. Данные образы используются в ряде фразеологических единиц в качестве образного элемента для негативной оценки жадности. В этом контексте получает реализацию образная модель «быки и коровы – ценное достояние, предмет вожделения алчных людей». Она объективирует глубинную модель «жадный человек не остановится, он будет удовлетворять растущие потребности». Ироническое отношение к жадности, склонности к воровству находим в такой фразеологической единице: **let him take the cow that stole the calf**. Образы теленка и коровы как объект притязаний алчных людей используются для непрямого описания пространственных реалий «большее» и «меньшее». Почти двести лет спустя после ее появления фиксируется фразеологическая единица со сходным значением: **he who will steal a calf will steal a cow**[8]. В ней также присутствуют образы теленка и коровы. Семантика данной единицы обогащается модальным оттенком желательности, который привносит глагол **will.**

В ряде фразеологизмов с образами крупного рогатого скота присутствует ирония. Таковой является фразеологическая единица, построенная как риторический вопрос: **why buy a cow when the milk is cheap?**[9] Жадность ассоциируется у англичан с ситуацией поедания, проглатывания. Таково значение фразеологизма **to swallow an ox and be choked with a tail**[10]. Ирония заключается в том, что, получив большее, алчный человек терпит фиаско в самый неподходящий момент, когда до достижения желанной цели остается совсем немного. Данная фразеологическая единица реализует количественную метафору, основанную на контрарных понятиях «много» и «мало». Почти через сто лет после появления рассмотренной выше фразеологической единицы у нее появляется синоним: **it is idle to bellow the cow and choke with the tail**[11]. В рамках последней единицы наблюдается наличие предикатива **idle** с ярко выраженным пейоративным оценочным значением.

Глупость. В ряде фразеологизмов глубинная модель «глупый человек совершает недальновидные поступки» воплощается в виде образной модели «корова не очень сообразительна, она совершает непрактичные действия». Первая модель является областью цели метафорического переосмысления, вторая – областью источника. Фразеологизм **the cow knows not what her tail is worth till she has lost it**[12] описывает глупость через незнание, неопытность. В данной единице осуществляется противопоставление понятий «часть» и «целое». Неудачливость из-за собственной глупости, когда человек оказывается причиной собственных несчастий, объективирует фразеологизм **as good luck as had a cow that struck herself**

---

[7] *Apperson G.L.* Op cit. P. 116.

[8] Ibid. P. 80, 117.

[9] The Oxford Dictionary of Proverbs. P. 118.

[10] *Apperson G.L.* Op cit. P. 442.

[11] The Oxford Dictionary of Proverbs. P. 309.

[12] *Apperson G.L.* Op cit. P. 117.

with her own horn[13], в котором разворачивается ситуация, где присутствует корова, боднувшая саму себя. Отрицательная оценка невежеству выносится во фразеологическом высказывании **he knows no more what to do with it than a cow does with a holiday**[14]. В данном случае мы имеем дело с приемом иронии, ведь животные не осознают календаря, созданного человеком, не видят разницы между будними днями и праздниками.

Слабость. «Слабый человек не может много работать» – данная глубинная модель как область цели метафоризации находит отражение в образной модели «корова может быть слабой», которая является областью источника метафорического переосмысления. Необходимо отметить, что бык, символ силы и свирепости, выступает в некоторых фразеологических единицах в несвойственном ему амплуа, описывая, например, физическую слабость. Утилитарный подход наблюдаем в идиоме: **the cow little gives that hardly lives**[15], где речь идет о том, что полуживая корова не дает много молока.

Невозможность. Глубинная модель «невероятные события вызывают сомнения» как область цели метафорического описания действительности находит отражение в образной модели «корова хорошо известна человеку, с ней не случается ничего необыкновенного», задействованной в качестве области источника метафорического описания. Неповоротливая корова во фразеологизме **a cow may catch a hare** используется для того, чтобы в ироничной манере описать ситуацию, в которой достижение желаемого совершенно невозможно. Несколько позже появляется фразеологическая единица: **butter is in a cow's horn once a year**, где иронически описывается ситуация, когда масло можно найти в рогах у коровы, но не всегда, лишь раз в году. Наивная картина мира допускает возможность даже нереальных событий. Фразеологизм **as much use as had the cow for side pockets**[16] является довольно поздним элементом и примером иронического описания действительности. Понятия «корова» и «боковые карманы» в принципе не сочетаются.

Неудачливость. Понятия удачи и неудачи имеют относительный характер. Эта мысль получает отражение во фразеологизме, датированном концом XVII века: **as good luck as the lousy calf that lived all winter and died in the summer**[17]. Данная единица отражает образную модель «корова может долго выносить лишения, но в результате погибает от голода», используемую в качестве области источника метафорического переноса. Область цели предстает в виде глубинной модели «несчастливый человек переживает серьезные трудности, но гибнет при благоприятных условиях».

В качестве вывода хотелось бы отметить, что концепт «корова» весьма широко представлен во фразеологической системе английского языка. Этот факт позволяет заключить, что данный концепт занимает важное место в английской лингвокультуре. В качестве основного метода исследования применялся метод когнитивного моделирования. Ментальные модели являются тем инструментом, который позволяет осуществить переход от сферы мысли к сфере языкового высказывания, от смысла – к тексту и наоборот. Таким образом, мы приближаемся к пониманию механизма реализации исследуемого концепта в языке на примере фразеологических единиц.

Объективированный в виде фразеологизмов концепт «корова» реализует различные ментальные модели, которые, в свою очередь, способствуют отражению ряда оценочных признаков. Нужно отметить, что рассматриваемый концепт

---

[13]*Кунин А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., исправл. М.: Живой яз., 1998. С. 181.

[14]*Apperson G.L.* Op cit. P. 117.

[15]Ibid.

[16]Ibid. P. 78, 116, 118.

[17]Ibid. P. 116.

отражает как положительные, так и отрицательные оценочные признаки. Среди первых встречается такой признак, как быстрота. Ко вторым относятся следующие признаки: лицемерие, болтливость, поспешность, агрессивность, жадность, глупость, слабость, невозможность, неудачливость. Таким образом, подавляющее большинство признаков содержит отрицательную оценку.

Список литературы

1. *Smith L.P.* Words and Idioms: Studies in the English Language. London: Constable and Co, 1927. 300 p.

2. *Скитина Н.А.* Лингво-когнитивный анализ фразеологических единиц с зоонимным компонентом (на материале русского, английского и немецкого языков): автореф. … дис. канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.

3. *Бинь И.* Ассоциативно-семантическое поле концепта «корова» в современном русском языке // Изв. вузов. Сер.: Гуманит. науки. 2014. Т. 5, № 4. С. 311–314.

4. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ<=>ТЕКСТ». М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. 346 с.

5. *Johnson-Laird P.N.* Mental Models in Cognitive Science // Cogn. Sci. 1980. № 4. P. 71–115.

6. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 332 p.

7. *ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / под ред. В.И. Герасимова; сост. В.В. Петрова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

8. *van Dijk T.A.* Discourse, Context and Cognition // Discourse Stud. 2006. Vol. 8, № 1. P. 159–177.

9. *Chomsky N.* New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge University Press, 2000. 252 p.

10. *Jackendoff R.* Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution. Oxford: Oxford University Press, 2002. 477 p.

11. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Яз. славян. культур, 2011. 568 с.

12. *Schank R.C., Abelson R.P.* Scripts, Plans, Goals and Understanding. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., Publishers, 1977. 248 p.

13. *Ungerer F., Schmid H.-J.* An Introduction to Cognitive Linguistics. 2nd ed., Harlow: Pearson-Longman, 2006. 384 p.

14. *Evans V.* A Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 234 p.

References

1. Smith L.P. *Words and Idioms: Studies in the English Language*. London, 1927. 300 p.

2. Skitina N.A. *Lingvo-kognitivnyy analiz frazeologicheskikh edinits s zoonimnym komponentom (na materiale russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Cognitive Linguistic Analysis of Phraseological Units with the Zoonym Component (Based on the Russian, English and German Languages)]. Moscow, 2007. 20 p.

3. Bin' I. Assotsiativno-semanticheskoe pole kontsepta "korova" v sovremennom russkom yazyke [Associative-Semantic Field of the Concept "Cow" in the Modern Russian Language]. *Izvestiya vuzov. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2014, vol. 5, no. 4, pp. 311–314.

4. Mel'chuk I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley "SMYSL<=>TEKST"* [The Experience of the Theory of the Linguistic Models "MEANING <=> TEXT"]. Moscow, 1999. 346 p.

5. Johnson-Laird P.N. Mental Models in Cognitive Science. *Cogn. Sci.*, 1980, no. 4, pp. 71–115.

6. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago, 1987. 332 p.

7. van Dijk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, 2015. 320 p.

8. van Dijk T.A. Discourse, Context and Cognition. *Discourse Stud.*, 2006, vol. 8, no. 1, pp. 159–177.

9. Chomsky N. *New Horizons in the Study of Language and Mind*. Cambridge University Press, 2000. 252 p.

10. Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford, 2002. 477 p.

11. Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty* [Semantic Universals and Basic Concepts]. Moscow, 2011. 568 p.
12. Schank R.C., Abelson R.P. *Scripts, Plans, Goals and Understanding*. Hillsdale, 1977. 248 p.
13. Ungerer F., Schmid H.-J. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. Harlow, 2006. 384 p.
14. Evans V. *A Glossary of Cognitive Linguistics*. Edinburgh, 2007. 234 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.111

Aleksey I. Lyzlov
Smolensk State University;
ul. Przheval'skogo 4, Smolensk, 214000, Russian Federation;
e-mail: aleksej-lyzlov@yandex.ru

THE CONCEPT *COW* IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

This article dwells on English phraseological units. The term *phraseological unit* is regarded here in its broad meaning, including proverbs and sayings. The object of research is the concept *cow*, reflected in the linguistic units under consideration. The term *concept* is one of the basic terms in cognitive linguistics, a modern trend in linguistic studies. The concept *cow* is a significant element of English linguistic culture, which explains its presence in English idiomatic expressions. The latter are characterized by having an evaluative component in their meanings. Traditionally, evaluation is understood as the speaker's attitude towards the referent. This article aimed to study the axiological potential of the concept *cow*, which is an important constituent part of this concept. Cognitive modelling was used as the key method of this research. The concept *cow* was analysed by identifying axiologically marked models, contributing to the systematization of our knowledge of concepts. The objective of this work was to explore the mechanism of realization of the concept under study in the language, taking phraseological units as an example. Human ideas are transformed into statements by means of modelling a number of situations which, due to their axiological charge, also are evaluative. English phraseological units objectify a number of mental models reflecting the evaluative nature of the concept under study. Moreover, the considered models serve as the basis for objectification of various evaluative features, both positive and negative. It should be noted that the majority of the described features are negative.

Keywords: *English phraseological units, the concept "cow", axiologically marked model, evaluative feature.*

Поступила: 24.03.2017
Received: 24 March 2017

For citation: Lyzlov A.I. The Concept *Cow* in English Phraseological Units. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 111–118. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.111

УДК 81’37

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.119

***МУХИН Михаил Юрьевич**, доктор филологических наук, директор департамента лингвистики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 114 научных публикаций*[*]

***ОГОРОДНИКОВА Екатерина Алексеевна**, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 9 научных публикаций* [**]

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ СИНОНИМИИ И ТРОПОНИМИИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ТЕЗАУРУСА

В статье рассматриваются вопросы построения семантической классификации глаголов русского языка, основанной на четком различении гипо-гиперонимических и синонимических отношений. Подобные классификации используются при построении электронных тезаурусов: первым опытом создания подобного лексикографического ресурса является проект WordNet. Горизонтальные семантические отношения, представленные синонимией, объединяют лексические единицы в ряды, называемые в подобных тезаурусах синсетами. Вертикальные родо-видовые (или гипо-гиперонимические) связи, устанавливаемые между глагольными синсетами, составляют сферу тропонимии. Отмечается, что в лексикографии нет четких критериев формирования синсетов – зачастую в синонимические ряды попадают гипо-гиперонимы. В строго структурированных электронных тезаурусах необходимо избегать такого рода смешений. В ходе работы с использованием компонентного анализа, метода ступенчатой идентификации дефиниций, лингвистического теста и привлечением существующих словарей проанализированы глаголы группы открытия или раскрытия чего-либо. В первую очередь установлены тропонимические отношения, построены цепочки глаголов от наиболее конкретных к абстрактным и после этого сформированы глагольные синсеты. Выявлены случаи смешения синонимии и тропонимии в существующих словарях синонимов. Несмотря на то, что в речи гипо-гиперонимические пары часто используются для выражения одного и того же значения, в программах автоматической обработки текста данная замена может привести к частичному искажению смысла. Чтобы избежать подобных ошибок, установлена условная граница, после которой гипо-гиперонимы не могут заменять друг друга в контексте. Такой порог обнаруживается при применении метода ступенчатой идентификации дефиниций, в случае если два глагола вступают в отношения взаимного толкования.

Ключевые слова: *лексикография, электронный тезаурус, глагольная синонимия, глагольная тропонимия, идеографический анализ.*

---

[*]*Адрес:* 620083, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51; *e-mail:* mu-hi@ya.ru

[**]*Адрес:* 620083, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51; *e-mail:* kruglikova.katya@yandex.ru

Для цитирования: Мухин М.Ю., Огородникова Е.А. Разграничение глагольной синонимии и тропонимии при построении электронного тезауруса // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 119–127. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.119

Электронные тезаурусы приобретают все большую значимость в решении различных задач современной лингвистики. В первую очередь это связано с возможностью представления данных в более практичном и наглядном виде по сравнению с традиционными «бумажными» словарями, а также с использованием этих ресурсов в сфере автоматизации обработки текста.

Особую группу электронных тезаурусов составляют проекты типа WordNet. Их основной структурной единицей являются синонимические ряды, или синсеты, которые, в свою очередь, объединены различными типами семантических отношений [1, p. 8]. Такие словари появились сравнительно недавно, поэтому разработка концепции их создания и наполнения остается важной проблемой компьютерной лексикографии. Например, в целях повышения качества наполнения тезаурусов и снижения финансовых и временных затрат при их создании может использоваться метод краудсорсинга [2].

Ведущими для конструкции тезауруса являются горизонтальные синонимические и вертикальные гипо-гиперонимические (или родо-видовые) связи. Последние представляют собой «противопоставление лексических единиц, соотносящихся с понятиями, объемы которых пересекаются, например, слово с более узким смысловым содержанием противопоставлено слову с более широким смысловым содержанием. Значение первого при этом включается в значение второго»[1]. В случае же глагольной гипо-гиперонимии речь идет о тропонимических отношениях.

Цель нашего исследования – разработать критерии соотношения тропонимических цепочек и синсетов таким образом, чтобы в синсеты не попадали глаголы-тропонимы, а глагольная гипо-гиперонимия была стройной и непротиворечивой.

Тропонимические отношения между двумя глаголами могут быть выражены формулой «To V_1 is to V_2 in some particular manner» («делать V_1 – это делать V_2 особым способом»). Термин «тропонимия» (от греч. *tropos* – «способ, манера») был введен создателями Princeton WordNet [3, p. 47] – первого в своем роде электронного тезауруса. Тропонимы отличаются от гиперонимов наличием особых категориальных признаков: «…тропонимия возможна относительно любого аргумента – участника ситуации, а также атрибутов и сирконстантов, например, русские глаголы управления *президентствовать*, *княжить*, *царить* отличаются по признаку лица правителя, *управлять*, *руководить*, *администрировать* – по характеру объекта, *управлять*, *владычествовать*, *властвовать* – по объему имеющейся власти и т. д.» [4, с. 155].

В то же время в существующих лексикографических источниках (словарях синонимов, тезаурусах и обычных толковых словарях) и синонимические, и тем более гипо-гиперонимические отношения в разных случаях выделяются непоследовательно. Вообще говоря, отбор элементов, включенных в синонимические ряды, зависит от конкретных задач и формата словаря; существуют лексикографические критерии, которым необходимо следовать при составлении синонимического ряда. Одна из точек зрения выражена во введении к Словарю синонимов русского языка А.П. Евгеньевой: в частности, «нельзя признать синонимами слова, относящиеся к различным историческим эпохам (*заявление*, *прошение*, *челобитная*)»[2].

Известно, что в лексикологической теории существует представление о семантических и стилистических сходствах и различиях между синонимами, т. е. заведомо допускается неточность синонимического ряда. Экстралингвистическая причина появления неточной синонимии состоит, например, в том, что в реальности существуют схожие предметы и явления. Так, в синонимический ряд глагола

---

[1]Русский язык: энцикл. / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997. С. 81.

[2]*Евгеньева А.П.* Введение // Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред А.П. Евгеньевой. М., 2003. Т. 1. С. 6–7.

брести могут входить глаголы, отличающиеся минимальными компонентами значения: например, *плестись*, *тащиться*, *тянуться*, *ползти*, *волочиться*[3]. Все указанные слова обозначают практически одно и то же, с незначительными различиями. Это связано с тем, что и в действительности процесс может протекать в различных формах – без изменения основных значимых признаков.

Элементы синонимического ряда также могут различаться в зависимости от эмоционально-экспрессивной окраски [5, с. 217], которая в определенных случаях ограничивает применимость тех или иных синонимических замен. Появление у нейтрального слова стилистически окрашенных синонимов часто связано со сферой употребления, социальной группой, наиболее активно использующей данные выражения, и общей оценкой явления в обществе. Например, глагол *красть* формирует синонимический ряд со стилистически окрашенными элементами: не только *воровать*, *похищать*, *присваивать,* но и *тибрить*, *тянуть*, *цапать*, *стянать*, *слизнуть*, *слимонить*, *прикарманить*[4]. Такие синонимы, естественно, используются в текстах, принадлежащих к разным функциональным стилям.

Четких, формализованных критериев формирования синонимического ряда из слов, имеющих семантические различия, в лексикографии нет. По сути, это вопрос о том, где проходит граница между синонимами, соотносимыми с общим понятием, и областью слов с принципиально другой семантикой.

Анализ синонимических рядов в различных словарях показывает, что в них зачастую включаются:

а) слова одной тематической группы (когипонимы): например, *палка*, *трость*, *посох*, *дубинка*, *палица*[5], в т. ч. те, что относятся к разным эпохам, культурам (*раб*, *невольник*, *крепостной*, *холоп*, *данник*, *илот*[6]);

б) гипо-гиперонимы: например, *танцевать*, *плясать* – гиперонимы; *вальсировать*, *галопировать* – гипонимы[7].

И те, и другие могут быть причислены «к квазисинонимам» – в таком значении этот термин использует Ю.Д. Апресян [5, с. 235].

Итак, синонимия может пересекаться с явлением гипо-гиперонимии. Эти случаи являются примерами «родо-видовой квазисинонимии, реализующейся в тех контекстах, где подчеркивается то общее, что есть у заменяемых слов»[8], которые часто обнаруживаются в одном синонимическом ряду: например, *передвигаться – идти – плестись*.

Учитывая возможность частичного пересечения тропонимии и синонимии, считаем, что в структурно строгих электронных тезаурусах необходимо избегать их смешения. Когда подобные словари применяются в программах автоматической обработки текстов и других электронных ресурсах, возникает риск неверной оценки семантики конкретной лексической единицы. Использование тезаурусов в практике преподавания языка как иностранного также требует большей точности при разведении более конкретных и более абстрактных лексических значений. Таким образом, глагольные синсеты WordNet-тезаурусов должны включать видовые пары, близкие или эквивалентные по значению и содержащие примерно одинаковые по объему понятия, передающие информацию одного уровня конкретности.

---

[3]Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 2003. С. 94.

[4]*Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. URL: http://www.gramota.ru/slovari/info/abr/ (дата обращения: 25.06.2017).

[5]*Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1969. С. 343.

[6]*Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений.

[7]Там же.

[8]Русский язык: энцикл. С. 81.

Рассмотрим составление фрагмента общей семантической WordNet-сети с акцентом на разграничении синонимических и тропонимических отношений глагольной лексики. Начнем с вертикальных, тропонимических, отношений, чтобы зафиксировать, какие понятия представлены в вертикальной цепочке, сколько уровней охвачено и какую структуру имеет иерархия конкретной глагольной группы. После этого можно расширять схему за счет горизонтальных, синонимических, отношений. При таком алгоритме действий становится понятно, в каких случаях происходят частичное пересечение и смешение гипонимии и синонимии.

Тропонимические отношения между глаголами в представленной работе выявлены на основании теории компонентного анализа [6, с. 8] и методики ступенчатой идентификации, описанных Э.В. Кузнецовой [7, с. 84–85]. Кроме того, был использован лингвистический тест «Делать V_1 означает делать V_2 особым образом» [6, с. 47]. Для подробного анализа была выбрана группа глаголов с типовой семантикой открытия или раскрытия чего-либо. Этот глагольный класс включает такие видовые пары, как: *взламывать*/*взломать*, *откупоривать*/*откупорить*, *разворачивать*/*развернуть*, *разжимать*/*разжать*, *отпирать*/*отпереть* и т. д.[9] Представляется, что наиболее правильно строить цепочки в направлении от самых конкретных к абстрактным. Такое движение «снизу вверх» обусловлено характером методики и теста, используемых при анализе.

Проанализируем наиболее конкретные по значению глаголы данной группы. В рассуждениях будем использовать определения из Толкового словаря русских глаголов Л.Г. Бабенко[10], Большого толкового словаря С.А. Кузнецова[11] и Русского Викисловаря[12].

Глагол *взламывать*/*взломать* в словаре под ред. Л.Г. Бабенко имеет следующую дефиницию: ‘Открывать/открыть что-л. запертое, целое, вскрывая чем-л. острым (ломом, топором, ножом и т. п.), ломая, нарушая целостность’[13]. Следующее определение дает словарь С.А. Кузнецова: ‘Ломая, вскрыть, развороти́ть запертое, целое’[14]. Рассмотрим также определение из Викисловаря: ‘Открыть с силой, без помощи ключа’[15].

В двух определениях из трех опорным словом дефиниции выступает глагол *открывать*/*открыть*. Этот глагол является более абстрактным, чем *взламывать*/*взломать*. Словарь С.А. Кузнецова, напротив, в качестве опорного слова приводит синонимичные глаголы *вскрыть*, *развороти́ть*. Использование гиперонима в качестве основного оператора словарной статьи вполне типично для лексикографии. Поскольку глагол *взламывать*/*взломать* имеет достаточно конкретное значение, большая часть словарей толкует его с помощью указания на родовое понятие.

Статьи глагольной пары *открывать*/*открыть* в словарях Л.Г. Бабенко и С.А. Кузнецова имеют схожий вид: ‘Раскрывать/раскрыть что-л. запертое, закрытое, снимая крышку, раздвигая створки и т. п. и устраняя преграду для проникновения внутрь’; ‘Раскрывая, распахивая двери, дверцы, крышку и т. п. какого-л. помещения, вместилища, сделать доступным их внутреннюю часть, содержимое; сделать возможным доступ внутрь чего-л.’[16] В приведенных формулировках акцентируются одни

---

[9]Толковый словарь русских глаголов / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 1999. С. 179–182.

[10]Там же.

[11]Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000. URL: http://www.gramota.ru/slovari (дата обращения: 20.06.2017).

[12]Русский Викисловарь. URL: https://ru.wiktionary.org/ (дата обращения: 20.06.2017).

[13]Толковый словарь русских глаголов. С. 179.

[14]Большой толковый словарь русского языка.

[15]Русский Викисловарь.

[16]Толковый словарь русских глаголов. С. 180; Большой толковый словарь русского языка.

и те же компоненты значения. Особое внимание обращено на объект действия и его части, положение которых изменяется, а также на цель выполнения действия.

Викисловарь приводит дефиницию, выделяющую дополнительные семантические компоненты глагола *открывать*/*открыть*: ʻДелать открытым для прохода человека, воздуха, света, изменяя положение преградыʼ[17]. Здесь подчеркивается результат совершенного действия.

Каждое толкование отражает значение совершения конкретного физического действия, которое в общем виде реализует глагол *делать*/*сделать*. Этот глагол является гиперонимом для *открывать*/*открыть*, но между ними существует еще два семантических «этажа», выраженных не словесно, а лишь имплицитно подразумеваемых в дефиниции. Одним из них выступает значение воздействия на объект, реализуемое синсетом *воздействовать*, *подвергать*/*подвергнуть (воздействию)*.

Кроме того, существенным для *открывать*/*открыть* оказывается компонент совершения физического действия, который также важен для построения общей классификации, но не конкретизирован в значении глагола *делать*/*сделать*, т. к. последний может быть применен к интеллектуальной, социальной и другим видам деятельности. В русском языке не существует слова или устойчивого выражения, охватывающего все семантическое поле глаголов физического действия. В случае гипо-гиперонимической классификации этот уровень можно обозначить условным оператором [*осуществлять физическую деятельность*]. Только после этих двух уровней тропонимическая цепочка переходит к одному из наиболее абстрактных глагольных уровней – синсету глагола *делать*/*сделать*.

Схема тезауруса не является полной, если она объединяет только отдельные лексические единицы – тропонимы. Необходимо расширить ее за счет синсетов (синонимических рядов). Синонимические отношения глагольной лексики мы выделили на основе традиционных синонимических словарей русского языка и анализа полученных результатов в соответствии с критериями отбора синонимов в рамках электронных тезаурусов. Если внутри синсета обнаруживалась гипо-гиперонимическая пара, то эти лексемы мы в дальнейшем располагали на разных уровнях классификации.

Опишем принцип работы с синонимическими рядами. Например, глагол *размыкать*/*разомкнуть* в Словаре синонимов русского языка З.Е. Александровой включен в следующий синонимический ряд: *открыть*, *разомкнуть (веки*, *рот)*, *разинуть (рот*, *пасть)*, *разъявить*[18]. По Словарю синонимов русского языка Л.Г. Бабенко синонимический ряд выглядит так: *открывать*/*открыть*, *размыкать*/*разомкнуть*, *раскрывать*/*раскрыть*, *отверзать*/*отверзть*, *разевать*/*разинуть*[19].

Чтобы установить соответствие составленных групп слов критериям электронных тезаурусов, основывающихся на гипонимических отношениях, необходимо проанализировать степень совпадения абстрактности/конкретности семантических компонентов данных единиц. Рассмотрим дефиниции этих глаголов[20].

1. Открыть – развернуть что-л. закрытое, сложенное, свернутое; раскрыть.

2. Разомкнуть – разъединить или раздвинуть сомкнутое.

3. Разинуть (разг.) – широко раскрыть (рот, пасть).

4. Раскрыть – разъединить, раздвинуть, разомкнуть что-л. соединенное, сложенное.

---

[17]Русский Викисловарь.

[18]*Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. С. 330.

[19]Словарь синонимов русского языка / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 2011. С. 70.

[20]Ср.: Большой толковый словарь русского языка и Русский Викисловарь.

5. Отверзть (устар.) – открыть, раскрыть.

6. Раззявить (разг., груб.) – широко открыть (обычно о рте)[21].

Из определений видно, что глаголы *открыть*, *раскрыть*, *разомкнуть*, *отверзть* обладают более абстрактным значением, чем *раззявить* и *разинуть*. Расхождение значений происходит по двум признакам: употребление по отношению к частям тела, мимике и эмоциональная окраска, интенсивность действия. Однако для подтверждения гипотезы нужно сверить данные с другими источниками. Например, в Толковом словаре русских глаголов Л.Г. Бабенко указание на использование глагола по отношению к частям тела сохраняется в дефинициях *размыкать*, *разжимать*, *раскрывать* и *открывать* (глаголы *разинуть* и *раззявить* в словнике не представлены). Согласно Викисловарю, синонимичными являются глаголы *разинуть* и *раззявить*.

Таким образом, проанализировав словарные данные с учетом требований, предъявляемых к синонимам в структуре WordNet-тезауруса, приходим к выводу, что с рассматриваемым понятием соотносятся две лексемы: *разевать*/*разинуть, раззявливать*/*раззявить*. Они и составят синсет. Слова *разжимать*/*разжать* и *размыкать*/*разомкнуть* отличаются степенью интенсивности и экспрессивной окраски. Глаголы *открывать*/*открыть* и *раскрывать*/*раскрыть*, хоть и могут использоваться при описании мимики, но обладают более широким значением и являются гиперонимами по отношению к представленным выше синсетам.

Другой пример пересечения тропонимии и синонимии – синонимический ряд, куда входит видовая пара *откупоривать*/*откупорить*. С помощью описанного выше метода установления тропонимических отношений мы выяснили, что гиперонимом для *откупоривать*/*откупорить* выступает глагол *открывать*/*открыть*. Часто более абстрактные единицы (гиперонимы) могут употребляться в речи в качестве синонима по отношению к более конкретным (тропонимам), ср.: *откупорить бутылку – открыть бутылку*. Эти два словосочетания, конечно, не являются абсолютно равнозначными, т. к. первый вариант подразумевает обязательное наличие пробки, затычки, плотно закрывающей сосуд. Исходя из этого, рассматриваем пару *открыть – откупорить* в первую очередь как гипероним и тропоним.

Несмотря на все ограничения, глагол *открыть* в данной ситуации достаточно полно передает смысл, вкладываемый в словосочетание. Потеря мелких, незначительных компонентов значения не приводит к нарушению восприятия содержания. Поэтому элементы такой гипо-гиперонимической пары одновременно могут трактоваться и как синонимы. В рамках нашей работы наиболее значимыми все же остаются строго выделяемые вертикальные, тропонимические, отношения.

В каком же случае употребление слов с разным объемом значений в качестве синонимов не будет оправданным? При составлении тропонимических цепочек с помощью метода ступенчатой идентификации мы неизбежно приходим к моменту, когда две лексические единицы становятся взаимоидентифицирующими. Верхние «этажи» тропонимической иерархии обычно представлены глаголами с предельно широкой семантикой. В силу размытости значения такие абстрактные единицы редко используются в качестве синонимов по отношению к глаголам на нижних уровнях.

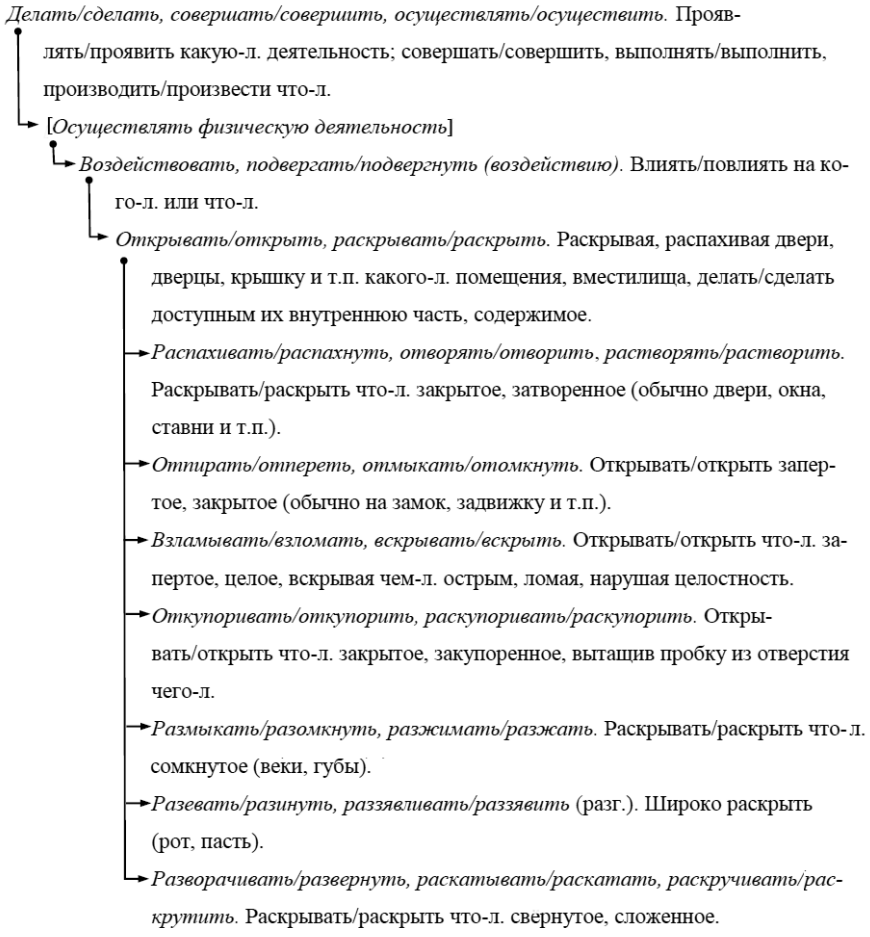
Можно предположить, что здесь мы имеем дело с порогом, после которого взаимная замена тропонима гиперонимом в контексте с целью выражения синонимических отношений невозможна. Например, такие глаголы, как *делать*/*сделать*, *совершать*/*совершить*, не могут в чистом виде заменять более конкретные слова *открывать*/*открыть*, *откупоривать*/*откупорить*, т. к. не содержат достаточного объема информации, необходимой для понимания образа совершения действия в контексте.

[21]Русский Викисловарь.

На основе проведенного анализа выстроена следующая схема (см. *рисунок*), включающая глаголы с семантикой открытия или раскрытия чего-либо. Глаголы объединены синонимическими и тропонимическими отношениями с учетом их возможной пересекаемости.

В результате анализа мы пришли к выводу, что при разграничении синонимов и тропонимов в структуре электронных тезаурусов следует принимать во внимание несовпадение объема и степени конкретности/абстрактности лексических значений. Тропонимические отношения являются своеобразным скелетом классификации, вертикальной осью, куда наслаиваются синонимические ряды. Горизонтальные отношения, представленные в синонимических рядах, объединяют слова и выражения, которые могут быть использованы для обозначения одного и того же явления, но при этом не вступают в гипо-гиперонимические отношения внутри самого ряда.

Механизм распределения лексических единиц по синсетам основывается на анализе семантики глаголов. При рассмотрении словарных дефиниций используемых глаголов мы обращаем внимание на то, насколько явно выражены в лексическом значении семантические компоненты, конкретизирующие глагольное действие.



Тропонимические и синонимические отношения группы глаголов открытия в структуре WordNet-тезаурусов

Толкования в словаре ориентированы в первую очередь на человека-пользователя. Поэтому при описании значения слова через родовое понятие некоторые промежуточные смысловые уровни могут быть опущены, т. к. использование лексических единиц, выражающих эти смыслы, порождает искусственное определение, не всегда понятное и адекватное с точки зрения языковой нормы. Пользователю толкового словаря обычно важнее значение конкретного слова, а не его место во всей системе языка. Иной подход применим для создания программ автоматической обработки текста с использованием электронных тезаурусов.

Родовое понятие часто является квазисинонимичным видовому, т. е. в контексте они могут заменять друг друга, однако не все гипо-гиперонимические пары подчиняются этому правилу. В ходе работы было установлено, что наиболее абстрактные глаголы, включаемые в гипо-гиперонимическую схему в качестве «суперклассификаторов», не могут быть признаны синонимами по отношению к их тропонимам. Условная граница между глаголами с конкретным значением и их абстрактными суперклассификаторами обнаруживается при ступенчатой идентификации дефиниций, когда два глагола вступают в отношения взаимного толкования.

Полученные результаты могут быть использованы при составлении общей глагольной классификации, включающей тропонимические и синонимические отношения, в ходе работы над русскоязычными тезаурусами RussNet[22] и YARN[23].

Список литературы

1. WordNet – An Electronic Lexical Database / ed. by Ch. Fellbaum. Cambridge, Massachusetts, 1998.

2. *Braslavski P., Ustalov D., Mukhin M., Kiselev Y.* YARN: Spinning-in-Progress // Proceedings of the Eighth Global WordNet Conference. Bucharest, 2016. P. 58–65.

3. Five Papers on WordNet / ed. by G.A. Miller. Princeton University: Cognitive Science Laboratory, 1993. URL: http://wordnetcode.princeton.edu/5papers.pdf (дата обращения: 05.07.2017).

4. *Вольвачева И., Руденко Е.* Особенности глагольной гипонимии // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná = Linguistica Brunensia. 2007. Vol. 56, № A55. С. 153–167. URL: http://hdl.handle.net/11222.digilib/100957 (дата обращения: 03.07.2017).

5. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: моногр. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.

6. *Кузнецов А.М*. От компонентного анализа к компонентному синтезу: моногр. М.: Наука, 1986. 126 с.

7. *Кузнецова Э.В.* Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // Вопр. металингвистики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. С. 84–94.

8. *Лукашевич Н.В.* Тезаурусы в задачах информационного поиска. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 512 с.

References

1. Fellbaum Ch. (ed.). *WordNet: An Electronic Lexical Database*. Cambridge, Massachusetts, 1998.

2. Braslavski P., Ustalov D., Mukhin M., Kiselev Y. YARN: Spinning-in-Progress. *Proceedings of the Eighth Global WordNet Conference*. Bucharest, 2016, pp. 58–65.

3. Miller G.A. (ed.). *Five Papers on WordNet*. Princeton University, Cognitive Science Laboratory, 1993. Available at: http://wordnetcode.princeton.edu/5papers.pdf (accessed 5 July 2017).

---

[22]RussNet. URL: http://project.phil.spbu.ru/RussNet/index_ru.shtml (дата обращения: 03.07.2017).

[23]YARN. URL: www.russianword.net (дата обращения: 03.07.2017).

4. Vol'vacheva I., Rudenko E. Osobennosti glagol'noy giponimii. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná = Linguistica Brunensia,* 2007, vol. 56, no. A55, pp. 153–167. Available at: http://hdl.handle.net/11222.digilib/100957 (accessed 3 July 2017).

5. Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika* [Selected Works. Vol. 1. Lexical Semantics]. Moscow, 1995. 472 p.

6. Kuznetsov A.M. *Ot komponentnogo analiza k komponentnomu sintezu* [From Component Analysis to Component Synthesis]. Moscow, 1986. 126 p.

7. Kuznetsova E.V. Stupenchataya identifikatsiya kak sredstvo opisaniya semanticheskikh svyazey slov [Step-by-Step Identification as a Means of Describing Semantic Links Between Words]. *Voprosy metalingvistiki* [Issues of Metalinguistics]. Leningrad, 1973, pp. 84–94.

8. Lukashevich N.V. *Tezaurusy v zadachakh informatsionnogo poiska* [Thesauri in Information Retrieval]. Moscow, 2011. 512 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.119

Mikhail Yu. Mukhin
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
prosp. Lenina 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation;
e-mail: mu-hi@ya.ru

Ekaterina A. Ogorodnikova
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;
prosp. Lenina 51, Yekaterinburg, 620083, Russian Federation;
e-mail: kruglikova.katya@yandex.ru

DISTINCTION BETWEEN VERB SYNONYMY AND TROPONYMY IN THE CONSTRUCTION OF ELECTRONIC THESAURI

The article examines the construction of a semantic classification of Russian verbs that is based on a clear distinction between hypo-hypernymic and synonymic relations. Such classifications are used to create electronic thesauri, and the first experience of compiling this kind of dictionaries is the WordNet database. Horizontal semantic relations are represented by synonymy; they group lexical units in sets called synsets. Vertical genus–species (or hypo-hypernymic) relations between verb synsets form the field of troponymy. It should be noted that lexicography has no clear criteria of synset formation; as a result, hypo-hypernyms often appear in synonym sets. In rigidly structured electronic thesauri such blending should be avoided. Using the component analysis, step-by-step identification, linguistic test and existing dictionaries, we studied verbs from the semantic group of opening something. First of all, we identified troponymic relations and constructed chains of verbs from the most concrete to the abstract ones. Then we formed verb synsets. Some cases of blending synonymy with troponymy in the existing dictionaries were revealed. In spite of the fact that in speech hypo-hypernymic pairs are often used to express the same meaning, in text processing programs such a substitution can result in partial distortion of meaning. To avoid this kind of errors, we have determined a conventional boundary beyond which hypo-hypernyms cannot substitute each other in certain contexts. This boundary can be determined by applying the step-by-step identification method if two verbs enter into relations of mutual definition.

Keywords: *lexicography, electronic thesaurus, verb synonymy, verb troponymy, semantics, ideographic analysis.*

Поступила: 27.07.2017
Received: 27 July 2017

For citation: Mukhin M.Yu., Ogorodnikova E.A. Distinction Between Verb Synonymy and Troponymy in the Construction of Electronic Thesauri. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 119–127. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.119

УДК 82’14 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.128

***СЕМИНА Анна Андреевна**, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова[*]*

«РАСПАД» В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА И СЕРГЕЯ ЧУДАКОВА: ГЕНЕТИКА ФРАГМЕНТАРНОСТИ

В статье рассматривается, как воплотился мотив распада в творчестве Г. Иванова и С. Чудакова, а также приводятся доказательства и предпосылки влияния первого на последнего. Родственность мироощущения поэтов была несомненной: проживая в Советском Союзе, С. Чудаков фактически оставался «внутренним» эмигрантом, выбравшим амплуа «лишнего человека» эпохи, а Г. Иванов был «первым поэтом эмиграции». Неизбывное одиночество и ситуация «без читателя» во многом предопределили не только фрагментарность лирического выражения поэтов, но и их отказ от заглавий большинства стихотворений. Поэтика С. Чудакова при этом обнаруживает склонность к коллажу, а строки нередко представляют собой набор слов, связанных фонетически либо ассоциативно. «Распад» осмысляется обоими поэтами в качестве лейтмотива нового времени – эпохи «водородных бомб» и «восстания масс». В подобных условиях мотивы физического разложения, хрупкости и болезненности становятся неотъемлемыми спутниками погибшей «пушкинской России» и личности, для которой она остается по-прежнему значимой. Советский дискурс в поэзии авторов является объектом пародии, что осуществляется посредством столкновения и взаимного обессмысливания разнообразных клише и лозунгов в пределах одного высказывания. Чрезвычайно важным для лирических героев Г. Иванова и С. Чудакова оказывается чувство любви: с одной стороны, оно позволяет герою сохранить собственную индивидуальность и преодолеть физическую смерть, с другой – дает ему острее ощутить последствия тотального распада и прозреть изнаночную сторону жизни. В поэзии С. Чудакова данный мотив приобретает трагические обертоны, поскольку встреча героя с героиней в безликой толпе так и не смогла осуществиться.

***Ключевые слова:** Г. Иванов, С. Чудаков, мотив распада, фрагментарность.*

В 1937 году родился русский поэт Сергей Чудаков, а другой русский поэт, уже состоявшийся, написал «Распад атома» – произведение, только на первый взгляд неожиданное для автора «Вереска», «Роз» и «Садов». *«…Вниз по темной реке уплывая в бесцветном пальто, / чьи застежки*

[*]*Адрес:* 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет; *e-mail:* seminaaa@yandex.ru

Для цитирования: Семина А.А. «Распад» в творчестве Георгия Иванова и Сергея Чудакова: генетика фрагментарности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 128–137. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.128

одни и спасали тебя от распада»[1], – отозвался Иосиф Бродский на гибель (как оказалось, мнимую) Сергея Чудакова в 1973 году. Совпадения не случайны: именно Георгия Иванова Чудаков ощущал как наиболее близкого себе автора – и в мировосприятии, и в поэтике. Склонность к фрагментарности, возможно, также перешла к нему по наследству от «первого поэта эмиграции». В данной статье мы попытаемся проследить, какую роль сыграл мотив распада в творчестве Г. Иванова и С. Чудакова и как он реализуется поэтами на самых разных уровнях построения художественного текста.

Нарочитая маргинальность и неприятие советского строя сближали мироощущение С. Чудакова с эмигрантским мироощущением Г. Иванова: *«Останусь псевдонимщиком и негром*[2] */ Сожженной пробкой нарисую грим / Просуществую каторжником беглым / От плоти толп ничуть неотделим…»*[3] (ср.: *«В каторге я изнываю, / Черным дням ведя подсчет…»*[4]). Присутствуют в поэзии Чудакова и примеры самоотождествления с опытом Г. Иванова:

> Даром вылетел из грани я
> умираю пышно добровольного изгнания
> догорают письма…[5]

«Пышное» умирание представляет собой аллюзию на «Посмертный дневник», не однажды преломившийся в стихах Чудакова.

Анализируя стихотворение Г. Иванова «Злой и грустной полоской рассвета…»[6], А.И. Чагин отмечает, что «обостренный лиризм в стихотворении Г. Иванова подчеркнут и самим строем поэтической речи в первой строфе. Приглядимся к ней – синтаксис ее неполон, усечен, фраза лишена естественного начала, мысль выхвачена как бы на взлете, на середине своего развития… Неполная высказанность поэтического размышления, его “свернутость”, фрагментарность, когда ясно подразумеваемые моменты своевольно опущены – все это придает строке облик торопливой, сиюминутной записи “для себя”…» [1, с. 70].

Данные наблюдения перекликаются с воспоминаниями современников Чудакова, отражающими его представления о том, какой должна быть поэзия «эпохи синхрофазотронов» [2]: «Мы с ним спорили: вот он дает мне какие-то стихи, а я говорю: “Это еще не стихи, это только обломок, схваченный, но не имеющий пока ценности образ”. – Нет! Это огонь! <…> Он считал, что поэзия распалась и писать можно только однострoки…» [3, с. 302].

Фрагментарность лирического выражения сразу наводит на мысль об отрывке, в свете которого лирика Г. Иванова уже отчасти была нами рассмотрена [4]. В качестве характерных графических черт отрывка Е.И. Зейферт называет «пропуски текста», «начальную и финальную неполные строки», «начальное и финальное многоточия», а также «графическую нерасчлененность (отсутствие графических пробелов)»[7]. Среди стихотворений Г. Иванова обнаружено около 70 текстов, обладающих теми или иными обозначенными чертами.

Так или иначе все указанные признаки фигурируют и в поэзии С. Чудакова. Вместе с тем его стихи трудно отнести не только к модификации данного жанра, но даже к его «мутации»:

---

[1] *Бродский И.А.* На смерть друга // *Бродский И.А.* Холмы: Стихотворения. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 412–413.

[2] По свидетельствам современников, С. Чудаков писал статьи за известных кинокритиков, публикуя их под чужими именами.

[3] *Чудаков С.И.* Колёр локаль. М.: Культур. революция, 2008. С. 11.

[4] *Иванов Г.В.* В громе ваших барабанов… // *Иванов Г.В.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. С. 557.

[5] *Чудаков С.И.* Женщина сказала: «брошена»… // *Чудаков С.И.* Колёр локаль. С. 60.

[6] *Иванов Г.В.* Указ. соч. С. 274.

[7] *Зейферт Е.И.* Неизвестные жанры «золотого века» русской поэзии. Романтический отрывок: учеб. пособие. М.: Флинта, 2014. С. 45.

до такой степени радикально переосмыслена в них традиция. Данное обстоятельство заставляет взглянуть иначе и на поэзию Г. Иванова – с точки зрения не формы, а ее онтологического статуса: как на одну из реализаций метафоры «распада», ставшей лейтмотивом всего эмигрантского творчества поэта. Подобное представление, по-видимому, получило дальнейшее развитие в лирике С. Чудакова, где тенденция к «расщеплению» поэтического вещества достигла своего апогея, одновременно с этим высветив истинную природу фрагментарности поэзии Г. Иванова.

Понимая под *рамкой* «границу, отделяющую художественный текст от нетекста» [5, с. 264], Ю.М. Лотман отмечал: «Рамка литературного произведения состоит из двух элементов: начала и конца» [5, с. 268]. Отсутствие указанных элементов или сведение их к минимуму, таким образом, является концептуально значимым, поскольку «структура пространства текста становится моделью структуры пространства вселенной, а внутренняя синтагматика элементов внутри текста – языком пространственного моделирования» [5, с. 275]. Заглавие – работающий на читательский «горизонт ожидания» (термин Г.Р. Яусса, цит. по: [6]) компонент рамочного текста – в поэзии Иванова и Чудакова отсутствует столь регулярно, что озаглавленные стихотворения приобретают вид аномалии, редкого исключения. «Роман без конца и без названья»[8] в данном случае оказывается ближе к самохарактеристике, чем к бытовой детали.

Характерны для Г. Иванова и С. Чудакова стихотворения, первые строки которых представляют собой словно продолжение некой мысли или разговора. Начальными элементами при этом могут выступать частицы «только», «это», «ну», «не», союзы «и», «а» и т. д. (ср.: *«А еще недавно было все, что надо…»*[9]; *«Это только бессмысленный рай…»*[10]; *«Ну мало ли что бывает?..»*[11] у Г. Иванова и *«Это все не чужие картинки…»*[12]; *«А бывает Каина печать…»*[13]; *«Но я еще найду единственный размер…»*[14] у С. Чудакова). Оба поэта также активно используют графический «эквивалент текста» [7, с. 24], или пропуски. В случае С. Чудакова подобные «лакуны» иногда объясняются чисто техническими причинами: «…писал на чем попало – на оберточной бумаге, на уворованных (у приятелей или из “Ленинки”) книгах, а то и просто надиктовывал их по телефону…» [3, с. 302]. Однако внешняя обусловленность не отменяет намеренности метода, сообщая ему некую фатальную завершенность.

Новаторство Чудакова в области фрагментарности реализуется в т. ч. и на синтаксическом уровне. Визуально это проявляется в практически тотальном отсутствии каких-либо знаков препинания (хотя грамотность автора не вызывает сомнений: достаточно взглянуть на его критические статьи). На содержательном уровне можно выделить частый «распад» синтаксических связей: текст строится по принципу коллажа, а строки нередко представляют собой набор слов, связанных только ассоциативно (иногда еще фонетически). *«Хорошо или плохо жемчужина / Эта устрица просто больна…»*[15]; *«режь его за то что рожь его / шелест*

[8]*Иванов Г.В.* Еще я нахожу очарованье… // *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 383.

[9]Там же. С. 434.

[10]Там же. С. 514.

[11]Там же. С. 430.

[12]*Чудаков С.И.* Колёр локаль. С. 145.

[13]Там же. С. 61.

[14]Там же. С. 132.

[15]Там же. С. 52. (Как представляется, данный текст посвящен Г. Иванову, т. к. содержит имплицированные цитаты жизни и творчества поэта, однако тема данной статьи не позволяет остановиться на этом подробнее.)

шорох страшен…»[16]; *«Не подчинюсь не примем во вниманье / Дрожанье глаз дыханье и касанье / Переверните мир одной ресницей / Друг сумасшедший брат мой бледнолицый»*[17]. Одно из объяснений подобной раздробленности текста содержится в другом стихотворении Чудакова:

Сумасшедшие свой бред
Почерпнули из газет
Как неправильный набор
Психбольницы коридор
Отмечает каждый псих
Мелкий шрифт от сих до сих
Человек на перепутье?
Просто строчки перепутаны[18].

«Обвинение» газет возникает здесь неслучайно: зачастую «распад» смысловых связей используется Чудаковым для выявления абсурдности официального советского дискурса[19] и служит ему своеобразной формой протеста: *«…продайте родителя убейте руководителя / абонементные книжечки приобретайте у водителя…»*[20]; *«Сейчас проснувшись должно ощущать / Увеличенье утренник утроба / клмнопрст – уфхцчшщ»*[21]. В последнем примере ирония над официальным стремлением к «упорядоченности» проявляется в нарочито бессмысленном перечислении словарных статей в алфавитном порядке (*«увеличенье утренник утроба»*: первые два слова – частотные в советском дискурсе), а затем и просто букв алфавита[22]. Хотя параллель с современной Чудакову неофициальной поэзией здесь более очевидна, нельзя забывать о Г. Иванове, предвосхитившем в собственном творчестве рефлексию о «бессмыслице» не только официального языка, но и основополагающих нравственных ценностей:

Я слышу – история и человечество,
Я слышу – изгнание или отечество.

Я в книгах читаю – добро, лицемерие,
Надежда, отчаянье, вера, неверие…[23]

Нигилизм позднего Г. Иванова, неоднократно отмечаемый исследователями, проявляется здесь в «уравнивании» противоположных категорий – «добро» и «лицемерие», «вера» и «неверие» становятся контекстными синонимами, взаимно обессмысливая друг друга в ситуации перечисления: *«Где все, навсегда потеряло значение…»*[24] Сближает Иванова с Чудаковым указание на «виновника» подобной бессмысленности – на эпоху, в которой даже собственное «я» поэта становится объектом распада:

…Но слышу вдруг: война, идея,
Последний бой, двадцатый век...
И вспоминаю, холодея,
Что я уже не человек,

А судорога идиота,
Природой созданная зря, –
«Урра!» из пасти патриота,
«Долой!» из глотки бунтаря[25].

В «Распаде атома» данный «вербально-аксиологический» нигилизм достигнет своего апогея: делается вывод, что «все слова одинаково жалки и страшны»[26]. Поэтика коллажа,

---

[16] *Чудаков С.И.* Женщина сказала: «брошена»… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 60.

[17] *Чудаков С.И.* Вот жизнь постигнута прозрачные песчинки… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 129.

[18] Там же. С. 85.

[19] К данному приему также будут активно прибегать «лианозовцы».

[20] *Чудаков С.И.* Спорная добыча полководца… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 21.

[21] *Чудаков С.И.* Не иллюстрации крапленая корректность… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 53.

[22] Напрашивается ассоциация с известным стихотворением Вс. Некрасова: «к / п / р / с / т / ф / х / ц / ч / ш / щ / что / вы так испугались». См.: *Некрасов Вс. Н.* Избранные стихотворения. URL: http://www.vavilon.ru/texts/prim/nekrasov1-3.html (дата обращения: 24.02.2017).

[23] *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 262.

[24] Там же.

[25] *Иванов Г.В.* Иду – и думаю о разном… // *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 386.

[26] *Иванов Г.В.* Распад атома // *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 7.

нарочитого «сталкивания» лозунгов с целью их взаимного обессмысливания проявилась и здесь, воплотившись, по замечанию Е.Д. Гальцовой, в «уродство политическое, совершенно очевидное в первоначальном замысле, согласно которому "Атом" должен был кончаться иначе: "Хайль Гитлер, да здравствует отец народов Великий Сталин, никогда, никогда англичанин не будет рабом!", как признается Георгий Иванов в одном из писем (29 июля 1955 г.) к Роману Гулю, и, более того, он добавляет: "Выбросил и жалею!"» [8, с. 109–110].

В условиях агрессивного, разрушительного века, с его стремлением привести всякую индивидуальность, инаковость к единому знаменателю, склонность к «распаду», болезненность, хрупкость у поэтов выступают также неотъемлемым свойством личности и погибшей культуры вообще. Здоровье и самоуверенность, напротив, становятся приметами «толстокожего» человека масс – «хама», если вспомнить Д. Мережковского: «Одно из свойств мирового уродства – оно представительно»[27]. Только подобные люди могут чувствовать себя гармонично в ситуации непрерывного «социального эксперимента».

С. Чудаков реализует указанную метафору, сравнивая своего лирического героя с подопытной крысой: *«Мало воздуха в банке: включили насос* / *На зверьке поднимается шкура* / *Лаборантка в блокнот записала вопрос* / *Молодая здоровая дура»*[28]. Культура безвозвратно ушедшей России также предстает в стихах поэтов беспомощной: *«В измереньи божеского срока* / *На расхристе дьявольских стихий* / *Догорят в библиотеке Блока* / *Пушкина бессильные стихи…»*[29]

Как отмечают исследователи, в данном стихотворении «история прошедших с момента смерти Пушкина полутора веков сжимается до двух узловых точек – его физической смерти и неизбежного выветривания следов его влияния у поэтов следующих поколений, связанного с неизбежным концом "старой России". На последнем этапе водоразделом выступает пожар в усадьбе Блока (1921) – отсроченное следствие революционного перелома. "Бессильные" стихотворения Пушкина в этом отрывке "отвечают" за всю уходящую культуру XIX столетия, неспособную сопротивляться приближающейся кровопролитной эпохе…» [2].

Подобное представление демонстрирует читателю и «Распад атома»: «Пушкинская Россия, зачем ты нас предала?»[30] Рефлексия о бессилии искусства в новом историческом пространстве становится лейтмотивом творчества авторов: *«Художников развязная мазня,* / *Поэтов выспренняя болтовня…* / *Гляжу на это рабское старанье,* / *Испытывая жалость и тоску…»*[31]; *«Сонет погиб там брезжила одна* / *Смешная мысль но выйдет современней* / *Забыть ее другие времена* / *Другой ориентир для песнопений* / *Так заслонимся створками окна* / *От шабаша наивнейших растлений* / *Стань шкурой кисть стань холст пучками льна* / *В костер сонет и не рождайся гений…»*[32] Вдохновение, по Чудакову, теперь не более чем «шабаш наивнейших растлений». В не так давно обнаруженной «Китайской» поэме поэту предлагается застрелиться, ведь вывески нового времени «прекраснее» стихов:

Дверь не работает, вход за углом.
ПИВО НЕТ.
Просьба дрожжей из кружек
на панель не выливать.

---

[27] *Иванов Г.В.* Распад атома // *Иванов Г.В.* Указ. соч. С. 6.

[28] *Чудаков С.И.* Поднимаешь бокал и еще пошалишь… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 58.

[29] *Чудаков С.И.* Все четвертьтона и полумеры… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 47.

[30] *Иванов Г.В.* Распад атома // *Иванов Г.В.* Указ. соч. С. 32.

[31] *Иванов Г.В.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. С. 368.

[32] *Чудаков С.И.* Не слишком я люблю четвертьтона… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 51.

Реставрация зеркал. Изготовление зеркал
по размерам заказчика.
Вывески прекраснее стихов.
Поэт, застрелись[33].

Намеренный отбор самых «ярких» вывесок, каждая из которых заключает в себе абсурд, выступает проявлением авторской иронии и вместе с тем создает портрет коллективного субъекта эпохи – человека, для которого погибшая «пушкинская» культура никогда не существовала и утраты которой, следовательно, он никак не почувствовал. Природа сил, приведших данного человека на авансцену истории, у поэта не вызывает сомнений:

Ты не сделал ничего
Не расслышан и не понят
Сколько их, куда их го-
Сколько их, куда их гонят…[34]

Помимо Достоевского, в свою очередь также ссылавшегося на Пушкина, инфернальные ассоциации с новой властью присутствуют и у Г. Иванова:

Я научился понемногу
Шагать со всеми – рядом, в ногу.
По пустякам не волноваться
И правилам повиноваться.
Встают – встаю. Садятся – сяду.
Стозначный помню номер свой.
Лояльно благодарен Аду
За звездный кров над головой[35].

В четверостишии С. Чудакова обращает на себя внимание все то же на первый взгляд ничем не мотивированное «столкновение» пушкинской цитаты с размышлениями о собственной судьбе. Фрагментарность проявляется в недоговоренности при первом цитировании, которая приводит к искажению цитаты. Подобные эксперименты характерны и для Г. Иванова в «Распаде атома» (см. «На холмы Грузии легла ночная мгла» и др.). Не случайно, по мнению исследователей, в нем воплотились предчувствия принципов поэтики постмодернизма, с его склонностью к коллажу «распавшихся» на цитаты текстов традиции [9, с. 88]. То же самое можно с уверенностью сказать и о стихах Чудакова.

Прочитывается метафора «распада» в произведениях поэтов и в буквальном смысле – как физическое разложение: «Сладковатый тлен – дыхание мирового уродства – преследует меня, как страх»[36]. В связи с этим частотными в творчестве Иванова и Чудакова становятся мотивы смерти, гниения, тления и т. д.: *«…От гнющих цветов, как от падали, / Тяжело становилось дышать…»*[37]; *«Ботинки истлевают на ногах / ног хватит в целом лет еще на сорок / доказано что вещи это морок / а человек – живой упругий прах…»*[38]; *«В сложном щебете мартовских птах / Бродит смерть как последняя лажа / Будет съемка обратная прах / Антиснег крематорская сажа»*[39].

Для позднего Г. Иванова при этом становится весьма характерным лирический герой, говорящий о себе «с того света»: *«Теперь, когда я сгнил и черви обглодали / До блеска остов мой и удалились прочь…»*[40] Объяснение этому отчасти дает изложенное Г. Ивановым в статье «Без читателя» понимание особого статуса русской эмигрантской литературы: «…самый простодушный из нас “блажен”, “заживо пьет бессмертие” и не только вправе – *обязан*

[33] *Чудаков С.И.* Оставшись летом в Москве, подражаю китайским авторам. Поэма в 30 четверостишиях // Знамя. 2015. № 10. URL: http://znamya.litiz.ru/publication.php?id=6053 (дата обращения: 24.02.2017).

[34] *Чудаков С.И.* Чем подорван организм?.. // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 23.

[35] *Иванов Г.В.* Указ. соч. С. 390.

[36] *Иванов Г.В.* Распад атома // *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 7.

[37] *Иванов Г.В.* Листья падали, падали, падали… // *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 429.

[38] *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 146.

[39] *Чудаков С.И.* Я иду и птицы поют… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 139.

[40] *Иванов Г.В.* Указ. соч. С. 373.

глядеть на мир со “страшной высоты”, как дух на смертных…»[41] Подобное осмысление собственной судьбы, по воспоминаниям современников, было характерно и для С. Чудакова: «Он никогда и ни о чем не говорил при мне серьезно – ни со мной, и ни с кем. И только однажды, когда мы рассуждали о смерти, но тоже в его стиле – с шутками и анекдотами, он на какой-то момент задумался и тихо, но очень серьезно сказал: “Увы, я уже давным-давно умер”. 1965, может 1966 год» [3, с. 311].

В подобном ключе воссоздается поэтами и портрет современной им эпохи – эпохи «распада»: *«Не изнемог в бою Орел Двуглавый, / А жутко, унизительно издох…»*[42]; *«А в мясорубку в синхрофазотрон / попасть всегда охотников до черта…»*[43] Наряду с «мясорубкой» центральной метафорой времени в стихах Чудакова становится крематорий:

Оркестр слепых калек музицирует в крематории
Советский TV ведет свои передачи
О как мы скверно горим торфяные брикеты истории
Чем дешевле эпоха тем дороже всегда переплатишь[44].

Рифма «истории» – «крематории» говорит сама за себя.

После «капитуляции» искусства перед эпохой «распада» только любовь и музыка оказываются для лирических героев Иванова и Чудакова тем, что данному распаду может противостоять. Именно любовь сохраняет индивидуальность героя в условиях «восстания масс». Вместе с тем у Чудакова мотив любви обретает трагическое звучание, ведь даже на это чувство оказали воздействие разрушительные импульсы времени: «распадается» все, в т. ч. и связи между героями:

любимая единственная лучшая
ты сохранилась
не спилась не вышла замуж
не участвуешь в демографическом взрыве
нет адреса нет телефона
на мокрый тротуар упадают снежинки
зачем[45].

«Сохранность» героини оказывается бесполезной (что подчеркивается рефреном «зачем» после каждой строфы) – «нет адреса нет телефона». В толпе «чудовища мильонголового»[46] встреча героев не смогла осуществиться. Таким образом, противостоя «распаду» личности героя, в то же самое время любовь только острее дает ему ощутить последствия эпохи тотального «распада»: *«Люди которым я должен деньги умирают / Женщины которых я любил дурнеют / А над Москвою осенние листья сгорают / И незримые зимние вьюги как призраки веют / Мне 30 лет я полон весь пустотою / Я разминулся с одной единственной тою…»*[47]

Для Г. Иванова любовь также имеет амбивалентную природу. Она может выступать залогом воскресения героя после смерти, обретения им первоначальной «целостности»:

Распыленный мильоном мельчайших частиц
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире.

И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая[48].

В то же время именно любовный конфликт становится отправной точкой «расщепления» сознания героя «Распада атома», благодаря чему

---

[41] *Иванов Г.В.* Без читателя // *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 3. С. 539.

[42] *Иванов Г.В.* Овеянный тускнеющею славой… // *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 397.

[43] *Чудаков С.И.* Смешав привычно водку и вино… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 63.

[44] *Чудаков С.И.* А в сером огне TV загробные тени кривил… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 138.

[45] *Чудаков С.И.* Женщины, которых я изнасиловал… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 126.

[46] *Чудаков С.И.* кристалл замерзшего вина… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 141.

[47] Там же. С. 39.

[48] *Иванов Г.В.* Указ. соч. С. 439.

он обретает способность видеть «изнаночную» сторону бытия, «мировое уродство»: «Но вот ты вобрала мой свет и ушла. И весь мой свет ушел от меня»[49].

Понимание музыки у Г. Иванова, в свою очередь, тоже противоречиво. С одной стороны, она бессильна помочь художнику и часто не только не мешает, но и способствует его гибели: *«…Пушкин именье закладывал / Или жену ревновал. / И ничего не исправила, / Не помогла ничему, / Смутная, чудная музыка, / Слышная только ему»*[50]. Одновременно с этим именно музыка выступает оправданием испытаний, выпавших на долю поэта: *«Это музыка миру прощает / То, что жизнь никогда не простит…»*[51] У С. Чудакова музыка также противостоит окружающему «распаду» и становится оправданием, но уже не страданиям поэта, а тем его действиям, где он проявляет себя в полном соответствии с той страшной эпохой, которой принадлежит:

…Когда почувствую касанье смертных крыл
Я доктору скажу, глаза смежив бесстрастно
Как пошло все, что я…
писал и говорил…
Но музыка была, не правда ли? – прекрасна[52].

Таким образом, метафора «распада» пронизывает все творчество Г. Иванова и С. Чудакова, реализуясь не только на содержательном уровне, но и в самом характере построения художественного текста. В поэтике С. Чудакова данный принцип воплощается в т. ч. и в отсутствии знаков препинания, а также синтаксических и смысловых связей между словами. Чудаков выстраивает поэтическую речь по принципу соединения ассоциативно связанных лексем и высказываний. Фрагментарность лирики обоих поэтов явилась приметой времени – эры, когда идеалы и ценности «пушкинской» России оказались растоптаны человеком массы, в душе которого абсурд советского дискурса и системы в целом не порождал трагического диссонанса.

В подобных исторических условиях даже искусство провозглашается Г. Ивановым и С. Чудаковым «бессильным» и «жалким». И все же в итоге именно оно становится оправданием испытаний и тотального одиночества, заставляющего их осмысливать своих лирических героев как принадлежащих к иному, вечному, измерению и отошедших в прошлое одновременно с лучшими образцами русской культуры. Ситуация культурного «вакуума», отсутствие какой бы то ни было надежды на понимание со стороны читателей-современников во многом предопределили отказ поэтов от заглавий, традиционно призванных настроить читателя на необходимую «волну», а стихотворения уподобились обломкам кораблей, погибших в водовороте новой эпохи.

Список литературы

1. *Чагин А.И.* Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2008. 600 с.

2. *Корчагин К.* Проклятый поэт эпохи синхрофазотронов (Рец. на кн.: Чудаков С. Колёр локаль. М., 2008) // НЛО. 2009. № 99. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/99/kk26.html (дата обращения: 24.02.2017).

3. Сергей Чудаков: Справка по личному делу / сост. и коммент. И. Ахметьев, В. Орлов. М.: Культур. революция, 2014. 512 с.

4. *Семина А.А.* Модификации жанра отрывка в лирике Георгия Иванова и Бориса Рыжего // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2017. Вып. 3. С. 179–189.

5. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.

---

[49] *Иванов Г.В.* Распад атома // *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 2. С. 10.

[50] *Иванов Г.В.* Медленно и неуверенно… // *Иванов Г.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 291.

[51] *Иванов Г.В.* Это месяц плывет по эфиру… // Там же. С. 298.

[52] *Чудаков С.И.* Я знаю массу строк, банальных и пустых… // *Чудаков С.И.* Указ. соч. С. 120.

6. *Яусс Х.Р.* К проблеме диалогического понимания // Вопр. философии. 1994. № 12. С. 97–106.
7. *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. М.: КомКнига, 2007. 184 с.
8. *Гальцова Е.Д.* На грани сюрреализма. Франко-русские литературные встречи: Жорж Батай, Ирина Одоевцева и Георгий Иванов // Сюрреализм и авангард. М.: ГИТИС, 1999. С. 105–126.
9. *Басова Н.В.* Концепция искусства в повести Г. Иванова «Распад атома» // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2008. № 2. С. 86–88.

References

1. Chagin A.I. *Puti i litsa. O russkoy literature XX veka* [Paths and Faces. On Russian Literature of the Twentieth Century]. Moscow, 2008. 600 p.
2. Korchagin K. Proklyatyy poet epokhi sinkhrofazotronov [The Cursed Poet of the Synchrophasotron Era]. *NLO*, 2009, no. 99. Available at: http://magazines.russ.ru/nlo/2009/99/kk26.html (accessed 24 February 2017).
3. Akhmet'ev I., Orlov V. (comps.). *Sergey Chudakov: Spravka po lichnomu delu* [Sergey Chudakov: Information on the Personal File]. Moscow, 2014. 512 p.
4. Semina A.A. Modifikatsii zhanra otryvka v lirike Georgiya Ivanova i Borisa Ryzhego [Modification of Extract Genre in Georgy Ivanov's and Boris Ryzhy's Lyrics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 3, pp. 179–189.
5. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The Structure of the Artistic Text. The Analysis of the Poetic Text]. St. Petersburg, 2016. 704 p.
6. Jauss H.R. K probleme dialogicheskogo ponimaniya [On Dialogic Understanding]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 12, pp. 97–106.
7. Tynyanov Yu.N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of Poetic Language]. Moscow, 2007. 184 p.
8. Gal'tsova E.D. Na grani syurrealizma. Franko-russkie literaturnye vstrechi: Zhorzh Batay, Irina Odoevtseva i Georgiy Ivanov [On the Verge of Surrealism. Franco-Russian Literary Meetings: Georges Bataille, Irina Odoyevtseva and Georgy Ivanov]. *Syurrealizm i avangard* [Surrealism and the Avant-Garde]. Moscow, 1999, pp. 105–126.
9. Basova N.V. Kontseptsiya iskusstva v povesti G. Ivanova "Raspad atoma" [The Concept of Art in G. Ivanov's Novel *Decay of the Atom*]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2008, no. 2, pp. 86–88.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.128

Anna A. Semina
Lomonosov Moscow State University;
Faculty of Philology, 1 Humanities Building, GSP-1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation;
e-mail: seminaaa@yandex.ru

"DECAY" IN GEORGY IVANOV'S AND SERGEY CHUDAKOV'S WORKS: THE GENETICS OF FRAGMENTARINESS

This paper analyses the motif of decay in Georgy Ivanov's and Sergey Chudakov's works. In addition, the author explains why and in what way Chudakov was influenced by Ivanov. The affinity

For citation: Semina A.A. "Decay" in Georgy Ivanov's and Sergey Chudakov's Works: The Genetics of Fragmentariness. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 128–137. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.128

of these poets' worldviews is doubtless: in spite of living in the Soviet Union, Chudakov was virtually an internal emigrant, who had taken on the role of a superfluous man in Soviet society, while Ivanov was "the first white émigré poet". The inescapable loneliness and limited opportunities for publication to a large extent contributed to the fragmentariness of their lyric expression and to their leaving the majority of their poems untitled. Chudakov's poetics tends to apply the principle of collage, whereas the lines often represent a conglomeration of words linked either phonetically or by associations. "Decay" is interpreted by these poets as a leitmotif of the modern age, the time of hydrogen bombs and the revolt of the masses. In such conditions, the motifs of decay, fragility and sickliness become inherent concomitants of the lost Pushkinian Russia and of the person for whom it is still important. In Chudakov's and Ivanov's poems, Soviet discourse is an object of parody, which is achieved by means of colliding various clichés and slogans in a single utterance and making them meaningless. The feeling of love is very important for Ivanov's and Chudakov's heroes, as, on the one hand, it allows them to preserve their individuality and surmount the physical death, and on the other, it lets them feel the results of the total decay and experience the seamy side of life. In Chudakov's poetry this motif takes on tragic overtones, as the hero fails to meet his heroine in a faceless crowd.

Keywords: *Georgy Ivanov, Sergey Chudakov, motif of decay, fragmentariness.*

Поступила: 01.03.2017
Received: 1 March 2017

УДК 82.091+82-193.1:82-92 DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.138

***СТРУКОВА Татьяна Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Орловского государственного института культуры. Автор 35 научных публикаций[*]*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТИХОТВОРНЫЕ ЗАГАДКИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КОНЦА XVIII века

В статье анализируются литературные стихотворные загадки анонимных авторов, изданные на страницах ежемесячных и еженедельных изданий в конце XVIII века («Что-нибудь», «Растущий виноград», «Прохладные часы», «Новые ежемесячные сочинения»). Жанр русской литературной стихотворной загадки, зародившись еще в середине XVIII столетия, так и не стал предметом специального научного исследования. Настоящая статья призвана восполнить пробел в изучении жанровой специфики литературной стихотворной загадки, в которой не только отразились когнитивная картина мира и мировоззренческие установки поэтов, но и нашли воплощение многочисленные художественные эксперименты. Без рассмотрения характерных особенностей этого жанра представление о литературном процессе второй половины XVIII столетия будет неполным. Мировоззренческие и эстетические установки, несомненно, отразились в стихотворных загадках. В загадках авторов, сотрудничавших с журналами «Что-нибудь» и «Растущий виноград», прослеживаются фольклорные истоки на уровне тематики (изображение объектов предметно-бытовой сферы) и способов создания энигматического образа (использование когнитивных метафор, оксюморона, отрицательного параллелизма). Вместе с тем загадки анонимных авторов существенно отличаются от народных загадок по своей нарративной структуре и композиционной организации. Большинству загадок, напечатанных в вышеназванных журналах, свойственна познавательно-эвристическая направленность. В загадках журналов «Прохладные часы» и «Новые ежемесячные сочинения» наряду с описанием объектов материального мира и репрезентацией эмпирических категорий, чем обусловлено использование приемов имплицитного описания (антитезы и сравнения), не типичных для жанра народной загадки, представлены и этико-философские понятия. Основной специфической чертой этих энигматических текстов является функция назидательного воздействия на читателя.

***Ключевые слова:** литературная стихотворная загадка, фольклорная традиция, литературная традиция, интерпретационное поле, энигматический образ.*

---

[*]*Адрес:* 302020 г. Орел, ул. Лескова, д. 15; *e-mail:* tatam08@rambler.ru

Для цитирования: Струкова Т.В. Литературные стихотворные загадки на страницах периодических изданий конца XVIII века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 138–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.138

В современной отечественной науке загадка рассматривается преимущественно как жанр устного народного творчества. Однако еще в середине XVIII столетия в России зарождается жанр литературной стихотворной загадки. Первые стихотворные загадки были опубликованы в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» в 1755–1756 годах, а их авторами выступили А.А. Ржевский, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, которых по праву можно назвать родоначальниками жанра.

Вслед за «Ежемесячными сочинениями» в 1750–1770-х годах к публикации произведений этого жанра обратились журналы «Свободные часы», «Полезное увеселение», «Праздное время, в пользу употребленное», «Доброе намерение», «Вечера», «И то, и се», а также рукописный журнал «Труды четырех общников», издававшийся Н. Львовым. На страницах этих уникальных изданий публиковались загадки не только известных, но и второстепенных поэтов, таких как М.И. Попов, П.И. Фонвизин, В.Д. Санковский и др.

Содержание и тематика загадок, их функциональное назначение во многом определялись стратегией журналов, их идеологической направленностью. И если в загадках поэтов, печатавшихся в «Ежемесячных сочинениях», преобладало описание объектов материального мира, то для загадок авторов, сотрудничавших в «Свободных часах» и «Полезном увеселении», было характерно изображение абстрактных категорий и понятий. Так, например, в загадках А.И. Дубровского получили воплощение его естественно-научные воззрения, философия рационализма, а в загадках А.А. Ржевского – масонские умонастроения. Именно эти периодические издания «обогатили русскую словесность внушительным количеством имен, среди которых было немало будущих корифеев» [1, с. 65], а журнал «Полезное увеселение» по праву можно считать первым русским литературным печатным органом, знаменующим собой зарождение и становление масонского течения в русской поэзии [2, с. 108].

Расцвет жанра русской литературной стихотворной загадки приходится на последнюю четверть XVIII века. В 1780–1790-х годах загадки публиковались в журналах «Лекарство от скуки и забот», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», «Уединенный пошехонец», «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», «Зеркало света», «Что-нибудь», «Растущий виноград», «Новые ежемесячные сочинения», «Дело от безделья или приятная забава», «Разные письменные материи», «Приятное и полезное препровождение времени», «Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния», «Санкт-Петербургский журнал, издаваемый И. Пниным» и др. Содержание и тематика этих энигматических произведений, их функциональное назначение также определялись политикой изданий и мировоззренческой позицией их авторов, которые воспринимали загадку не только как развлечение и средство заполнения досуга, но и как способ дидактического воздействия, как познавательно-эвристический жанр.

В докторской диссертации А.Г. Масловой, объектом изучения которой является система поэтических жанров поэтов сумароковского и херасковского направления, отмечаются жанры басни, эпиграммы, эпитафии и загадки как поэтические формы, «отражающие немаловажную роль в мироощущении поэтов обличительных и дидактических элементов» [3, с.103].

Загадки, печатавшиеся, как правило, анонимно на страницах журналов конца XVIII столетия[1], в основном принадлежали перу второстепенных поэтов (П.М. Карабанов, И.Б. Лафинов, Н.М. Яновский, М.В. Сушков и др.), занимавшихся литературной деятельностью эпизодически. Именно потому поиск и систематизация текстов русских литературных стихотворных загадок, разбросанных по страницам десятков ежемесячных и еженедельных журналов,

[1]Подобная тенденция была характерной чертой русской поэзии XVIII века: литературные произведения часто публиковались либо без указания фамилии автора, либо под псевдонимом, либо с указанием лишь инициалов.

представляют определенные сложности. Возможно, именно в связи с этим обстоятельством русская литературная стихотворная загадка до сих пор так и не стала объектом специального изучения. Вопрос о художественном своеобразии русских литературных стихотворных загадок лишь эпизодически затрагивается в кандидатской диссертации Е.А. Морозовой, где дается тематическая классификация некоторых загадок [4, с. 32–38].

Актуальность изучения русских литературных стихотворных загадок, опубликованных на страницах периодических изданий конца XVIII века, обусловлена отсутствием научно-исследовательских работ по данной теме. Без раскрытия характерных особенностей жанра стихотворной загадки представление о литературном процессе второй половины XVIII века будет неполным. В статье поставлены следующие задачи: выявить специфику построения кодирующей части литературных стихотворных загадок и приемы создания энигматического образа. Цель исследования – охарактеризовать структурно-композиционные и функциональные особенности литературной стихотворной загадки, определить ее отличия от фольклорной загадки. Для реализации поставленной цели в статье применяется совокупность исследовательских методов (историко-литературный, историко-типологический и структурно-семантический), что позволяет осуществить комплексный подход к изучению литературных стихотворных загадок, напечатанных на страницах периодических изданий конца XVIII века.

В конце XVIII века жанр литературной стихотворной загадки становится популярным в журналах самой разной тематической и идеологической направленности: от литературных и научно-популярных до сатирических и даже альманахов. И здесь особо следует сказать о художественной стратегии еженедельного издания «Что-нибудь», выходившего в 1780 году в Санкт-Петербурге. Издателем его был В.А. Левшин, который в предисловии сообщал, что «предполагает следовать сатирическим журналам 1769–1772, особенно “Всякой всячине”»[2]. В 20-м номере журнала он поместил 5 загадок, напечатанных анонимно и без отгадок, среди которых особый интерес представляют загадки о жизни и смерти.

Репрезентируя в завуалированной форме концепт смерти, анонимный автор опирается на фольклорную традицию, что прослеживается на уровне образной системы произведения: «Меня никто еще от века не видал, / И гласа моего поныне не слыхал; / Хоть я не говорю, меня все разумеют, / И в первых обо мне речение имеют; / Послушен мне и Царь; / Равно над всеми я владею. / Закон мой чтит равно вся движущаяся тварь / И разности ни в ком отнюдь я не имею. / Когда ж доволен я тогда и замолчу; / Не смеет презирать никто мои уставы; / Как я вооружусь, / Не защитят того уж никакие нравы / Коль данью усмирюсь; / А оной каждый день от всех людей хочу. / Без ней героев я превозмогаю, / Сильнейши войска побеждаю. / И думает иной, / Что храбрый я герой: / Ан нет / Однако платит дань мне целый свет»[3].

Подобно фольклорным загадкам в этом довольно объемном поэтическом тексте указывается на универсальность репрезентируемого феномена, подчеркиваемую автором на композиционном уровне посредством введения лексических повторов: «все разумеют», «над всеми я владею», «вся движущаяся тварь», «от всех людей хочу»; «равно владею», «чтит равно».

В народных загадках с одноименной отгадкой глобальность умозрительного понятия также конкретизируется посредством использования приема повтора: «На море, на океане, / На острове Буяне / Сидит птица Ютрица. / Она хвалится, выхваляется, / Что все видала, / Всего много едала. / Видела царя в Москве, / Короля

[2]Что-нибудь [СПб., 1780] // Русская периодическая печать (1702–1894): справ. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 61.

[3]Что-нибудь. СПб., 1780. Неделя XX. Лист XX. С. 7.

в Литве, / Старца в келье, / Дитя в колыбели; / А того не едала, / Чего в море недоставало»[4]; «На поле на тетенском, / Стоит столб веретенской; / Никто его не обойдет, не объедет: / Ни царь, ни царица, / Ни красна девица»; «На горе Волынской / Стоит дуб Ордынской; / На нем сидит птица Веретено, / Сидит и говорит: / Никого не боюсь: / Ни царя в Москве, / Ни короля в Литве»[5]. И в литературной, и в фольклорных загадках прием повтора используется для акцентирования внимания читателей на наиболее важных моментах предметно-речевой композиции: всеобъемлющем характере представленного феномена.

Однако при наличии сходства образных компонентов (например, упоминание образа царя) и композиционной модели приведенных загадок их интерпретационное поле содержит ряд принципиальных различий. В тексте литературной загадки отсутствует мифологическая персонификация энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке) [5], которая свойственна народным загадкам. Конкретизация абстрактного понятия осуществляется автором посредством расширения характеристик образного ряда: «героев я превозмогаю», «сильнейши войска побеждаю» и т. д. Свойственная фольклорным загадкам метафоризация действительности получает в литературной загадке иное художественное решение: универсальность и неотвратимость смерти истолкованы автором при помощи введения градации восходящего типа («я владею», «я превозмогаю», «побеждаю»).

Различия между загадками проявляются также и на уровне повествовательной модели: литературная загадка написана от 1-го лица, что обусловлено, во-первых, спецификой закодированного образа (его спекулятивностью), а во-вторых – отсутствием семантических аналогов и метафорических эквивалентов. В народных загадках повествование ведется от 3-го лица, что также определяется художественными особенностями энигматических текстов, ориентированных на презентацию когнитивной картины мира и воспроизводящих мифологическое сознание русского народа.

Литературная загадка представляет собой суждение-противоречие, поскольку в ней содержатся противоположные умозаключения. В начальных строках поэтом констатируется бестелесность энигматического образа, что на композиционном уровне выражено при помощи использования приема отрицательного параллелизма: «Меня никто еще от века не видал, / И гласа моего поныне не слыхал». В последующих строках автором утверждаются абсолютное доминирование феномена в общем мироустройстве, его всеобъемлющая сущность и фатальность. Тем самым подчеркиваются неизбежность смерти, конечность человеческого существования. Избранные поэтом логическая и композиционная структуры обусловлены метафизичностью зашифрованного образа, не имеющего семантических аналогов и метафорических эквивалентов.

Кроме приемов повтора и отрицательного параллелизма для имплицитного описания абстрактных категорий авторами загадок, печатавшимися в журнале «Что-нибудь», используется антитеза для раскрытия неоднозначной сущности трактуемого образа: «Я смертным радости великие рождаю, / И ими иногда как куклами играю. / Я часто мучу их, терзаю, как хочу, / Они страдают мной, а я лишь хохочу; / Но я и в горести терпящему приятна; / А кто же счастлив мной, то счастье больше всех / Приятнее моих на свете нет утех; / Теперь я, кажется, всем стала уж понятна»[6].

Присутствие в интерпретационном поле загадки контрастных понятий «радость» – «горесть» указывает на противоречие, заложенное

---

[4]*Худяков И.А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб.: Тропа Троянова, 2001. С. 435.

[5]*Садовников Д.* Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: тип. Н.А. Лебедева; Изд-е А.С. Суворина, 1876. С. 251–252.

[6]Что-нибудь. СПб., 1780. Неделя XX. Лист XX. С. 7.

в основу представленного феномена. Жизнь трактуется поэтом как своего рода антиномия, как процесс, обладающий способностью вызывать разноречивые чувства и эмоции, для чего им используется лексика с антиномичной эмоционально-экспрессивной окраской. Особое значение для преобразования исходной ситуации загадки имеет экспликация введенного поэтом сравнения («как куклами играю»), подчеркивающего фатальность и предопределенность жизненного пути человека. Авторскую трактовку имплицитного образа отражает также введенная в текст градация восходящего типа: «рождаю» – «играю» – «хохочу», раскрывающая его непредсказуемый характер.

Наряду с этико-философской тематикой загадкам авторов журнала «Что-нибудь» свойственна познавательно-эвристическая функция. Так, например, в загадке о солнце подробно излагаются перцептивные признаки небесного светила: «По утру над собой я власти не имею; / К полудню оную я начинаю знать, / А в вечеру от ней до тех пор я слабею, / Пока не придет час мне в одр ложиться спать»[7].

По сути, в основе интерпретационного поля загадки лежит завуалированное описание восхода и заката. Подобную детализированность следует отнести к влиянию литературной традиции, поскольку для фольклорных загадок с одноименной отгадкой свойственны лаконичность и статичность образной структуры, а также сгущенная метафоризация. Ср.: «Из окна в окно / Золото бревно»; «Бурая корова через прясло глядит»[8] и др.

Познавательно-эвристическая направленность характеризует и загадки из журнала «Растущий виноград» – первого педагогического издания в России. Журнал выпускался при Главном народном училище в Санкт-Петербурге с 1785 по 1787 год. В нем публиковались преимущественно переводные произведения и стихотворные опыты студентов. Начав с публикации статей по естествознанию со ссылками на запрещенные духовной цензурой произведения Коперника и Фонтенеля, журнал довольно быстро скатился на охранительные позиции: «Каждый номер начинается с похвальной оды Екатерине или кому-либо из вельмож. С февраля журнал выступает против масонства (памфлет против масонов-мартинистов, напоминающий по стилю статьи Екатерины II во “Всякой всячине”)»[9].

Для помещенных в этом издании загадок характерно преобладание естественнонаучной и предметно-бытовой тематики: в них изображаются насекомые, растения, атрибуты повседневного обихода. Создавая имплицитное описание образов, авторы загадок опираются на когнитивный опыт просвещенного читателя, иносказательно описывая предметы и явления, хорошо ему знакомые. При этом основной акцент делается на обрисовке перцептивных признаков объекта: «На муху видом я простую похожу; / Зимой покоюся, а летом все тружуся, / Во внутренности древ весь век свой провожу / И там искусный дом себе составить тщуся. / Летаю всюду я, летаю на цветы, / Беру с них сладость, цвет не портя красоты; / Имея яд в себе, сот сладкий составляю. / Сим пользую других, да и сама кормлюсь, / И первым от своих злодеев боронюсь, / И, уязвляя их, сама я умираю»[10].

В загадке представлена подробная характеристика энигмата, совмещающая импликацию его внешних (форма, размер) и внутренних (функции, происхождение) свойств, что, несомненно, следует отнести к влиянию литературной традиции.

В фольклорных загадках с идентичной отгадкой закодированные образы изображаются в предельно лаконичной форме и, как правило, посредством подбора метафорических эквивалентов: «Целый хлевец / Серых овец»; «Семидевки шли, / Семикрасны шли, / Волосник нашли:

---

[7]Что-нибудь. СПб., 1780. Неделя XX. Лист XX. С. 8.

[8]*Худяков И.А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. С. 436.

[9]Растущий виноград [СПб., 1785–1787] // Русская периодическая печать (1702–1894). С. 69.

[10]Растущий виноград. 1786. Сент. С. 56.

/ Семишелком шит, / Всему городу узор»; «Расставлю я ворота, / Выпущу кобелей бесхвостных»[11]. Приведенные загадки отражают когнитивную картину мира в восприятии русского народа, что обусловлено основополагающей установкой жанра фольклорной загадки на «изображение реалий действительности, описание их признаков как существенных, узнаваемых всеми носителями соответствующей культуры» [6, с. 11]. Именно потому особое значение приобретает формирование в кодирующей части загадки определенного художественного стереотипа, который «позволяет выявить образы объектов и явлений действительности в совокупности актуальных характеристик» [6, с. 11].

Импликация внутренних свойств (функций и способов употребления) закодированного образа организует интерпретационное поле экзотической загадки о шелковом черве: «Родившись, дом себе я делать начинаю, / Чтоб в оном возмужать дать дальше плод. / Но самый же дом тот / Гробницей служит мне, других им украшаю»[12].

В этой загадке в иносказательной форме излагается процесс изготовления шелка, натуральной текстильной ткани животного происхождения, добываемой из кокона тутового шелкопряда – бабочки, «разводимой ради шелка, который получается из ее коконов»; шелкопряд «утратил способность летания, так как он известен <…> только в домашнем состоянии»[13].

Для экспликации представленного в загадке феномена особое значение приобретает использование метафорических аналогов. Плотная шелковая оболочка кокона, которая формируется гусеницей, уподоблена в тексте «дому», а также – «гробнице». Введение автором подобного рода когнитивных метафор позволяет раскрыть уникальность процесса изготовления шелка.

Подобно предыдущей загадке здесь также отчетливо выражено познавательно-эвристическое начало. В процессе поиска отгадки читатель выстраивает причинно-следственные связи, выделяет общие и отличительные признаки изображаемого объекта. И здесь, несомненно, прослеживается влияние фольклорной традиции, поскольку для правильного преобразования зашифрованного описания, данного в загадке, отгадчику «необходимо произвести ряд мыслительных операций, основанных на перекрещивании в сознании образных ассоциаций, возникающих в результате тесного взаимодействия отдельного фрагмента окружающей действительности, имеющего знаковое выражение, и всего объема знаний о мире», причем «такое раскодирование возможно в условиях единообразного определения предмета представителями отдельной лингвокультурной общности» [7, с. 265].

Очевидно, что в загадке о шелковом черве автором сформулированы в завуалированной форме отдельные типичные свойства репрезентируемого объекта, которые затем выстраиваются в целостную систему. Создавая метафорическое описание энигмата, поэт опирается прежде всего на познавательный опыт читателя. При этом наряду с когнитивными метафорами, в тексте присутствует семантическая оппозиция жизнь/смерть, также указывающая на специфические особенности представленного феномена, в частности на краткосрочность существования шелкового червя, жизненный цикл которого сводится к четырем этапам: яйцо, гусеница, куколка и бабочка.

Возвращаясь к анализу загадок, помещенных в журнале «Растущий виноград», следует отметить, что наряду с загадками естественнонаучной тематики в нем присутствуют загадки о предметах быта и повседневного обихода, интерпретационное поле которых также отражает общественный когнитивный опыт. Сюда следует отнести загадку о ключе: ее интерпретационное поле содержит перечисление перцептивных признаков завуалированно представленного

---

[11] *Худяков И.А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. С. 430.

[12] Растущий виноград. 1786. Янв. С. 90.

[13] Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. XXXI. С. 253.

образа. Основной акцент сделан автором на импликации внутренних свойств феномена (его функций и способов употребления): «Я стерегу, когда на страже не бываю, / На страже ставши, я не в силах устеречь: / Уйду я, крепко все; приду, все послабляю. / Кому что стерегу, тот должен мя беречь»[14].

С точки зрения строения логической структуры эта загадка является суждением-противоречием, поскольку в ней одновременно утверждаются и отрицаются одни и те же качества зашифрованного объекта. К особенностям композиции этого художественного текста следует отнести употребление приемов повтора («стерегу», «стража») и контраста («крепкий»/«слабый»), позволяющих читателю понять специфику обращения с данным предметом.

Познавательно-эвристическая направленность характерна и для загадок журнала «Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния, составленная из медикаментов старины и новизны, то есть: философских, критических, рифмованных, пастушьих и аллегорических веществословий», издававшегося в 1793 году в Москве А.Г. Решетниковым, считавшим, что произведения искусства слова «нечувствительно научают нас убегать пороков и любить добродетель»[15]. В июньском и ноябрьском номерах этого журнала были помещены 12 стихотворных загадок, авторы которых неизвестны. В июньском номере преобладают загадки с познавательно-эвристическим содержанием (о туче и дожде, о ключе), в ноябрьском – загадки этико-философской тематики и нравоучительной направленности (о времени, совести). Неизвестный автор этих произведений явно апеллирует к христианскому учению о совести, которая является даром Божьим для свидетельства Высшей правды.

В святоотеческой литературе указывается: «...в нас лежит естественный закон добра и зла <…> Бог при самом сотворении человека создал его знающим то и другое – это показывают люди <…> Итак, знаем мы, что такое порок и что добродетель. То же самое и Христос показывая, и объясняя, что Он заповедует не что-либо новое или превышающее нашу природу, но то, что искони уже вложил в нашу совесть...»[16] Именно совесть свидетельствует о «богоподобии человека и необходимости исполнения заповедей Божьих», в совести ощущается не только «человеческая, но и выше-человеческая или божественная сторона»[17].

В загадке из журнала «Прохладные часы» эта духовная категория трактуется в полном соответствии с библейской традицией как показатель нравственной ответственности и обязанности человека перед Богом и людьми: «Я есть и нет меня! – не быти не могу, / Вещаю правду всем – и никогда не лгу. / Когда б мой глас храня, / Все слушали меня, / Все б были Ангелы и рай была земля»[18].

Особую нагрузку в тексте приобретают смысловые оппозиции: правда/ложь, рай/земля. Создавая зашифрованное описание энигмата, анонимный автор делает акцент на важности для человека способности оценивать свое поведение, мотивы и желания с позиции осознания собственного несовершенства. Совесть, по мнению автора, – это разговор человека наедине с самим собой. Ощущение собственного несовершенства и недовольство собой приводят человека к нравственным переживаниям, известным как «укоры совести» или «муки совести». Совесть является одним из даров, посланных человеку Богом, поскольку не дает ему окончательно свернуть на путь греха. Вот почему в тексте загадки возникают образы Ангелов –

---

[14]Растущий виноград. 1786. Сент. С. 55.

[15]*Кукушкина Е.Д.* Решетников А.Г. // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. Вып. 3. С. 38.

[16]*Иоанн Златоуст, свт.* Творения. СПб., 1902. Т. 2, кн. 1. Беседы о статуях. С. 151–152.

[17]Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., Изд-во П.П. Сойкина. Т. 2. С. 2085–2086.

[18]Прохладные часы. 1793. Нояб. С. 397.

безгрешных, духовных существ, «одаренных высшим разумом, свободною волею и большим могуществом, всегда предстоящих пред престолом божиим, служащих ему и прославляющих его»[19], а также – рая, места вечного блаженства праведников.

Очевидно, что основным функциональным назначением этой загадки является не только проверка читателей на сообразительность, но и назидательное воздействие. К ее особым композиционным приемам следует отнести синтаксический параллелизм, который позволяет автору сделать смысловой и интонационный акцент на мысли о необходимости для каждого человека следовать нравственному закону и христианскому вероучению.

Определенная дидактическая функция свойственна и загадке о библиотеке (книгах), где автор обращает внимание на значимость знаний и образования в жизни каждого человека: «Кладбище мертвых я, но зрению приятно; / Мои все мертвецы свободно говорят: / Но жаль, что слушать их не всякой хочет внятно, / А то бы всякой был умен, счастлив, богат»[20].

Особое место в амплификационной композиции этой загадки отведено метафоре и оксюморону, которые используются поэтом для обозначения дифференциальных свойств энигмата. Употребление метафорического эквивалента (уподобление книг «мертвецам») позволяет автору акцентировать внимание на том обстоятельстве, что имплицитный образ представляет собой объект неживой природы. При этом сочетание слов с несочетаемым значением («мертвецы свободно говорят») указывает на некоторую противоречивость энигматического объекта и используется автором для раскрытия его антагонистических качеств. Наряду с контаминацией поэтом применяется прием повтора, для того чтобы подчеркнуть назидательный пафос загадки: «Но жаль, что слушать их не всякой хочет внятно, / А то бы всякой был умен, счастлив, богат». По сути, специфические признаки подразумеваемого объекта репрезентируются автором в первых двух строках, а в последующих выражается поучительная патетика.

Нравоучительная направленность определяет интерпретационное поле загадки анонимного автора, напечатанной в журнале «Новые ежемесячные сочинения»: «Я обществ тишина и царств земных покой. / Людей блаженными творит лишь промысл мой. / Где ж нет меня, мятеж и беспорядок там, / И смертных род во всем подобится зверям. / Кто истину хранит и любит добродетель, / Кто ходит в правоте и свято чтит меня, / Тому против всего я твердая броня: / Премногих смертным благ единый я содетель; / Последующим мне приятный вид кажу, / Противников моих в страх, в трепет привожу»[21].

Использование развернутой системы антитез(«тишина»,«покой»/«мятеж»,«беспорядок»; «блаженный»/«зверь»; «последователь»/«противник») определяется спецификой энигматов. Очевидно, что речь в загадке идет о вере в Бога и соблюдении закона Божьего. Упоминание автором «блаженных» людей, несомненно, отсылает читателей к содержанию Нагорной проповеди Христа[22]. Автор стихотворной загадки стремится донести до читателей мысль о том, что люди должны исполнять закон Божий, чтобы получить блаженную вечную жизнь в Царстве Небесном: «Радуйтесь и веселитесь, ибо

---

[19]Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. С. 156.

[20]Прохладные часы. 1793. Нояб. С. 398.

[21]Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1786. Ч. 1. С. 87.

[22]«1. Блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное. 2. Блажени плачущии, яко тии утешатся. 3. Блажени кротцыи, яко тии наследят землю. 4. Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся. 5. Блажени милостивии, яко тии помиловани будут. 6. Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят. 7. Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся. 8. Блажени изгнани правды ради, яко тех есть царствие небесное. 9. Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех» (Матф. 5, 3–11).

велика ваша награда на небесах» (Матф. 5, 12). Все, кто будет следовать заповедям Христа, обретут нетленное блаженство в будущей вечной жизни: «Кто истину хранит и любит добродетель, / Кто ходит в правоте и свято чтит меня, / Тому против всего я твердая броня».

Наряду с образами праведников (блаженных людей) в загадке упоминаются грешники, которые преступают закон Божий и непременно будут наказаны за свои деяния, как говорит Священное писание: «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Матф. 5, 19).

Антитетичная композиция, избранная анонимным автором, свидетельствует о его стремлении отойти от прямого назидания и резонерства, воздействуя на разум читателя и побуждая его самостоятельно прийти к выводу о незыблемости духовных ценностей бытия, необходимости соблюдения евангельских заповедей. Согласно христианской антропологии, «если человек сознательно и свободно стремится к осуществлению воли Божией, то он получает для этого и благодатные силы, и возможности; если же его выбор отклоняется от воли Божией, то и возможности для реализации уменьшаются в той степени насколько намерение противоречит воле Божией…»[23]

Анализ литературных стихотворных загадок, изданных на страницах периодических журналов конца XVIII века, предпринятый в данной статье, позволяет сделать ряд выводов. В творчестве поэтов, сотрудничавших с журналами «Что-нибудь» и «Растущий виноград», преобладают загадки этологической тематики, что указывает на присутствие в них фольклорной традиции, следование которой проявляется также на уровне образной системы и способов создания интерпретационного поля. В загадках анонимных авторов активно используются такие художественные средства, как метафора и отрицательный параллелизм. Однако при наличии сходства смысловых компонентов литературные стихотворные загадки, опубликованные на страницах вышеназванных журналов, существенно отличаются от народных загадок по своей композиционной структуре, повествовательной модели и функциональной специфике.

В загадках, изданных в журналах «Прохладные часы» и «Новые ежемесячные сочинения», преобладает нравственно-философская тематика. В них репрезентированы этико-эстетические категории и спекулятивные понятия, а в качестве способов создания имплицитного образа активно используются антитезы и сравнения, нетипичные для жанра народной загадки. Функциональным назначением этих энигматических текстов является назидательное воздействие на читателей.

Список литературы

1. *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М.: Яз. рус. культуры, 2001. 352 с.

2. *Маслова А.Г.* Пространственно-временная картина мира в русской поэзии начала 1760-х годов (по материалам журнала «Полезное увеселение») // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. 2011. № 6. С. 107–112.

3. *Маслова А.Г.* Поэтика времени и пространства в русской поэзии последней трети XVIII в.: дис. … д-ра филол. наук. Киров, 2014. 499 с.

4. *Морозова Е.А.* Романтическое движение в русской литературе XVIII – начала XIX вв.: творчество в «народном духе»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 154 с.

5. *Денисова Е.А.* Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2008. 226 с.

6. *Абдрашитова М.О.* Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2012. 23 с.

7. *Ларионова О.Н.* Когнитивная составляющая русских загадок // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2010. № 1. С. 264–269.

[23] *Леонов В., прот.* Основы православной антропологии: учеб. пособие. М.: Изд-во Москов. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2013. С. 122.

References

1. Gukovskiy G.A. *Rannie raboty po istorii russkoy poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry of the 18th Century]. Moscow, 2001. 352 p.
2. Maslova A.G. Prostranstvenno-vremennaya kartina mira v russkoy poezii nachala 1760-kh godov (po materialam zhurnala "Poleznoe uveselenie") [Space-Time Image of the World in Russian Poetry in Early 1760s (Based on Materials of the Magazine "Useful Entertainment")]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Russkaya filologiya*, 2011, no. 6, pp. 107–112.
3. Maslova A.G. *Poetika vremeni i prostranstva v russkoy poezii posledney treti XVIII v.* [Poetics of Time and Space in Russian Poetry of the Last Third of the 18th Century]. Kirov, 2014. 499 p.
4. Morozova E.A. *Romanticheskoe dvizhenie v russkoy literature XVIII – nachala XIX vv.: tvorchestvo v "narodnom dukhe"* [Romantic Movement in Russian Literature of the 18th – Early 19th Centuries: Creativity in the Spirit of the People]. Moscow, 2003. 154 p.
5. Denisova E.A. *Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta (na materiale russkikh zagadok i krossvordov)* [Structure and Functions of the Enigmatic Text (Based on Russian Riddles and Crosswords)]. Moscow, 2008. 226 p.
6. Abdrashitova M.O. *Miromodeliruyushchaya funktsiya zhanra zagadki v fol'klornom diskurse* [World-Modelling Function of the Genre of Riddle in Folklore Discourse]. Tomsk, 2012. 23 p.
7. Larionova O.N. Kognitivnaya sostavlyayushchaya russkikh zagadok [Cognitive Part of Russian Riddles]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 1, pp. 264–269.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.138

Tat'yana V. Strukova
Orel State Institute of Culture;
ul. Leskova 15, Orel, 302020, Russian Federation;
e-mail: tatam08@rambler.ru

LITERARY RIDDLES IN VERSE ON THE PAGES OF PERIODICALS OF THE LATE 18th CENTURY

The article analyses literary riddles in verse by anonymous authors published on the pages of monthly and weekly periodicals in the late 18th century (*Chto-nibud*, *Rastushchy vinograd*, *Prokhladnye chasy*, and *Novye ezhemesyachnye sochineniya*). Having emerged in the mid-18th century, the genre of Russian literary riddle in verse had never been a subject of special research. This paper is intended to fill the gap in the study of the genre of literary riddle in verse, which not only reflects the cognitive worldview and vision of the poets, but also externalizes numerous artistic experiments. Without considering the characteristic features of this genre, the understanding of the literary process in the second half of the 18th century would be incomplete. Beyond all doubt, riddles reflected their authors' world outlook and aesthetic vision. In the riddles published in the magazines *Chto-nibud* and *Rastushchy vinograd*, folk origins can be traced on the level of subject matter (depiction of household items) and methods of creating enigmatic images (use of cognitive metaphors, oxymoron, and negative parallelism). At the same time, however, the riddles of anonymous authors differ significantly from folk riddles in terms of narrative structure and composition. Most of the riddles published in the aforementioned magazines have an informative and heuristic orientation. In addition to describing material objects and presenting empirical categories (hence the use of implicit description by means of antithesis and comparison), which are unusual for the folk genre, riddles in the magazines *Prokhladnye chasy* and *Novye ezhemesyachnye sochineniya* introduce ethical and philosophical concepts. The main specific feature of these enigmatic texts is their function of readers' edification.

Keywords: *literary riddle in verse, folklore tradition, literary tradition, interpretive field, enigmatic image.*

Поступила: 27.02.2017
Received: 27 February 2017

For citation: Strukova T.V. Literary Riddles in Verse on the Pages of Periodicals of the Late 18th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 138–147. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.138

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.148

***ГОЛДИН Владислав Иванович**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова[*]*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

Рецензия на книгу: *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. 399 с.

Национальный вопрос и национальные политики противоборствующих сил в годы Гражданской войны в России всегда вызывали интерес исследователей и разнообразные суждения. Эта тематика приобретает особую актуальность в связи со столетием с начала Российской гражданской войны. В рецензии рассматривается монография историка из Санкт-Петербурга А.С. Пученкова, посвященная исследованию национальной политики генерала Деникина. В монографии анализируются взаимоотношения деникинского режима с Польшей и Финляндией, государственными образованиями и народами Кавказа, украинскими националистами и еврейским населением, а также роль и место национального вопроса в деятельности южнорусского Белого движения.

***Ключевые слова:** Гражданская война в России, Белое движение, национальный вопрос, национально-освободительное движение, национальная политика, национализм, сепаратизм.*

Столетие российских революций 1917 года и Гражданской войны в России резко актуализировало данную тематику, обмен мнениями и дискуссии по указанным проблемам, в т. ч. и на страницах настоящего журнала[1]. Национальный вопрос в рассматриваемую эпоху относится к числу наиболее сложных и острых проблем и далеко не всегда находит объективное отражение в литературе. Сегодня нередко оправдывается сепаратизм и национализм,

[1]См.: Размышляя о 1917-м: круглый стол к 100-летию российских революций // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 2. С. 146–161; *Голдин В.И.* По ступеням столетия: история и политика // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 1. С. 23–31; *Его же.* Новейшие зарубежные исследования о Гражданской войне начала XX века в России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 5. С. 128–133.

[*]*Адрес:* 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; *e-mail:* v.i.goldin@yandex.ru

Для цитирования: Голдин В.И. Национальный вопрос и национальные политики в Гражданской войне в России // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 148–151. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.148

идеализируется Белое движение или же национальные отношения в эпоху российских революций и Гражданской войны рассматриваются сквозь призму хаоса и смуты. Политизированный и тенденциозный характер часто приобретает и видение революционной эпохи и Гражданской войны в России в целом.

В противовес указанным негативным тенденциям рецензируемая монография санкт-петербургского историка, доктора исторических наук А.С. Пученкова, вышедшая вторым, исправленным и дополненным изданием, является глубоким исследованием национальных отношений, противоборства в сфере данных отношений в период Гражданской войны в России и национальной политики генерала А.И. Деникина.

В солидном 50-страничном введении автор обращается к анализу существующей литературы по теме, не ограничиваясь лишь Югом России, но раскрывая ключевые концепты Белого движения и его идеологию, в частности такие дискуссионные понятия, как содержание его основополагающего лозунга «Великая, Единая и Неделимая Россия», доктрина «непредрешения» и др. Белое движение на Юге России зарождалось и развивалось на территориях с пестрым этническим составом, и в силу этого национальная политика приобретала там особую актуальность.

Основная часть монографии состоит из четырех глав, каждая из которых посвящена крупной проблеме национальной политики генерала Деникина. В первой главе исследуется польско-финский вопрос. Автор справедливо указывает, что белое командование с уважением относилось к возрожденной польской государственности, не забывая при этом о защите собственно русских национальных интересов, что воплощалось в пресечении антирусских настроений в Польше и вопросе о будущих границах двух государств. Кроме того, предпринимались попытки удержать Польшу в сфере русского влияния.

Ключевым вопросом взаимоотношений деникинцев с Польшей в 1919 году было заключение соглашения о совместных боевых действиях против большевиков, но переговоры провалились. А.С. Пученков подробно исследует причины этого, делая особый упор на двуличной игре поляков, которые в действительности не собирались подписывать соглашение с белогвардейцами, что сыграло на руку красным. Установить союзнические отношения с Польшей не удалось и деникинскому преемнику генералу П.Н. Врангелю. Автор ссылается на предсказание Деникина о грядущей печальной судьбе польского народа и делает обоснованный вывод о том, что окрыленная успехом в войне с РСФСР Польша пыталась и в дальнейшем выступать на равных в большой европейской игре, но, не рассчитав силы, была уничтожена во Второй мировой войне.

Эти размышления и уроки истории актуальны и для современной Польши, которая стремится активно участвовать в европейские и мировые игры, позиционируя себя в качестве региональной державы и разжигая русофобские настроения.

В книге подробно рассматривается и финская тема, раскрываются противоречия во взаимоотношениях русских белогвардейцев и финнов, не позволившие им заключить военный союз. В связи с затронутым в книге вопросом о планах Маннергейма в отношении Петрограда ограничимся ссылкой на его письмо брату Юхану 21 февраля 1918 года: «…возобновление немецкого наступления значительно облегчает нашу кампанию. Я только боюсь, что мы не успеем в Петербург, а нам туда надо бы»[2].

Во второй главе подробно характеризуется кавказская политика генерала Деникина, в т. ч. в отношении Грузии, Азербайджана и Армении, а также горских народов. А.С. Пученков раскрывает иностранные интересы на Кавказе, планы и дей-ствия Великобритании, Германии и Турции на этой территории в условиях продолжавшейся Первой мировой войны. Это правомерно, т. к. само рождение государственных образований на Кавказе и их судьба во многом

[2] *Голдин В.И., Соколова Ф.Х., Журавлев П.С.* Русский Север в историческом пространстве Российской гражданской войны. Архангельск, 2006. С. 226.

зависели от действий интервентов. Вместе с тем все это крайне затрудняло проведение в жизнь политики, намеченной генералом Деникиным. Окончание мировой войны не облегчило его положения, ибо Великобритания последовательно отстаивала здесь свои имперские интересы, препятствуя проведению в жизнь идей «Единой и Неделимой России», восстановлению российских позиций на Кавказе.

Автору рецензии было интересно ознакомиться с этой частью книги еще и потому, что летом 2017 года состоялась его поездка по странам Кавказа, в ходе которой приходилось дискутировать с представителями местной общественности по вопросам рождения и становления их государственности в сложной и драматической ситуации 1918 года.

В книге А.С. Пученкова анализируются особенности национальной политики, взаимоотношений и боевых действий между белогвардейцами и национальными движениями Северного Кавказа, где национально-этническая проблематика тесно переплеталась с религиозной. Автор корректно представляет и внимательно анализирует суждения других исследователей, а в связи с неоднократно цитируемым им В.Б. Лобановым мы укажем новую монографию этого историка[3].

В третьей главе рассмотрены взаимоотношения Белого Юга с юго-западными русскими землями. Особое внимание в ней справедливо уделено сложным отношениям и противостоянию Добровольческой армии и украинских самостийников. При этом специальный параграф посвящен борьбе с «украинством» в литературной и политической деятельности видного сторонника Деникина В.В. Шульгина, ибо, как указывает автор, Шульгин и его политические единомышленники являлись, пожалуй, главными проводниками национальной политики белых на Украине (с. 225).

Со знанием дела в монографии исследуется бессарабская проблема, поскольку Бессарабия была незаконно аннексирована Румынией в начале 1918 года. Румынизация края вызывала сопротивление местного населения, но решить бессарабский вопрос в ходе Гражданской войны не удалось ни белым, ни красным. Бессарабия была возвращена в состав СССР лишь в 1939 году в соответствии с советско-германским соглашением. И вновь уроки истории актуальны для современности, ибо сегодня в Румынии идет острая борьба русофилов и русофобов.

В этой же главе рассматривается деятельность Подготовительной по национальным делам комиссии. И хотя ее работа была краткосрочной, все же определенные результаты были достигнуты.

Заключительная глава книги называется «Белое командование и еврейский вопрос». Основное внимание в ней уделяется жестоким еврейским погромам на территориях, контролируемых войсками Деникина, что вызывало большой резонанс и являлось в дальнейшем предметом полемики и жестких оценок в эмигрантских кругах и в исторической литературе. Проанализировав большой и разнообразный фактический материал, А.С. Пученков приходит к выводу, что «антисемитизм никогда не был основой национальной политики администрации ВСЮР». Главной причиной погромов, по его мнению, была война, которую многие добровольцы вели с 1914 года, и для них эти погромы зачастую были средством наживы. Кроме того, еврейство, полагает автор книги, символизировало для многих добровольцев саму революцию, разрушавшую их традиционный жизненный уклад.

В заключение книги подведены основные итоги исследования, раскрыта вся противоречивость национальной политики генерала Деникина. По мнению А.С. Пученкова, реализация базового лозунга Белого движения «Единая, Великая и Неделимая Россия» не была великодержавным шовинизмом белогвардейцев: они видели восстановление границ дореволюционной России

---

[1] *Лобанов В.Б.* Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противоборство. СПб., 2017.

(за исключением этнографической Польши) как условие государственного бытия России. Но реалии распавшейся империи и Гражданской войны, подъем национализма и национальных чувств, стремление к собственной национальной государственности предопределили сложность разработки и реализации национальной политики генерала Деникина. Здесь требовались гибкость и умелая дипломатия, чего ему и его военным коллегам не хватало. В книге названы их конкретные ошибки и упущения.

А.С. Пученков утверждает, что нельзя говорить об отсутствии у белых продуманной и разработанной национальной политики, ибо серьезные шаги в этом направлении предпринимались уже с конца 1918 года. Но заметим, что не приходится говорить и о целостности, и об эффективности национальной политики белых. Да и сам автор делает вывод о том, что «недостаточно компетентная национальная политика – это не вина Деникина, а беда». Способность красных вступать союз со вчерашними «инородцами» и получать поддержку во многом предопределили их победу.

Добавим, что в рецензируемой книге наряду с основным текстом содержится 7 приложений общим объемом почти в 50 страниц, что способствует более глубокому пониманию исследуемой темы.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.148

Vladislav I. Goldin
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

THE NATIONAL QUESTION AND NATIONAL POLICIES DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA

Review of the book: Puchenkov A.S. *Natsional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 g.)* [National Policy of General Denikin (Spring 1918 – Spring 1920)]. Moscow, 2016. 399 p.

The national question and national policies of the contending forces during the Civil War in Russia has always generated interest and a variety of opinions. Today, this is again a topical issue due to the centenary of the Russian Civil War. This review characterizes a monograph of a St. Petersburg historian A.S. Puchenkov dealing with the national policy of General Denikin. The monograph analyses the interactions between the Denikin regime and Poland and Finland, the state units and peoples of the Caucasus, Ukrainian nationalists and the Jewish population, as well as studies the role and place of the national question in the activities of the South Russian White movement.

Keywords: *Russian Civil War, White movement, national question, national liberation movement, national policy, nationalism, separatism.*

Поступила: 20.11.2017
Received: 20 November 2017

For citation: Goldin V.I. The National Question and National Policies During the Civil War in Russia. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 148–151. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.148

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.152

***ТИМАШЕВА Оксана Владимировна**, доктор филологических наук, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков Московского городского педагогического университета[*]*

МОЗАИКА КОЛЛЕКТИВНОЙ ДУМЫ

Рецензия на коллективную монографию: Франция и Россия: век XVII. Н. Новгород: Печат. мастерская РАДОНЕЖ, 2016. 340 с.

В четырех частях рассматриваемой монографии – «История, экономика, политика Франции и России XVII века», «Грани культуры XVII века», «Музыка и театр XVII века», «Компаративный диалог с XVII веком» – группа авторов исследует столетие, предопределившее судьбу развития Европы. Пристальное внимание уделяется вопросам дипломатии, религии, культурных связей в области литературы, театра и музыки. Монография объединяет исследователей разных областей знаний и предназначена как для специалистов, так и всех читателей, интересующихся XVII столетием.

***Ключевые слова:** Россия, Франция, нововременная цивилизация, компаративистика, централизация мыслительных процессов.*

Как можно заметить из названий разделов коллективной монографии о XVII столетии, она не посвящена межнациональным сопоставлениям (Россия и Франция) или сопоставлениям отдельных периодов, жанров или уровней литературы. Обособляя XVII век и выдвигая самостоятельные разделы его изучения как существенные, организаторы конференции, по итогам которой вышла данная монография, имеют в виду живущую своей жизнью историко-культурную эпоху, входящую вместе с эпохой Просвещения и XX веком в исторически более протяженную эпоху нововременной цивилизации. Многообразные темы и сюжеты монографии объединены идеей углубленного познания столетия, заложившего основы русских представлений о европейском западе и Франции. Обратная сторона – французские наблюдения над российским обществом и его историей – тоже имеют место, но в данной книге нет пространного русско-французского диалога, подобных сообщений мало, они никак не превалируют, поэтому обозначим их прежде всего.

Давно и неоднократно многими специалистами отмечалось, что для французских ученых (путешественников, антропологов, картографов,

[*]*Адрес:* 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1; *e-mail:* timacheva@list.ru

Для цитирования: Тимашева О.В. Мозаика коллективной думы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 152–157. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.152

этнографов) Россия – огромная территория с разнообразной природой и пестрым населением, о чем французы чаще всего, даже в наши дни, пишут книги, записки, мемуары. Подобным образом они видят и другие земли, находящиеся рядом с Россией.

Старший научный сотрудник Института истории Украины НАН (Киев) О.Л. Иваненко, исследуя французские документы, в своем сообщении констатирует, что понятия «Украина» до XVII века в сознании французов вообще не существовало. Впервые оно появляется лишь в XVII столетии в книге военного инженера и картографа Луи де Боплана, написавшего для польского короля Яна II Казимира текст под названием «Описание Украины» (1651), где отмечается *роль украинцев в развитии польского государства*, расширении его границ. Украинцы защищали рубежи Польши, оберегая ее от турецких и татарских набегов. «Польское земледелие значительно продвинулось вперед с помощью освоивших черноземье украинцев», – подчеркивает О.Л. Иваненко. Вывод напрашивается сам собой: Украина в XVII веке видится французам как крестьянская часть Польши.

Благодаря быстрому распространению французского языка и французских книг в русском образованном обществе Франция стала посредником между ним и европейской культурой. Первые шаги в контактах России и Франции были сделаны еще в XI веке (дочь Ярослава Мудрого – французская королева), и потом развитие контактов – с остановками – идет в основном по восходящей линии.

Сочинение о Московии Авраама де Викфора «Посол и его функции» (1680) – солидное, состоящее из двух томов произведение, написанное на основе живых наблюдений. Заметно, что де Викфор осознает важность участия Московии в делах европейской политики, понимает всю сложность положения русского государства на международной арене XVII века. Ему удается подчеркнуть восточный колорит Московского государства. Отличительной чертой европейца XVII столетия он считает идею «civilité» («цивильности», «вежества»). Неслучайно его замечание: «Если турки жестоки, честолюбивы, горды, то московиты некультурны, грубы, невежественны». Население России, с точки зрения его как католика, – прямой враг *латинской* церкви: они часто бескультурны и жестоки. Впрочем, в *спорах о порядке имен правителей* в текстах официальных посольских договоров Московия все равно побеждает. И это становится доказательством того, что Россия играла не последнюю роль на международной арене и считалась сильным европейским государством. Об этом сочинении и его различных переводах пишет аспирантка исторического факультета МГУ А.С. Чернышева.

Русские во французском общественном мнении в массе своей – суть невежи, чего не скажешь в XVII веке о французах. Французы любят игру и всегда играют в жизни, как на сцене. Однако нормы воспитанности, приличий и правил поведения закрепляются французами сначала в их собственном социуме, а потом и во всем европейском. Вырабатывая новую, отвечающую потребностям времени этико-эстетическую концепцию личности, литература XVII столетия оставила образцы разнообразных руководств по светскому поведению, а также продемонстрировала примеры такого поведения в художественных произведениях (драмы, стихи и проза). Известный литературовед-французист, преподаватель МГУ Н.Т. Пахсарьян внимательно изучает эти документы.

Для наглядности стоит их перечислить. Заимствованное у Монтеня (глава «О суетности») понятие «благовоспитанность» попало в книгу Николя Фаре «Благовоспитанный человек, или Искусство нравиться при дворе» (1630), в сочинение Пьера Бардена «Лицей» (1634), в учебники Дю Боска «Благовоспитанные женщины» (1634), «Благовоспитанное супружество», «Благовоспитанная девушка», «Благовоспитанный отрок» (1630–1640-е годы) и т. д. Самые известные писатели XVII века П. Корнель («Никомед», 1651), М. де Скюдери («Артамен или Великий Кир», 1649–1653), Ж. Расин (Британик, 1670), Ж.Б. Мольер («Школа жен», «Тартюф», «Мизантроп»), авторы максим и изречений – Ф. де Ларошфуко, Ж. де Лабрюйер,

Б. Паскаль – также развивают идею француза как «человека, имеющего честь», способного ее защищать.

Во французской культуре XVII века – на поверхности очень светской – веру, религиозные размышления, христианство обычно ищут где-то в глубине, например в мифологических по сюжетному рисунку пьесах Расина или в линии поведения принцессы Клевской мадам де Лафайет. Б. Паскаль пишет: «Как только христианская религия открывает ту истину, что природа человеческая испорчена и разлучена с богом, мы начинаем прозревать эту истину повсюду, природа такова, что и в человеке и вне человека, она свидетельствует об утраченном Боге и об испорченной его природе»[1].

Нижегородцы уверенно заявляют о сходстве доктрин Аввакума, т. е. староверов, с идеями Паскаля. Афористика Паскаля («Мысли») поверена его стоицизмом и аскетической жизнью. Блез Паскаль напоминает тех монахов-визионеров, которые, защищаясь от язычества, замыкались в себе и своим незаметным трудом проделывали гигантскую блистательную работу по «переиначиванию» языка Священного Писания на общедоступный. Христианская религия так или иначе заставляет видеть, где и как человек испорчен, будучи разлучен с Богом. Таким образом, особенностью тематики рецензируемого сборника в первую очередь следует считать приведенные здесь статьи, так или иначе касающиеся религии.

Творческое наследие Блеза Паскаля – сегодня это можно утверждать – глубоко освоено русскими писателями XIX столетия, в частности Батюшковым, Тютчевым, Достоевским. Об этом настойчиво пишет В.Н. Тарасов, профессор Литературного института имени А.М. Горького, автор популярных книг и статей о Паскале. Он утверждает, что можно вести разговор о «паскалевской» линии, влияние которой на питаемые христианской традицией направления русской культуры трудно переоценить, но оно по идеологическим причинам игнорировалось нашей гуманитарной наукой в пользу линии материалистической, «вольтеровской». Религиозно окрашенное творчество русских авторов многие десятилетия замалчивалось либо подвергалось превратному истолкованию.

В России в области литературоведения, как пишут З.И. Кирнозе, доктор филологических наук К.Ю. Кашлявик и А.Е. Лобков (Высшая школа экономики НАН, Москва), первым, кто оценил Блеза Паскаля не как философа, а как писателя, был С.Д. Коцюбинский. До него литературность творчества Паскаля подвергалась сомнению, религиозная окраска его произведений не была рассчитана на чисто эстетическое восприятие и скрывала тем самым их художественную сторону. Поиск Паскалем «новой этики», новой системы чувств и поведения соответствует перевоплощению «человека для себя» в «человека для государства». Это центральная проблема писательской деятельности Паскаля. То, что сегодня хорошо известно как «Мысли» Паскаля, задумывалось как «Апология христианства», демонстрирующая ничтожество «человека без Бога». В конце концов, человек как «мыслящий тростник» стал одним из самых любимых образов в мировой культуре.

Паскаль не отвергает человеческий разум: все наше человеческое достоинство заключается в способности мыслить. Тщетно пытаясь быть благополучным, смертный («мыслящий тростник» – «пустой бамбук») заполняет бездонную пропасть мелким и суетно-преходящим. Знаменитый образ «мыслящего тростника» призван передать трагически парадоксальное бытие человека, его ничтожество и величие. Экзистенциалисты, как это известно из рассуждений в «Бытии и Ничто» Ж.-П. Сартра, подхватили именно эту мысль Паскаля: идею трагической двойственности человека, а также его мысли о смерти.

Пьер Паскаль (1890–1983) – филолог-дипломат, католик-экуменист, одновременно по-

[1] *Паскаль Б.* Мысли. М.: Фолио, 2003. С. 199.

читатель Владимира Соловьева, «христианский большевик» – верил в возможность построения в России новой жизни, отличной от жизни Запада, в возможность совмещения социализма и христианства. Он стал героем статьи старшего научного сотрудника института востоковедения РАН (Москва) М.Ю. Рощина. В октябре 1918 года Пьер Паскаль отказался вернуться во Францию вместе с персоналом французской военной миссии и остался в Советской России. Изучая российские архивы, он пишет интереснейшие работы о времени протопопа Аввакума, русском XVII столетии. В 20-е годы прошлого века, живя в Москве, он переводит на французский житие протопопа Аввакума. Язык того времени после «интернационального слога научных статей» казался ему «чистым и сочным»: «…так, наверное, говорил весь русский народ до Петра Великого». Жизнь Аввакума вдохновлялась «непосредственным ощущением Провидения, действующим в мире и в нем самом». Согласно ходу его рассуждений, Бог вселяется в любимого им человека («дюбовнова человека»), внутренний мир которого есть «церковь» или «дом божий».

Христианская интерпретация смерти констатирует переход человека в подлинное его существование: оно, как полагают уже верующие XVII столетия, не может быть «суетно слезливым». Об отношении человека XVII века к смерти пишет на основании переписки Антуана Арно (1612–1694) аспирантка Кембриджа Е.А. Аль-Фарадж. Мыслитель Пор-Рояля Антуан Арно переписывался с известными философами своего времени – Г.В. Лейбницем и Н. Мальбраншем. Е.А. Аль-Фарадж анализирует *письма-соболезнования* и *письма-утешения*. Характеризуя письма, Антуан Арно выступает против обыденного отношения к смерти, ввергающего в излишнюю скорбь. Видение смерти для него скорее радостное, чем мрачное.

Однако XVII столетие не исчерпывается философией. Это был также век любви. Человеческие, а также социальные и гендерные отношения этого периода только начинают изучаться сегодня. Ключ к пониманию отношений мужчины и женщины, их своеобразия и значимости – в поиске и изучении многоаспектной проблематики документов, писем, дневников, записок этой исторической эпохи. Доцент филологического факультета Саратовского университета С.Ю. Павлова в своей статье «Мемуары Марии Манчини» рассказывает о записках Марии Манчини – женщины, склонной к квиетизму, первой возлюбленной Людовика XIV, незаслуженно обделенной судьбой. Племянница кардинала Мазарини, получив воспитание при французском дворе, ощущает себя француженкой и использует мемуарный жанр для демонстрации своей преданности Франции и королю Людовику XIV.

Для многих Людовик XIV и XVII век – синонимичные понятия. Этот монарх объявил себя единственным авторитетом во всех областях общественной, духовной и частной жизни. Пышность, декоративность, тщательно разработанный этикет стали характерными признаками культуры XVII века. Однако даже в абсолютно неопровержимом всегда находятся некоторые «лазейки», отступления, позволяющие увидеть нечто иное, стихийное или случайное. Идентификация монарха с солярными божествами – характерный элемент публичного образа Людовика XIV, однако он менялся на протяжении его жизни. Юный Людовик, будучи под опекой кардинала Мазарини, мог предстать на сцене в придворных постановках в обличии любого персонажа. С годами ему пришлось стать осмотрительней и помнить о том, что власть есть власть – вне зависимости от таких переменных, как тело и возраст. Об этом, представляя Людовика XIV как танцовщика, пишет старший научный сотрудник института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета (Москва) М.С. Неклюдова.

Обучение монарха – существенный момент истории культуры изучаемого периода. Старший священник монастыря «новых католичек» Фенелон был назначен главным воспитателем юного герцога бургундского, внука Людовика XIV.

Весьма трудный подросток стал некоторое время спустя, по воспоминаниям современников, «сдержанным, снисходительным, терпеливым, скромным, хорошо выполняющим свои обязанности». Фенелон задумал сочинение как своего рода учебное пособие для воспитанника, которого в книге «отправляет в путешествие», и потому Телемак наделен чертами сановитого подростка. В книге изображено идеальное государство, утопия, прославляется крестьянский труд. Здесь нет судей – людей судит их собственная совесть. Фенелону посвящена опубликованная в рецензируемой монографии статья профессора Санкт-Петербургского университета М.В. Разумовской «Фенелон и его роман» (посмертная публикация В.Д. Алташиной).

Литературная сказка XIV века представляла собой прогрессивный жанр, предполагавший более гибкую дискурсивную стратегию авторов, чем это было принято в ведущих жанрах этого времени – трагедии и комедии. Волшебная сказка менялась, опираясь на авторский выбор возможных целей и средств. В.Д. Алташина в своей статье о сказке «Красная шапочка» Шарля Перро в России (с 1870 по 2014 год) выделяет для анализа определенные моменты композиционного сложения сказки: зачин, развязку, описание гостинцев для бабушки, постельную сцену Красной шапочки и псевдобабушки. При этом текст изменяется за счет отказа от поэтических нравоучений или логичного расширения текста с помощью добавленных эпитетов, зависящих от фантазий переводчиков. Именно они способствуют порой увеличению или уменьшению объема текста. В разные столетия представление о сказке Перро у русского читателя зависело от текста, который попадал ему в руки.

Не будет преувеличением сказать, что в начале XXI века многие соотечественники с увлечением слушают музыку XVII столетия. Фестивали музыки барокко, организуемые писателем Паскалем Киньяром в Версале, ночные концерты свободно транскрибированной музыки барокко Теодора Курентзиса в Большом зале консерватории (Москва) – яркие свидетельства ее популярности.

Третья часть коллективной монографии «Музыка и театр XVII века» содержит несколько статей, почти в унисон заявляющих о множественности и разнонаправленности музыкальных эстетик XVII века. Доктор культурологии Нижегородской консерватории им. М.И. Глинки Т.Б. Сиднева вспоминает Р. Декарта с его «Компендиумом музыки», М. Мерсенна с его трактатом «Универсальная гармония». Установкой столетия были логически выверенное и подтвержденное практическим опытом знание, стремление к жесткой централизации мыслительных процессов. «Цель музыки, – писал Р. Декарт, – доставлять нам наслаждение и возбуждать в нас разнообразные аффекты». Похоже, что переживание определенных музыкальных состояний совпадает с психофизиологическими потребностями современного слушателя. Восприятие наше изменяется с ходом перемен, происходящих в современном мире.

Возможно, у монографии – небольшая аудитория, но, безусловно, это достойная аудитория, состоящая не только из специалистов, но, смеем предполагать, представителей самых разных профессий, читателей, интересующихся общим прошлым, историей, увиденной через тексты исторических документов, переписку и многочисленные художественные произведения.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.152

Oksana V. Timasheva
Moscow City Teacher Training University;
2-y Sel'skokhozyaystvennyy proezd 4, korp. 1, Moscow, 129226, Russian Federation;
e-mail: timacheva@list.ru

A MOSAIC OF COLLECTIVE THOUGHT

Review of the multi-author monograph: *Frantsiya i Rossiya: vek XVII* [France and Russia: The 17th Century]. Nizhny Novgorod, 2016. 340 p.

The four parts of the monograph – "History, Economics, and Politics of France and Russia in the 17th Century", "Facets of Culture of the 17th Century", "Music and Theatre of the 17th Century", and "A Comparative Dialogue with the 17th Century" – analyse the century that had sealed the fate of the development of Europe. Careful attention is given to the issues of diplomacy, religion and cultural contacts in the spheres of literature, theatre and music. The monograph unites researchers from various disciplines and is intended for both experts and anyone taking interest in the 17th century.

Keywords: *Russia, France, civilization of the modern era, culture, comparative studies, centralization of thought processes.*

Поступила: 20.06.2017
Received: 20 June 2017

For citation: Timasheva O.V. A Mosaic of Collective Thought. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 152–157. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.1.152

НЕКРОЛОГ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

В конце минувшего года в Архангельск пришла печальная весть. 10 декабря в Вологде ушел из жизни доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН Александр Васильевич Камкин – видный северный историк и культуролог, известный педагог и общественный деятель.

А.В. Камкин родился в Вологде 14 февраля 1950 года. Он окончил в 1971 году отделение истории историко-филологического факультета Вологодского государственного педагогического института (ВГПИ) и 6 лет отработал учителем истории в Вологде. В 1977 году А.В. Камкин стал преподавателем кафедры истории СССР Вологодского пединститута и прошел в родном вузе путь от ассистента до профессора. В 1983 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а в 1993 году – доктора исторических наук. В 1985–1989 годах А.В. Камкин был деканом исторического факультета ВГПИ. В 2001 году он основал кафедру теории и истории культуры и этнологии в Вологодском государственном педагогическом университете и в дальнейшем бессменно заведовал ею.

Научные интересы А.В. Камкина были связаны с изучением истории северного крестьянства, традиционной культуры Русского Севера и православной церкви. Он – автор около 200 научных работ, в т. ч. 5 книг и 6 учебников, опубликованных в России и за рубежом (в Германии, Франции, Австрии). Всероссийскую известность ему принес разработанный учебный курс «Истоки»: по нему занимаются школьники в 62 регионах страны.

На протяжении десятилетий А.В. Камкина связывали дружба и плодотворное научное сотрудничество с коллегами из Поморского государственного университета, а в дальнейшем – Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Он принимал участие в реализуемых здесь научных проектах, конференциях, выступал научным оппонентом на защитах диссертаций, здесь защищали кандидатские диссертации его ученики.

А.В. Камкин вел активную общественную работу. Он многие годы возглавлял Вологодское общество изучения Северного края, Вологодское общество историков-архивистов, Северное отделение Археографической комиссии РАН, был сопредседателем Вологодского общества изучения Русского Севера.

Указом Президента РФ А.В. Камкин был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Профессор А.В. Камкин посвятил жизнь родной Вологодчине: здесь его знали и любили. На прощание с ним в Вологодском драматическом театре пришли сотни людей.

Интеллигент в самом высоком смысле этого слова, блестящий ученый, прекрасный педагог, человек открытый, дружелюбный, глубоко порядочный, Александр Васильевич Камкин оставил о себе светлую память. Его смерть – большая потеря для северного научного сообщества. Хочется выразить самое искреннее соболезнование его семье, родным, близким и коллегам по работе.

Редколлегия журнала

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Алексеев А.Ю., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник кафедры философии и методологии науки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Борисов С.В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Челябинск);

Внутских А.Ю., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии Пермского государственного национального исследовательского университета;

Галимова Е.Ш., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, руководитель музея-лаборатории по изучению Северного текста русской литературы Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Голдин В.И., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Дрегало А.А., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Исаев С.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого;

Коркунова О.В., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и истории факультета экономики и управления Уральского государственного университета путей сообщения (г. Екатеринбург);

Липовой С.П., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);

Лобастов Г.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории психологии института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Медова А.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (г. Красноярск);

Мозжилин С.И., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского;

Осокина С.А., доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры германского языкознания и иностранных языков факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул);

Петров А.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Петрова А.А., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкой и романской филологии Волгоградского государственного университета;

Репневский А.В., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Сагателян Г.Ш., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Одинцовского филиала Международного юридического института (г. Одинцово Московской области);

Сидоров В.А., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета;

Сидорова Т.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Супрун М.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Теребихин Н.М., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и религиоведения, директор Центра сравнительного религиоведения и этносемиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Трошина Т.И., доктор исторических наук, профессор, доцент кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Фесенко Э.Я., кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и русского языка филиала САФУ имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области;

Щипицина Л.Ю., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия "Гуманитарные и социальные науки"» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области филологии, философии, а также истории и археологии.

Общие требования	Тексты представляются в электронном виде. Файл со статьей может быть представлен на электронном носителе либо отправлен по электронной почте. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе «Microsoft Word» и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.
Шрифт	Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.
Объем статьи	Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.
Сведения об авторе	Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.
Индекс УДК	Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.
Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть:

– информативным (не содержать общих фраз);

– оригинальным;

– содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);

– структурированным (следовать логике описания результатов в статье);

– компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

Аннотация Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).

Ключевые слова После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.

Примечания и комментарии Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты и документальные источники даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная). Примечания должны содержать лишь цитируемые в статье источники.

Библиографические ссылки Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).

– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст.

Например, в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59].

в списке литературы: 59. *Кауфман И.М.* Терминологические словари: библиография. М., 1961.

– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста.

Например, в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;

в списке литературы: 10. *Бердяев Н.А*. Смысл истории. М., 1990. 175 с.

Рисунки, схемы, диаграммы Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (*рис. 2*). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы	Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.12–93 (касается русских слов), 7.11–78 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе «Microsoft Word» и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.
Формулы	Математические и физические формулы (только формулы!) выполняются в редакторе «MS Equation 3.0.» Переменные в тексте набираются в обычном текстовом режиме.

• Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

• Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.

• Статьи публикуются на бесплатной основе.

• Статьи принимаются в течение года по адресу: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, каб. 1410а, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, отдел научных изданий научно-исследовательского управления.
Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru.

• Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

Подписаться на журнал можно в отделениях почтовой связи.

Условия подписки опубликованы в бюллетене «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы».